

Научно-информационный журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ

№ 4 (15) ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2016

Издается с 2013 г. Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

- Гуня А.Н., Ефимов А.Б.** Освоение и динамика духовно-культурного пространства России 3
- Рязанова Т.Б.** Характеристика национально-культурной идентичности современной молодежи 10
- Крючкова С.Е.** Диалоговедение М. Бахтина и теория аргументации 20
- Злобина Н. Ф.** Эстетические идеи Ф.И.Буслаева в диалоге с Н.Г. Чернышевским 26
- Самойлова Н. К.** Говорят архивы: теоретические эссе С. Танеева 33

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

- Алексеев В.Н.** Затянувшаяся командировка А.С. Пушкина 37
- Маслова Ю.В.** Символика и культурное значение архиерейского посоха-жезла в церковной полемике XVII-XVIII века 44
- Пархоменко Т. А.** Коллекция книг русского зарубежья А. К. Тарасенкова в «Музее книги» Российской государственной библиотеки 53
- Горлова И.И., Чумаченко В.К.** Гипотетический автор «Слова о полку Игореве» в интерпретации Д.С. Лихачева и новейшие номинанты на эту роль. 57
- Михеева Л. Н.** Его музой была Россия. Памяти народного артиста России, доктора культурологии, профессора В.М. Захарова. 65

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

- Парамонова М.Ю.** Александр Гейштор – жизнь как научный подвиг. Обзор публикаций к столетию историка. 72
- Фесенкова Л.В., Дерябина Е.Д.** Человек и его будущее в экологической перспективе. 80
- Чистякова О.В.** Образы человека в культуре модерна и постмодерна. 85

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- Слабуха А.В.** Полвека Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры: опыт общественно-государственного партнерства (на примере отделения ВООПИИК в Красноярском крае) 94
- Шилехина М. С.** Современные тенденции формирования культурного пространства города: проблемы и возможности? 103
- Джичоная М. А.** Традиции региональной народной культуры. Христианский и народный годовые круги. 110
- Скрипачёва И.А.** Социальная реальность города сквозь призму культурных процессов (на примере г. Тольятти). 114
- Кондратенко Н.В.** Развитие форм художественной самодеятельности Пензенской области во второй половине XX века. 120

ОСНОВАТЕЛИ ЖУРНАЛА

В. М. Захаров — доктор культурологии, профессор, Народный артист России, художественный руководитель театра танца «Гжель»;

И. К. Кучмаева — д. филос. н., профессор, академик, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Протоиерей Олег Колмаков — благочинный Плесцевского благочиния Ярославской епархии Русской Православной Церкви.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор — **Ю. А. Лукин**, д. филос. н., профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Дорогова**, д. филос. н., профессор, Заслуженный работник высшей школы России;

Заместитель главного редактора — **Л. Н. Михеева**, д. филол. н., профессор, Заслуженный работник культуры России, профессор кафедры гуманитарных наук РГСАИ;

Ответственный секретарь — **М. Г. Кучмаев**, канд. культурологии, Почётный работник высшего профессионального образования России;

Б. Б. Акимов — Народный артист СССР, художественный руководитель Московского хореографического училища при театре танца «Гжель»;

Ю. А. Бревнова — канд. культурологии, член Союза профессиональных художников России;

Е. Д. Дерябина — канд. культурологии, доцент, директор Института переподготовки работников искусства, культуры и туризма РГСАИ;

А. Л. Доброхотов — д. филос. н., профессор, профессор факультета философии НИУ ВШЭ;

В. В. Дуда — генеральный директор ВГБИЛ им. М. И. Рудомино;

А. Б. Ефимов — д. ф.-м. н., профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, зам. декана миссионерского факультета ПСТГУ;

О. В. Кучмаева — д.э. н., профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Е. А. Киричок — д. социол. н.;

Е. А. Минаев — д. искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГИК;

М. Ю. Парамонова — д. ист. н., ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

В. В. Патоков — канд. э.н., директор Русского культурного центра;

В. Н. Расторгуев — д. филос. н., профессор, Почётный работник высшего профессионального образования России, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова;

В. И. Уральская — к. филос. н., Заслуженный деятель искусств России, гл. редактор журнала «Балет»;

Н. П. Ходакова — д. пед. н., профессор, зав. кафедрой математики и информатики дошкольного и начального образования Института педагогики и психологии образования МГПУ;

Г. А. Цветкова — канд. культурологии, доцент, старший научный сотрудник МГИК;

Ю. М. Чурко — д. искусствоведения, профессор кафедры хореографии БГУКИ (Республика Беларусь).

Компьютерная вёрстка и редактирование — ;

Дизайн — **Ю. Г. Кучмаева**, кандидат культурологии.

Учредители: Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма (АПРИКТ);

Межрегиональная общественная организация (МОО) «Общественный диалог».

Издатель: МОО «Общественный диалог».

Подписано в печать 16.09.2016. Формат 60x90 1/8. Тираж 500 экз.

Адрес редакции: Москва, 123007, ул. 5-я Магистральная, д. 5.

Сайт: <http://ркцентр.рф/культурное-наследие-россии/>

E-mail: knaros@yandex.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — Э93581.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77–57283 от 12.03.2014 г.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Мнения авторов статей не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

© ФГБОУ ДПО АПРИКТ, 2016

© МОО «Общественный диалог», 2016

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 332+271.2+910.1

ББК 65.050+86.37

ОСВОЕНИЕ И ДИНАМИКА ДУХОВНО- КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Ефимов Андрей Борисович,

доктор физико-математических наук, профессор

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета,

зам декана миссионерского факультета ПСТГУ

Гуля Алексей Николаевич,

доктор географических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета, старший научный сотрудник Института географии РАН

e-mail: gunyaa@yahoo.com

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей духовно-культурного пространства России с точки зрения хозяйственного освоения и распространения православия, православного миссионерства и подвижничества. Выделены различные периоды хозяйственного освоения и истории миссионерства, которые тесно связаны с политическими этапами развития российского государства. Различаются структурные (природные, экономические, геополитические) и институциональные (правила регулирования жизни на осваиваемых территориях) факторы, объясняющие особенности освоения.

Ключевые слова

Освоение, духовно-культурное пространство, миссионерство, каноническое пространство Русской православной церкви, территория России.

Данная статья посвящена анализу духовно-культурного пространства России. Учитывая обширную литературу по определению культурно-географических и духовных особенностей территории и пространства (например, Лидов, 2006; Гуманитарная география, 2004-2007; и др.), авторы сознательно сместили акцент анализа на связь православия и территории: насколько эти связи выражены, каковы изменения, особенно

связанные с процессами глобализации в контексте стратегии территориального развития и освоения. В настоящее время в связи с активизацией миграционных процессов остро встает, например, вопрос, обустроить ли барьеры на внешних границах или пытаться максимально адаптироваться и встраиваться в глобальные структуры? Немаловажным остается вопрос о том, как должно происходить освоение вну-

тренного пространства России, где в связи с демографическим спадом появились свои «белые пятна» освоения. В этом контексте важными составными элементами исследования являются:

- Концептуальные основы изучения духовно-культурного пространства России: что должно быть положено в основу определения духовно-культурного пространства и его маркеров? Является ли достаточным изучение только материальных объектов, имеющих, несомненно, важное духовное значение (храмы, монастыри, святые места, места жизни подвижников и т.д.);
- Закономерности исторического освоения духовно-культурного пространства России. В этом контексте важно не только описать, но и выделить важнейшие этапы и особенности освоения: что двигало людьми в российских глубинках, при освоении территорий за Уралом? Только ли нажива? Какой контингент людей отправился для освоения Сибири? Исследования показывают, что вовсе не на плодородные земли

переселялось крестьянство. Да и крестьянство было не бедным, скорее, из средних слоев;

- Факторы динамики духовно-культурного пространства России: роль природных условий, экономических и этно-демографических процессов;
- Внутренняя оструктуренность современного духовно-культурного пространства: есть ли центры, активные ареалы и «затухающая» периферия?;
- Тренды изменения духовно-культурного пространства России в контексте внутренней и внешней (глобальной) динамики: например, явные и скрытые процессы, экспансия других культур, опустение Центральной России, рост освоенности в регионах с преимущественно мусульманским населением (Гуня, Ефимов, 2016).

Авторы работы не стремились отразить все названные аспекты. Целью работы стало описание некоторых особенностей освоения и динамики духовно-культурного пространства Рос-

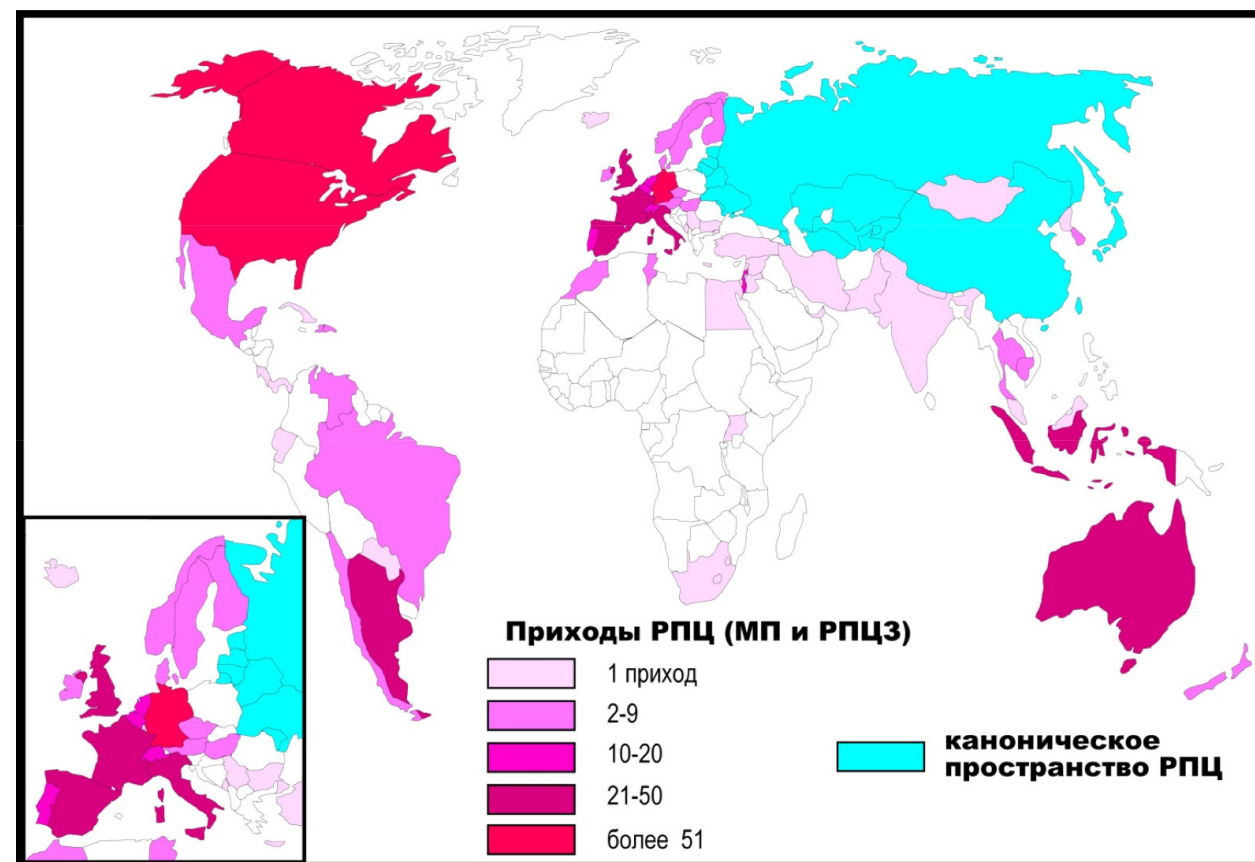

Рис. 1. Каноническое пространство РПЦ и распространение приходов РПЦ за рубежом (на основе использования данных официального сайта Московского патриархата)

сии. При этом духовно-культурное пространство России тесно связывается с православием, которое являлось и является системообразующим началом для формирования русской культуры и интегрирующим другие религии и культуры в российскую государственность.

Духовно-культурное пространство России отождествляется с территорией России, но ею не ограничивается. Учитывая взаимодействия с другими, окружающими Россию, государствами и религиями, можно выделить внешнюю «оболочку» духовно-культурного пространства России, представленную странами, не входящими в каноническое пространство РПЦ (рис. 1). Здесь видно, что растет количество приходов РПЦ. В Германии, США и Канаде число приходов превышает 50 в каждой из стран. Несколько десятков приходов имеется во Франции, Италии, Великобритании, Аргентине, Австралии. В то же время в Африке имеются приходы только в Египте, Марокко, Тунисе, Уганде, ЮАР.

Собственно каноническое пространство РПЦ охватывает территорию 15 стран, включая Японию и Китай. Дискуссии о границах канонического пространства РПЦ, обострившиеся после распада СССР и трансформации расстановок сил на мировой арене, неизбежны. Современная ситуация в целом отражает взаимоотношение канонического пространства РПЦ с другими конфессиями и геополитическими ареалами.

Наконец, само каноническое пространство РПЦ имеет сложную внутреннюю структуру митрополий и самоуправляемых церквей. Современному каноническому пространству РПЦ с его нынешней встроенностью в политическую карту мира предшествовала сложная история, состоявшая из постоянных войн за выживание. Освоение и динамика духовно-культурного пространства России тесно связана как с военными и социально-экономическими причинами, так и с распространением православия, усилением роли православных миссионеров и подвижников. Хозяйственное освоение шло вместе с успехами или неудачами на геополитической арене. Выделение периодов освоения и миссионерства может различаться в деталях,

но наиболее общие исторические периоды схожи.

После крещения Руси можно выделить несколько периодов с характерными чертами духовно-культурного освоения территорий, которые тесно связаны с политическими этапами развития российского государства: 1) домонгольский (с начала крещения Руси и до 1240 года), 2) монастырский (до середины 16 века), направленный в основном на северо-восток, 3) активного расширения территории России за Урал, победы над мусульманскими ханствами и начала просвещения сибирских народов; 4) ослабление веропроевезднической деятельности в условиях закрытия 4/5 монастырей, отчетливого крена в сторону западных ценностей (18 век). Дальнейшая история миссионерства «дробится» на более мелкие периоды, что связано с переменным успехом православного миссионерства в условиях активизации других религий, прежде всего, ислама на уже освоенной территории России, наступление периода атеизма, гонений на веру и Церковь и прекращения миссионерской деятельности в России (Ефимов, 2007).

В домонгольский период социокультурное, православное и государственное освоение шли вместе, распространяясь преимущественно по городам и пригородам. Быстро воспринимается и усваивается вера и великая православная культура, в том числе в процессах хозяйственного освоения территорий (Кривошеев, 1999).

В монастырский, или монашеский, период под гнетом татаро-монгольского ига монахи и вслед за ними крестьяне шли в глубь лесов, верховьев рек и осваивали новые территории в направлении на север и на восток. Вокруг некоторых скитов и монастырей селились крестьяне, и, таким образом, вырастали села и города (Ключевский, 1892; Раймер, 1996; Кривошеев, 1999; Ивина, 1985; Ефимов, 2007; и др.).

Третий период характеризуется всплеском пассионарности, когда малые группы или отряды промысловых людей или казачества в кратчайшие исторические сроки прошли по Сибири до Тихого и Ледовитого океанов, и началось постоянное общение со многими местными народами. Эти контакты осуществлялись разными

путями: как по хозяйственной и административной линиях, так и по духовно-культурной вплоть до установлений родственных связей. История этих связей богата событиями, причем существует обширная литература (Ефимов, 2007; Кривошеев, 1999; Ивина, 1985; Скрынников, 1992; Миллер, 1886; Савельев, 2002; и др.).

Следующий период связан с царствованием Петра Первого. Это время освоения Прибалтики, строительства Петербурга, войн на юге России. Одновременно идет православное и государственное освоение Сибири, дипломатические отношения с Китаем налаживаются через отправленную в эти годы в Пекин духовную миссию. Духовное просвещение Сибири организуется и проводится соратником Петра митрополитом Филофеем. Одновременно в духовно-культурное пространство России проникают новые течения протестантской Европы. Они идут в высшие слои общества и затем постепенно проникают в народ. Отсюда раздвоенность и нарушение единства народа во всех сферах жизни (Флоровский, 1937; Ефимов, 2007; и др.).

Следующие этапы характеризуются дальнейшим распространением духовности и культуры протестантской Европы в российском обществе. Продолжаются процессы разделения в различных сферах образованного общества вплоть до движения декабристов. К началу XIX века начинается возвращение части образованного общества к своим духовным и культурным православным корням. Одновременно идет православное, культурное и хозяйственное просвещение народов Сибири, Русской Америки и Дальнего Востока.

К середине XIX века просвещение многочисленных народов, населявших Российскую Империю (а их почти двести), оформляется в налаженную и поддерживаемую государством систему. Освоение окраинных земель становится системным, как в духовно-культурном, так и в хозяйственном отношении. В хозяйственном отношении Россия начинает догонять Европу (Нестеров, 2005; Царю ..., 1996; Пивоваров, 2001).

Во второй половине XIX века духовно-культурное просвещение как русского народа (в ос-

новном крестьянского), так и многочисленных иных народов выходит на качественно иной уровень. Многие народы получают от миссионеров письменность, школы, храмы и возможность усвоения великой восточно-европейской культуры. Одновременно Россия делает скачок в хозяйственном развитии и в начале XX века по технологии в основных отраслях хозяйства обгоняет Европу. Начинается интенсивное хозяйственное освоение Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, северных районов. Одновременно растет раскол и противостояние в образованных классах, отказ от православной веры, своей культуры и своей государственности (Ефимов, 2007; Царю ..., 1996; Пивоваров, 2001; Журавский, 1990).

Начало XX века характерно небывалым экономическим взлетом. По оценкам Д. Менделеева, Россия должна была к 1920 году перегнать США по основным направлениям хозяйствования. Идет интенсивное духовное и культурное просвещение народа. Русская культура получает мировое признание на Русских сезонах в Париже. Ставится вопрос о всеобщей грамотности населения. Но раскол и противостояние в образованных классах растет, и Российская империя падает под ударами внутренних и внешних врагов.

Следует добавить, что в XIX и XX веках у России находятся силы, чтобы освободить многие европейские народы от турецкого ига. Духовные миссии в Китае, Японии, в Палестине успешно несут православное и культурное просвещение. Например, в Палестине создаются школы для арабов (более ста). До этого арабы почти целиком были лишены возможности получать светское и духовное образование. В США и Канаде во много раз увеличивается число приходов и воскресных школ, закладываются основы создания в будущем национальной Американской Церкви (Ефимов, Ласаева, 2012; Вернувшись..., 2005; Федоров, 2003; Фирсов, 2002; Великая Княгиня Елисавета..., 2009).

Если попытаться выявить закономерности исторического освоения духовно-культурного пространства России, а также факторы динамики духовно-культурного пространства Рос-

сии (роль природных условий, экономических и этно-демографических процессов), то имеет смысл выделить две группы факторов: структурных и институциональных (Гуля 2008), влияющих на особенности освоения и динамику духовно-культурного пространства России. Структурные факторы отражены в природных и ресурсно-экономических ограничениях и условиях, определяющих скорости и направления изменения духовно-культурного пространства. Институциональные факторы определяют особенности долговременного укоренения православия в местные социально-культурные условия.

Структурные факторы вынуждали и вынуждают встраиваться в природные, экономические, социально-политические границы и ареалы. Расширение ареала православия шло в основном за счет Сибири и Дальнего Востока. Основными структурными ограничениями являлись суровые природные условия. На востоке не было сколько-нибудь значительных политических барьеров, что позволило русским первооткрывателям Сибири в достаточно сжатые сроки дойти до Тихого океана, перейти далее в Америку и освоить огромные земли вплоть до Калифорнии. Однако удержать американские территории в условиях возросшего давления со стороны США не удалось. Учитывая суровые климатические условия и распространение вечной мерзлоты, обширные территории Сибири и Дальнего Востока остаются слабо освоенными. Если сравнивать особенности освоения территории России за Уралом и территории США западнее Аппалачей, то можно выделить как похожий ряд структурных ограничителей, связанных с труднопроходимыми реками, горами, суровым климатом и др., так и аттракторов (ценные ресурсы, например, пушнина, золото и др.).

Если остановиться на анализе только структурных факторов, то будет непонятным, зачем России понадобилась такая большая территория, требующая огромного вложения денег в инфраструктуру, защиту. Некоторые нынешние экономисты заявляют о необходимости отказать от этой ноши. Большие и необжитые

территории, по мнению русского философа И. А. Ильина, - это большое бремя. Но постоянная борьба в суровых условиях за выживание помогла русскому народу закалиться, воспитать в себе новые важные качества, которые были затребованы в лихие годы и предотвратили уничтожение русского народа.

Гораздо меньше схожего в освоении Америки и Сибири выявляется при сравнении институциональных факторов и особенностей укоренности. Как отмечает ряд авторов (Ефимов, 2007; Голубчиков, 2003 и др.), русские переселенцы и миссионеры несли свою веру в новые районы бережно и не агрессивно. Они пытались перенять местные навыки в охоте, рыбной ловле, часто заключались браки с местными жителями, смешанные селения были нормальным явлением. Как результат, большинство местных народностей в Сибири и Дальнем Востоке не исчезли. Многие из них приняли православие. Другими словами, русские принимали многие местные неформальные институты (в смысле традиций и правил). Со своей стороны государство всячески пыталось вовлечь инородцев, не причиняя им вреда (и, тем более, не уничтожая их, как это было с североамериканскими индейцами), а беря их под защиту. Они становились подданными русского царя, приобретая многие гражданские привилегии.

Таким образом, освоение и динамика духовно-культурного пространства России имеет сложную историю, понимание которой необходимо для выработки современных стратегий территориального развития России. Авторы убеждены, что односторонний (экономический или политический) подходы к обоснованию и разработке такой стратегии не будут иметь успеха. Необходим междисциплинарный подход и совместная работа ученых различных направлений, в том числе, богословов, философов, культурологов и др., а также сотрудничество ученых, государства и церкви.

Список литературы

1. Великая княгиня Елисавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884-1909 гг.). Авт.-сост. А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. СПб.: Алетейя, 2009.
2. Вернувшись домой: Жизнеописание и сбраник трудов митр. Нестора (Анисимова). В 2 т. Авт.-сост. Косик О.В. М., ПСТГУ, 2005.
3. Голубчиков Ю.Н. География человека. М.: УРСС. 2003, 296 с.
4. Гуманитарная география. Научно-просветительский альманах. Вып. I–IV. Под ред. Д.Н. Замятина. М.: Ин-т наследия, 2004–2007.
5. Гуня А.Н. Динамика освоения горного региона: структурные и институциональные факторы (на примере динамики расселения и землепользования в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). Нальчик, Издательство КБНЦ РАН, 2008. 160 с.
6. Гуня А.Н., Ефимов А.Б. Освоенность территории России: национально-культурные особенности и тренды. Культурное наследие России. №14. 2016.
7. Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М. Изд-во ПСТГУ, 2007.
8. Ефимов А.Б., Ласаева О.В. «Алеутская и Северо-Американская епархия при святителе Тихоне». М., ПСТГУ, 2012.
9. Журавский А.В. Христианство и ислам: Социокультурные проблемы диалога. М., Наука, 1990.
10. Ивина Л. И. Внутреннее освоение земель в России в XVI в. – Л.: Наука, 1985.
11. Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Богословский вестник. – Сергиев Посад, 1892.– Т. 4. № 11.– С. 190–204.
12. Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. Дисс. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
13. Лидов А.М. (ред.). Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., «Прогресс-традиция», 2006
14. Миллер Г. Сибирская история. – СПб., 1886.
15. Нестеров С.В. Словом и житием наставляя: Жизнь и труды преп. Макария Алтайского. М., ПСТГУ, 2005.
16. Пивоваров Б., прот. Алтайская Духовная Миссия // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 43-49.
17. Раймер И. Миссионерская деятельность древнерусского монашества. – М.: Логос, 1996.
18. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М., Вече, 2002.
19. Скрынников Р. Г. Ермак. М.: Просвещение, 1992.
20. Федоров В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700-1917). М., 2003.
21. Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.). М., Духовная библиотека, 2002.
22. Флоровский Г. В, прот. Пути русского Богословия. – Париж, 1937.
23. «Царю Небесному и земному верный»: Митрополит Макарий Московский, Апостол Алтайский (Парвицкий – «Невский»), 1835-1926. М., Паломник, 1996.

DEVELOPMENT AND DYNAMIC OF THE SPIRITUAL AND CULTURAL SPACE OF RUSSIA

Efimov Anderey Borisovich,

DSc of physical and mathematical sciences,
professor of the St. Tikhon's Orthodox University,
deputy dean of missionary faculty

Gunya Alexey Nikolaevich

DSc in Geography, professor of the St. Tikhon's Orthodox University,
senior research associate of the Institute of Geography Russian Academy of Sciences, e-mail:
gunyaa@yahoo.com

Abstract

The article is devoted to studying of features of spiritual and cultural space of Russia from the point of view of economic development and distribution of Orthodoxy, orthodox missionary work and self-sacrifice. Various periods of economic development and history of missionary work which are closely connected with political stages of development of the Russian state are characterized. There are two group of factors explaining features of development: structural (natural, economic, geopolitical) and institutional (regulations of life in the mastered territories).

Keywords

Development, spiritual and cultural space, missionary, canonic space of Russian Orthodox Church, regions of Russia.

УДК 316.613;159.923.2
ББК 88.58

ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ: СРАВНЕНИЕ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ (2000 – 2015ГГ.)

Рязанова Татьяна Борисовна,
кандидат психологических наук,
доцент Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
Иловайская ул., 9/2 Москва, Россия, 109651,
t-riazanova@yandex.ru

Аннотация

Обсуждаются данные социально-психологического изучения субъективной иерархии различных характеристик национально-культурной и религиозной идентичности современной российской молодёжи. Представлены сравнения возрастных когорт – групп одного возраста, исследованных в Москве в 2000, 2008, 2015 годах. Межрегиональные сравнения, проведенные в 2015 году, проведены на результатах, полученных в Москве, Армавире и Чебоксарах.

Ключевые слова

Национально-культурная и религиозная идентичность, различия характеристик возрастных когорт, межрегиональные сравнения.

Здоровое и мирное межнациональное и межкультурное общение, по-видимому, предполагает гармоничную целостность взаимодействующих культур и идентичности их носителей. Однако большинство современных философов, социологов, политологов, психологов согласно с тем, что в настоящее время наблюдается кризис идентичности мирового масштаба – как вследствие многообразных и противоречивых процессов глобализации, так и вследствие все повышающейся скорости природных и социально-политических изменений. В поисках развития идентичности личности и общества отмечается диалектика глобального и локального. На политическом уровне это выглядит как смена циклов - от стремления к модели типа «плавильного тигля», то есть

унификации, стирания различий, - к усилению поддержки культурного многообразия, политике мультикультурализма и обратно.

Динамична и личностная идентичность. Множественность идентичностей современного человека, их нестабильность, почти калейдоскопичность, тревожно-иронически подмечена именитым социологом Зигмунтом Бауманом: «проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность...»¹. Что же это за идентичность личности, если человек ею жонглирует? Не маска ли?

В связи с этим, для полноты понимания основ методик и результатов нашего исследования, уместно сравнить две категории, которые разрабатывались в течение XX века в двух разных философских и психологических традициях - в российской (включая русское зарубежье) и в западной. Эти две категории – самосознание и идентичность.

В истории изучения идентичности, как отмечал в 1980-е Джеймс Марсиа, современный последователь Э.Эриксона, эту категорию определяли по-разному – через понятия чувства, представления, установки, решения, постановления... Сам Дж.Марсиа определил идентичность как «структуру самости (self-structure) – внутреннюю, самоконструированную, динамическую организацию драйвов, способностей, верований и индивидуальной истории»². Чем лучше развита эта структура, пишет он, тем более индивидуумы осведомлены как о своей личностной уникальности, так и о сходстве, общности с другими, а также своих сильных и слабых сторонах в прокладывании собственного пути в мире. Соответственно, чем менее эта структура развита, тем более смешанные (confused) у индивидуумов представления о себе и тем более им приходится полагаться на внешние источники в оценке себя. При развитии идентичности как гибкого единства её элементы постоянно добавляются и отвергаются, со временем целостный гештальт может сдвигаться. Однако Дж. Марсиа все-таки, понимал идентичность как внутреннюю, интимно-важную структуру личности, за которую она борется, чтобы обеспечить свое полноценное развитие. А через 20-30 лет эта категория практически приравнивается к маске... В российской традиции органичной и родной является категория «самосознание», с его философской основательностью и внутренней диалогичностью. Ею пользовались и философ И.А.Ильин, и, к сожалению, недооцененная в должной мере в нашей психологической науке и, особенно, педагогической практике Л.И.Божович,

с её замечательными разработками путей воспитания суверенной личности. Очевидно, если подставить в формулировку Баумана другое слово и сказать – «вовремя поменять самосознание» – это уже будет граничить с психиатрией (недаром синхронно - в конце XX века официально введен в классификатор психических расстройств термин «диссоциированная личность»³). Важно держать в уме разность глубинных смыслов категорий «идентичность» и «самосознание», которую можно проследить вплоть до различия решений коренных догматических вопросов в богословских традициях христианского Запада и Востока. Западное богословие отвергло главенство Лица, и пошло по пути объективации, и тем самым, как следствие - уплощения понимания личности человека как творения и образа Божия.

В связи с этим следует отметить, что попытки измерить характеристики личности, связанные, в особенности, с духовными и религиозными аспектами её бытия, обязательно будут ущербными и искаженными плоскостными проекциями реальности. Польза от такого исследования может состоять в том, чтобы дать экспресс-индикацию возможных проблем и предложить пути их решения.

Кризис российской идентичности, также отмечаемый большинством авторов, безусловно, связан с общей ситуацией в мире. Но его выраженная российская специфичность обусловлена внутренними противоречиями, среди которых отсутствие национальной идеи, ясной концепции цивилизационного и социально-экономического развития государства. Он выражается в сложных, разнонаправленных трансформациях идентичности. Во-первых, процессы глобализации ведут к формированию наднациональных, цивилизационных аспектов идентичности, которые вводят тенденцию унификации, стирания различий. Во-вторых, культурологами отмечается вектор фрагментации, локализации культурных оснований идентичности, свидетельствующих, как о тенденции к утрате культурной целостности страны, так и об актуализации традиционных основ культуры в структуре российской идентичности⁴.

¹Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М., Логос, 2002. С. 185-186.

²Marcia J. Identity in Adolescence // Handbook of Adolescent Psychology. Ed. by J. Adelson. NY, Wiley. Sons, 1980, - P. 159.

³Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика. М.: Класс, 1994.

Таблица 1. Средние ранги иерархии идентичностей, полученные в разные годы исследования на выборках московских старшеклассников (чем меньше величина ранга, тем он выше, тем ближе к началу ряда его выбирает респондент).

Московские старшеклассники					
2000 г.		2008 г.		2015 г.	
Этническая	2,42	Росс. Гражд.	2,79	Гендерная	2,8
Гендерная	2,79	Гендерная	2,98	Росс.Гражд.	2,88
Религиозная	3,19	Московская	3,47	Этническая	3,54
Московская	3,21	Этническая	3,91	Религиозная	3,54
Росс. Гражд.	3,30	Религиозная	3,92	Московская	3,63
Европейская	5,09	Европейская	4,20	Европейская	3,83

В наших эмпирических исследованиях использовалась методика изучения национальной идентичности, состоящая из блоков, соответствующих различным аспектам национально-культурной идентичности – познавательным (когнитивным) и аффективным, оценочным⁵. Здесь преимущественно будут представлены результаты самокатегоризации наших респондентов. Данная задача предлагает выбор дескрипторов (самоописаний) из предложенного набора (когнитивный аспект идентичности) и ранжирование субъективной важности дескрипторов, построения иерархии, отображающей аффективные аспекты идентичности.

Обсуждение именно иерархических структур идентичностей и их изменений в когортах представляется важным потому, что наши деятельности представляют собой иерархию в соответствии с иерархией мотивов и ценностей⁶. То есть, при реализации конкретных действий, особенно в ситуациях альтернативы, выбора, - верховные ценности будут доминировать.

Опрос подростков 15-16 лет проводился в государственных общеобразовательных школах в 2000, 2008 (в Москве) и в 2015 году (в Москве, Армавире и Чебоксарах).

⁴Малыгина И.В. Российская идентичность: в поисках утраченного единства // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. Сб. ст. – СПб.:Алетейя, 2015. С. 97.

⁵Барретт М. Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги Западно-европейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. ред.: М.Барретт, Т.Рязанова, М.Воловикова М.: Изд-во ИП РАН, 2001. С. 19-25.

⁶Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

В Таблице 1 представлены средние ранги иерархии идентичностей, полученные на выборках московских старшеклассников.

Данные Таблицы 1 показывают, что в трех возрастных когортах старшеклассников наблюдались различные группировки характеристик самоописания в усреднённых иерархиях идентичностей. Их можно связать с изменениями социально-политической ситуации в стране. Старшеклассники 2000г. исследования (возрастная когорта, выросшая в ельцинской России – сейчас это тридцатилетние взрослые), в среднем, на первые места ставили различные виды локальных идентичностей – этническую, религиозную, московскую, а также пограничную между персональной и социальной - гендерную. Общественная гражданская идентичность получила у представителей этой когорты подростков лишь пятое место из 6 наиболее часто выбираемых. Причины актуализации различных видов локальных идентичностей проанализированы в социальных науках: ими стали особенности социально-политического реформирования постсоветской России, развитие федеративных отношений, при котором преобладали центробежные силы, ориентация на западную науку и политтехнологии в условиях активизации национальных элит республик и серьезного кризиса солидаристских ценностей⁷ (Дробижева, 2002; Попова, 2014). Политика мультикультурализма ельцинской России поощряла этноцентризм, ослабляя интеграционные процессы⁸. В условиях расшатывания ценностных оснований государства человек обращается к локальному опыту, по отношению к которому проявляется, как отмечает известный журналист Т.Фридман⁹,

тенденция к сакрализации – как наиболее глубоко, лично укоренившемуся, незыблемому, прочному, не зависящему от перемен, близкому к непосредственному личному опыту.

Однако в результатах опроса когорты подростков 2008 года видно, что гражданская идентичность с 5 места в иерархии передвинулась на первое, что, в целом, может свидетельствовать об успешности идеологической и политической деятельности государства по спасению целостности страны. Кроме того, можно говорить об актуализации внутреннего механизма ценностно-ментальной саморегуляции общества¹⁰ при угрозе самосохранению. Этническая и религиозная идентичности переместились с первого и третьего соответственно на четвертое и пятое места. Локальная (московская) идентичность несколько повысила свой статус, оставаясь на срединном месте иерархии (сдвиг с 4-го на 3-е место). Гендерная идентичность осталась на прежнем (2-ом) месте, также как и европейская (на последнем).

Можно отметить, что данные, полученные нами в 2008 году на относительно небольшой выборке (120 человек), согласуются с данными полученными другими исследователями в конце 2000-х гг. на многотысячных выборках: граждан-

ская идентичность лидировала¹¹. Это, однако, еще требует более глубокого, качественного анализа: в работах В.Е. Семенова¹² отмечается, что только половина опрошенных недавно молодых петербуржцев считают себя патриотами, а это для автора означает, что у другой половины настоящей российской идентичности просто нет.

Представители когорты современных московских старшеклассников (2015г. исследования) дали несколько отличающийся усредненный выбор важности характеристик идентичности: гендерная идентичность переместилась со второго места в первых двух срезах на первое; с небольшой разницей среднего ранга за ней следует гражданская. Можно отметить некоторое снижение ранга значимости городской идентичности, а этническая и религиозная несколько повысили свою значимость и сместились на третье-четвертое место (с равными рангами). Однако, интересно, что за все годы проведения исследований данной методикой (включая непредставленные здесь пилотажи) это первый случай, когда персональная (гендерная) идентичность заняла лидирующую позицию. Что это может означать – покажет будущее (индивидуалистические тенденции? Переосмысление роли мужского и женского в жизни? Реакция на внимание к гендеру в обществе и в СМИ?).

Хочется обратить внимание на возможную информативность и значимость полученного небольшого превышения среднего ранга гендера над рангом гражданской идентичности. За время наших исследований уже были случаи, когда появлялись минимальные «странные» признаки, которые затем оказывались прогностическими, например, появление в 2008 г., в малом проценте случаев, самокатегоризации «мусульманин» у этнически русских подростков, о чем будет сказано ниже.

В целом, можно говорить о тенденции у современной московской молодежи к идентификации с государством и отступлении локальных этнокультурных идентичностей с лидирующих позиций.

Однако имеет смысл поставить вопрос: а существует ли некий «правильный», наиболее здоровый, позитивный вариант иерархии

⁷Дробижева М.Л. О социальных и политических проблемах формирования толерантности // Публичная сфера и культура толерантности. Общие проблемы и российская специфика. М., 2002;

⁸Попова О.В. Исследование проблем политической идентичности России // Фонд исторической перспективы // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=279807> опубликовано 22.04.2014. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек, 2003, №6.

⁹Фридман Т. (2001) Лексус и оливковое дерево \\\ перевод Я. Романчука http://liberty-belarus.info/index.php?option=com_k2&view=item&id=662:leksus-i-olivkovoe-derevo-mir-kotoromu-ispolnilos-desyat-let&Itemid=96.

¹⁰Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Сер.6. 1997. Вып.4.

¹¹Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала / Идентичность и организация в меняющемся мире / отв. ред. Н.М. Лебедева, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо, 2009. С. 13-41.;

¹²Дробижева М.Л. Кого русские считают русскими? // Информационный портал фонда Русский мир. 12.05.2015.

Семенов В.Е. Социальные ценности, идентичность и полиментальность в современной России // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. Сб. ст. – СПб.:Алетейя, 2015. С. 117 – 136.

идентичностей? Позволим себе рассмотреть усредненные ранги идентичностей студентов начальных курсов православного вуза (исследование 2008 года).

Таблица 2. Средние ранги иерархии идентичностей студентов православного вуза.

Студенты православного вуза (2008 г)	
Религиозная	1,29
Росс. гражд.	2,81
Гендерная	3,10
Этническая	3,14
Московская	4,57
Европейская	5,14

При сравнении данных старшеклассников 2008 г. с данными студентов православного вуза видно, что у студентов религиозная идентичность лидирует, причем с более высоким средним рангом, чем гражданская идентичность у школьников (что говорит о малом разбросе, единодушии оценок респондентов), сразу за ней следует гражданская (гражданин России).

В целом, данный вариант иерархии видится наиболее здоровым, оптимальным. По словам покойного святейшего патриарха Алексия II, сказанным в ответ на соответствующий вопрос, «Русская Православная церковь служит не Рос-

сии, она служит Богу». Получается такой порядок: если православный народ служит, в первую очередь, Богу, а потом стране, в которой проводит земную жизнь, то Господь укрепляет страну, в ней занимает подобающее место гендер и семья (вместе с правильным деторождением и воспитанием). Этническая идентичность с её культурной и языковой специфичностью занимает подобающее ей следующее, очень близкое по своему рангу место, а локальная (Московская) и европейская – на несколько большей дистанции – «почётные» предпоследнее и последнее места. Уместно здесь вспомнить призывы военных времен истории России, в которых слова были выстроены в иерархию, например, «За Веру, Царя и Отечество». Слова призыва поставлены именно в таком порядке, который получен в структуре идентичностей студентов в Таблице 2.

Данные Таблицы 3 показывают, что в выборке когорты школьников, обследованной в 2008 году, по сравнению с их сверстниками, опрошенными в 2000, существенно, почти в 4 раза, повысился процент категоризирующих себя как христиан. Новым явился минимальный, но отсутствовавший в срезе 2000 года, процент «мусульман» (при том, что все опрошенные – этнически русские). Однако, в свете событий настоящего времени, мы можем сказать, что это, видимо, не была случайная ошибка измерения. Понятно, что эти респонденты-«мусульмане» не были (или не обя-

Таблица 3. Распределение ответов различных когорт московских школьников о личной вере религиозной самокатегоризации (в % от числа опрошенных).

	2000 г.	2008 г.	2015 г.
Верующий	12	7	0
Христианин	9	30	38
Православный	46	46	29
Протестант	-	0,7	-
Мусульманин	-	1,4	-
Шиит	-	0,7	-
Язычник	1,7	1,4	-
«Слабо верующий»	5,1	-	-
«Не знаю»	3,4	-	-
Неверующий	атеист: 1,7	атеист: 5,1	атеист: 23
	неверующий: 22,0	агностик: 8,0	агностик: 8,0
Буддист	-	-	2,0

зательно были) истинными и «правоверными», но это, по-видимому, была симптоматичная «примерка» идентичности. Сейчас мы можем увидеть на улицах славянок в хиджабах и студентов вузов с тройными инициалами при русских фамилиях (которые расшифровываются, например, как Мухаммед Джафар-ибн-Дауд ... Иванов (имя и фамилия вымышлены по образцу действительных встреч)). Интересно отметить, что у представителей когорты старших подростков (этнически рус-

80% по различным социологическим опросам) тем, что в социальных представлениях соединены, почти синонимичны понятия «русский» и «православный». Возможно, полученные различия разными исследователями связаны с самой формулировкой вопроса, к которой очень чувствительны ответы респондентов; однако вероятно и то, что происходит дифференциация понимания этих религиозных категорий в молодёжном сознании.

Таблица 4. Распределение ответов о посещении церкви и домашней молитве московских школьников в 2000, 2008 и 2015 годах (данные – в процентах от числа опрошенных)

		2000 г.	2008 г.	2015 г.
Домашняя молитва	Никогда	81,7	50,8	
	Изредка	1,7	12,5	
	Дома молюсь	16,7	35,8	67
Посещение церкви	Никогда	33,3	24,6	3
	Изредка	-	15,6	-
	Посещаю	66,7	58,2	80
Частота посещения церкви	Практически нет	48,1	22,0	-
	Изредка	48,1	52,5	32
	Часто/регулярно	3,8	только по большим праздникам: 11,5	по праздникам: 46
			регулярно: 3,3	регулярно 2

ских), обследованной в 2015 году, идентичности «мусульманин» уже нет. Разумно предположить, что запрет ИГИЛ на территории РФ и громкие истории в СМИ о присоединившихся к экстремистам юношах и девушках оказывают влияние на сами «примерки» идентичности и сообщение (или несообщение) о них в анкетах.

В таблице также обращает на себя внимание постоянство процента самокатегоризации «православный» в двух ранних срезах - 45% и уменьшение его в полтора раза в последнем срезе. Оно контрастирует с отмеченным ростом самокатегоризации «христианин» (примерно с 8 до 38%), что, вероятно, указывает на активность внутренней психологической работы учащейся молодёжи с этой религиозной категорией. В прошлые годы делались попытки объяснить высокий процент самокатегоризации «православный» (до

Как видно из данных следующей ниже Таблицы 4, самокатегоризация «православный» может отнюдь не означать действительную причастность наших респондентов к церковной жизни.

Данные Таблицы 4 показывают увеличение распространенности практики домашней молитвы за 8 лет и уменьшение процента подростков, которые практически никогда не посещают церковь. При этом увеличился процент молодёжи, посещающей церковь по праздникам и большим праздникам. Интересные различия наблюдаются в таблице в графах «посещение церкви» и «частота посещения церкви»: при более конкретной формулировке вопросов в последнем случае оказывается, что большая часть респондентов, которые «посещают церковь», посещают её изредка. Наконец, если обратить внимание на самые последние строки таблицы, то видно, что тех, кого

Таблица 5. Средние ранги иерархии идентичностей, полученные в 2015 году при исследовании старшеклассников из Чебоксар, Армавира и Москвы.

Старшеклассники из городов:					
Чебоксары		Армавир		Москва	
Росс. Гражд	2,67	Росс. Гражд.	2,54	Гендерная	2,8
Гендерная	2,80	Гендерная	2,88	Росс.Гражд.	2,88
Этническая	3,64	Этническая	3,09	Этническая	3,54
Европейская	3,64	Религиозная	3,70	Религиозная	3,54
Городская	4,16	Европейская	4,28	Московская	3,63
Религиозная	4,44	Городская	4,33	Европейская	3,83

принято считать воцерковлёнными православными (по формальным признакам – глубинные качества веры не могут быть исследованы данными методами), то есть, посещающими церковь регулярно, то их как в 2000, так и в 2008 году, -- одинаковый процент – около 3-4%, а в 2015 году – около 2%.

Межрегиональные сравнения

Интересно сравнить московские данные с результатами в других регионах страны.

Специфика региональных центров, помимо удаленности от Москвы, - менее выраженная поликультурность, чем в столице. Армавир – город на Кубани в Краснодарском крае, населенный преимущественно русскими (казачество), а также армянами-черкесогаями (около 10%), по просьбе которых он был основан в первой половине XIX века как защита от омульманывания. Чебокса-

ры – столица Чувашии; волжский город населен преимущественно представителями коренного этноса (более 60%), а также русскими.

Данные Таблицы 5 позволяют провести межрегиональные сравнения. В целом, верхние части иерархии идентичностей подобны аналогичным частям московских данных, полученных в 2008г. Однако нижние части отличаются заниженным по сравнению с Москвой положением городской идентичности (Чебоксарец, Армавирец – предпоследнее и последнее места соответственно). Интересно также отметить, что наднациональная – европейская идентичность заняла 4-е и 5-е места, чего не наблюдалось ранее в московских данных ни в одном срезе. Возможно, это свидетельствует о меньшей благополучности самовосприятия горожанина из региона по сравнению с москвичом

Таблица 6. Распределение ответов старшеклассников из различных регионов о личной вере и религиозной самокатегоризации (в % от числа опрошенных).

	Чебоксары	Армавир	Москва
Верующий	4	6	0
Христианин	9	46	38
Православный	39	21	29
Мусульманин	-	1	-
Язычник	2	-	-
«Не знаю»	-	1	-
Неверующий	атеист: 19	атеист: 16	атеист: 23
	агностик: 19	агностик: 8,0	агностик: 8,0
Буддист	-	1	2,0
Иудей	2	-	-
	2	-	-
«Итсист»	4	-	-

и компенсаторным стремлением к глобализации идентичности.

Если обратиться к данным о религиозной самокатегоризации, то и здесь можно увидеть интересные региональные различия.

Данные Таблицы 6 свидетельствуют о различных вариантах религиозной самокатегоризации наших респондентов в зависимости от различных социокультурных контекстов развития. У подростков из столицы Чувашии мы видим разнообразные выборы религиозной идентификации, вплоть до примерки облика сатаниста (источник, судя по другим ответам этих респонденток, в их увлечении рок-музыкантом, позиционирующим себя как сатанист (или являющимся им) или изобретения «своей» веры («итсист» - я сам по себе такой – я «что-то» (it)). Полученные небольшие проценты своеобразных ответов согласуются с социокультурной атмосферой региона: поздним крещением чувашей (в 18 веке), без глубокого духовного просвещения, существованием с давнего времени и по сей день выраженных элементов языческих верований, встроенных и в образ жизни людей, категоризирующих себя как православных. Довольно высокий процент молодых атеистов – по-видимому, общероссийское явление для данной когорты.

В Таблице 7 обращает на себя внимание высокий процент чебоксарских подростков, которые никогда дома не молятся, а с другой стороны – относительно высокий процент армавирских подростков, которые посещают церковь регулярно- 9% (такой высокий процент не был ранее

получен нами ни в одном исследовании). В этом последнем случае многое может объяснить, во-первых, преимущественно казачье русское население Армавира, а также распространенная в городе школьная практика вождения детей на экскурсии в православные храмы.

Выводы

Действительно, можно говорить о различиях показателей национально-культурной и религиозной идентичности в различных возрастных когортах российской молодёжи. У старшей возрастной когорты (16-летние 2000 года) наблюдалось снижение значимости гражданской идентичности и повышение значимости локальных (и сакральных) её характеристик.

Особенно яркие отличия отмечаются у подростков средней возрастной когорты (16-летние 2008 года), когда наблюдался существенный подъём субъективной значимости гражданской идентичности в сторону её доминирования, что говорит об усилении интеграционных тенденций развития идентичности. Это когорта, вступающая сейчас в активную общественную и профессиональную жизнь (на настоящий момент им около 23 лет).

У самой молодой возрастной когорты, только выходящей из дверей школы, среди москвичей можно отметить повышение значимости гендерного фактора по сравнению с данными предыдущих возрастных срезов.

Молодёжь активно осмысляет духовные и религиозные аспекты бытия. Подростки нашего времени чаще прибегают к домашней молит-

Таблица 7. Распределение ответов о посещении церкви и домашней молитве у представителей трех регионов (данные – в процентах от числа опрошенных).

		2000 г.	2008 г.	2015 г.
Домашняя молитва	Никогда	78	53	67
	Изредка	11	3	3
	Дома молюсь	11	39	30
Посещение церкви	Никогда	52	30	20
	Изредка	8	-	-
	Посещаю	40	62	80
Частота посещения церкви	По большим праздникам	-	3	35
	По праздникам	4	20	11
	регулярно	2	9	2

ве, чем это делали в том же возрасте их старшие, ныне тридцатилетние современники. Кроме того, у этих последних было меньше знаний о религии, но зато более живой и искренний интерес к этой сфере. Идентифицирующих себя атеистами за 15 лет также стало больше. Процент старших подростков, которых можно назвать воцерковлёнными, остается примерно одинаковым в трех возрастных когортах – 2-4%. Однако имеются региональные различия: в Армавире с его казачьими традициями он выше (9%).

Интересные данные дали региональные сравнения: можно предположить снижение значимости характеристик локальной (городской) идентичности у респондентов из Армавира и Чебоксар и, возможно, компенсаторное повышение наднациональной (европейской) идентичности. Здесь важны дополнительные исследования. Однако можно было бы рекомендовать региональным властям помочь горожанам повысить переживание значимости городской идентичности через развитие праздничной культуры (через включение в проекты празднования важных событий историко-региональных культурных элементов).

Список литературы

1. Барретт М. Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги Западноевропейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. ред.: М. Барретт, Т. Рязанова, М. Воловикова М.: Изд-во ИП РАН, 2001. С. 19-25.
2. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М., Логос, 2002.
3. Дробижева М.Л. О социальных и политических проблемах формирования толерантности // Публичная сфера и культура толерантности. Общие проблемы и российская специфика. М., 2002.
4. Дробижева М.Л. Кого русские считают русскими? // Информационный портал фонда Русский мир. 12.05.2015.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
6. Мак-Вильямс Н. Психодинамическая диагностика. М.: Класс, 1994.
7. Малыгина И.В. Российская идентичность: в поисках утраченного единства // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. Сб. ст. – СПб.: Алетейя, 2015. С. 96 – 109.
8. Попова О.В. Исследование проблем политической идентичности России // Фонд исторической перспективы // <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=279807> опубликовано 22.04.2014.
9. Семенов В.Е. Типология российских менталитетов и имманентная идеология России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 1997. Вып. 4.
10. Семенов В.Е. Социальные ценности, идентичность и полиментальность в современной России // Национально-культурная идентичность в современной России: истоки, особенности, перспективы. Сб. ст. – СПб.: Алетейя, 2015. С. 117 – 136.
11. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала / Идентичность и организация в меняющемся мире / отв. ред. Н.М. Лебедева, Н.Л. Иванова, В.А. Штроо, 2009в. С. 13-41.
12. Федотова Н.Н. Кризис идентичности в условиях глобализации // Человек, 2003, №6.
13. Фридман Т. Лексус и оливковое дерево \\\ перевод Я. Романчука http://liberty-belarus.info/index.php?option=com_k2&view=item&id=662:leksus-i-olivkovoe-derevo-mir-kotoromu-ispolnilos-desyat-let&Itemid=96.
14. Marcia J. Identity in Adolescence // Handbook of Adolescent Psychology. Ed. by J. Adelson. NY, Wiley a. Sons, 1980.

15. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения: 28.01.2013).

CHARACTERISTIC SOF NATIONL- CULTURAL AND RELIGIOUS IDENTITY IN CONTEMPORARY YOUTH: COMPARISON OF AGE COHORTS (2000 - 2015)

Riazanova Tatiana Borisovna,

PhD in psychology

Associate professor of St-Tikhon Orthodox University

Ilovaiskaya, 9/2, Moscow, Russia, 109651,

t-riazanova@yandex.ru

Abstract

The paper presents data from studies of national identity characteristics in three cohorts of Russian adolescents living in Moscow (2000, 2008, 2015). Also cross-regional comparisons are made on the basis of data from Cheboksary and Armavir.

Keywords: National, religious, local identity, adolescents, cohort, cross-regional comparisons.

УДК 141.3; 167.7
ББК 87.3; 70/79

ДИАЛОГОВЕДЕНИЕ М.БАХТИНА И ТЕОРИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

Крючкова Светлана Евгеньевна,
доктор философских наук, профессор
Школы философии факультета Гуманитарных наук
Национального исследовательского университета –
Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, 101000
e-mail: svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению концепции «Другого» в диалоговведении М. Бахтина. Показано, что методологический и эвристический потенциал этой концепции может быть использован при разработке когнитивной модели аргументации, рассматривающей в качестве решающего фактора порождения аргументов - построение аргументатором модели «мысленного поля» адресата.

Ключевые слова

Диалогизм, Другой, теория аргументации, когнитология.

Диалогическая традиция существует во многих культурах и имеет давнюю историю. Однако предметом детальной теоретической рефлексии диалог стал всего пару сотен лет назад. Подлинный всплеск интереса к проблеме диалогических отношений произошел в XX в. в условиях появления новых видов дискурсов и массовизации коммуникации. Тема диалога в философском дискурсе XX в. привела в ходе своего обсуждения к появлению влиятельного исследовательского направления – «философии диалога». Один из его видных представителей – отечественный мыслитель М. Бахтин рассматривал диалог не только как способ межличностной коммуникации (будь то неспешная беседа или яростная полемика), но и как подлинное «событие бытия», как универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения, т.е. вообще все, что имеет смысл и значение. Даже мысль, считал он, становится подлинной «только в условиях живого контакта с чужой мыслью, воплощенной в чужом голосе, т.е. в чужом, выраженном в сло-

ве сознании»¹. Только в общении, только в слове, выражающем Я в отношении Другого, раскрывается (конституируется) Я, как для Других, так и для самого себя. Диалог при этом выступает как коммуникативное поле для институциональных отношений, в которых происходит признание Другого как равного мне. Однако диалог не исчерпывается установлением идентичности его участников, тем более, обменом мнениями между ними, он нацелен на консенсус, как необходимое условие жизнедеятельности «этических субъектов» (П. Рикер).

Чаще всего диалогизм М. Бахтина характеризуют как эстетический. Это связано не только с тем, что он реализуется, в первую очередь, в художественном мире, но и потому, что сам диалог для М. Бахтина – духовная ценность. В диалоге укоренены все основные эстетические категории мыслителя. Вместе с тем, диалоговедение М. Бахтина имеет не только эстетическое, но и онтоло-

¹Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С.294.

гическое измерение. В нем ценностью является не сам факт существования Я, а его общение с Другим. «Быть», для М. Бахтина, - значит «общаться диалогически»². Причем минимум жизни и бытия – это два голоса. Поэтому «во всех эстетических формах организующей силой является ценностная категория Другого»³.

Диалогизм, как сущностная черта человеческого бытия, предполагает у М. Бахтина не просто экзистенциальное взаимодействие «Я – Ты», как онтологически различных личностей, раскрывающих свою собственную сущность только в отношении с иной («внеаходимой») субъективностью, а «противостояние человека человеку как противостояние «Я» и «Другого»⁴, в ходе которого Я не только выявляет собственную идентичность, отграничивая себя от Другого, но и полемизирует с Другим. Эта полемика обусловлена качественным несовпадением и исходной независимостью субъектов, вступающих в диалог ради поиска «единой-единственной Истины», а также существованием преград, не позволяющих сделать внутренний мир Другого своим объектом.

Специфика способа размышления М. Бахтина заключается в том, что «одномерному гносеологическому разуму он противопоставляет диалогический художественно-гуманитарный разум»⁵. Этот субъект-субъектный подход, противостоящий классической субъект-объектной аналитике и воплощающий человеко-личностное измерение диалога, оказался в XX в. весьма востребованным. Он часто использовался в роли методологического принципа в психологии, однако его экзистенциально-онтологический потенциал и эвристические возможности сделали его центром пересечения самых разнородных научных интересов, как философского характера (феноменология, герменевтика, экзистенциализм, постмодернизм), так и конкретно-научного. В нашем случае речь пойдет о теории аргументации.

²Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С.299.

³Бахтин М. Эстетика художественного творчества. М., 1979. С.164.

⁴Бахтин М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. С.473.

⁵Длугач Т.Е. Диалог в современном мире: М.Бубер – М.Бахтин – В.Библер // Историко-философский ежегодник. 2015. №1. С.191.

Сегодня термином «теория аргументации» (ТА) называют широкое исследовательское направление, изучающее аргументативный дискурс⁶. Интерес к аргументации традиционно можно наблюдать во многих дисциплинах – логике, философии, риторике, когнитивной психологии, коммуникативной лингвистике и др. Практически все они тематизируют проблему субъектов аргументации (аргументатора, адресата), разные грани которых (личностные качества, социальная позиция, когнитивные способности, эмоциональное состояние) выступают предметом их исследовательского интереса. В результате в проблемном поле современного теоретического анализа появляются новые подходы, которые ставят проблему создания ТА «заново».

Одним из таких подходов выступает когнитивная модель аргументации, в которой аргументативный дискурс, являющийся одновременно и способом рассуждения, и видом практической деятельности, рассматривается, в первую очередь, как форма мышления. В отличие от логического подхода, анализирующего набор аргументов и связь их с тезисом, когнитивный подход, задаваясь вопросом: «На каком основании порождается данный набор аргументов?», вводит в аргументацию «совершенно иррациональный компонент – оценку набора аргументов адресатом аргументации, которую совершенно нельзя предсказать»⁷. Возможным вариантом ответа на данный вопрос является признание аргументации диалогом и построение соответствующей модели, которая должна включать в себя оценку когнитивных способностей субъектов аргументации и анализ вну-

⁶Важно пояснить, в каком смысле используется термин «теория», т.к. несмотря на длительную историю изучения аргументации, и ни одна из многочисленных попыток создания ее теории не увенчалась успехом. Модели, предложенные логикой, неформальной логикой, прагматикой, неориторикой и др., не смогли выполнить роль строгой теории. Более того, в многочисленных исследованиях и формах гуманитарных практик даже не найдены универсальные алгоритмы полемического искусства убеждения, что ставит под сомнение саму возможность создания такой теории в будущем. Поэтому под термином «теория аргументации» сегодня чаще всего понимают «учение об аргументации» (См.: Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации. М., 2016. С.3).

⁷Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход. Калининград, 2010. С.13-14.

тренней репрезентации аргументатором «мысленного поля» (И. Кант) адресата, включающего убеждения, знания, мнения и веру.

Тем самым, актуализируется важный для ТА пласт проблем, смыкающийся с исследованиями философов-диалогистов, которые исходят из признания того, что субъект-аргументатор проявляет свою способность убеждать только в условиях диалога с Другим. Признавая право Другого «включиться в открытое пространство диалога и самостоятельно выбрать позицию»⁸, субъект-аргументатор стремится понять внутренний мир субъекта-адресата, исходя из того, что перед ним сознательная, мыслящая личность, свободно вступающая в коммуникацию и способная выносить свое суждение и принимать решения. Это стремление понять Другого является важнейшим условием создания аргументационной речи, а также выработки эффективной стратегии воздействия на его убеждения, являющиеся одним из наиболее устойчивых компонентов «мысленного поля», обеспечивающих сбалансированность последнего.

Учет особенностей «мысленного поля» адресата аргументации является важным фактором при создании эффективной аргументативной речи, которая должна быть адресной, учитывающей особенности его восприятия. Личностное измерение, в виде «адресованности» и «авторства», является, по мнению ученых из наиболее влиятельных центров исследования аргументации брюссельского (Х. Перельман) и пенсильванского (Г. Джонсон), главной особенностью аргументации⁹. В диалоговедении М. Бахтина автор, наряду с текстом и контекстом, занимает центральное место, которого его попытались лишить приверженцы концепции интертекстуальности (Ю. Кристева, Р. Барт). Подхватив идею диалога М. Бахтина, они одновременно заявили о «смерти автора» и «исчезновении референта», тем самым выбросили из нее важнейший компонент – автора, понимающего необходимость Другого в «мире общения».

Аргументация нацелена на убеждение, что, в свою очередь, предполагает оценку возможности понимания и принятия адресатом приводимых

⁸Доброхотов А.Л. Автор как субъект культуры // Субъект и культура. СПб, 2014. С.131.

⁹Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М., 2006. С.74.

доводов, т.к. даже строгое обоснование может быть не воспринято в силу его чуждости внутреннему миру адресата. Аргументация – не односторонний процесс, направленный от Я (аргументатора) к Другому (адресату), а сложное взаимодействие субъектов, в ходе которого осуществляется процесс определенного согласования мнений, совместного обдумывания и рассуждения. Аргументация часто осуществляется в форме «живых речевых ситуаций, называемых дискурсами, которые только отчасти могут быть формализованными средствами логики»¹⁰, т.к. в них большое место занимают когнитивные, риторические, психологические, этические и другие составляющие.

Множество моделей ТА, разработанных к сегодняшнему дню, заключено между полюсами формально-логического доказательства, с одной стороны, и риторического убеждения в ходе диалога, с другой. К середине XX в. произошел отказ от формально-логической нормативности, оставляющей вне зоны своего внимания внелогические факторы убеждения. И в фокусе внимания исследователей оказалась содержательная сторона аргументативного дискурса, связанная с процессом порождения аргументов в ходе диалога.

Диалог у М. Бахтина – это попытка преодоления отношений отчуждения между Я и Другим, как качественно различными целостностями, в определенном смысле – это обоснование необходимости сотрудничества на любом уровне коммуникации. Проблема Другого была поставлена М. Бахтиным в работе «Философия поступка». В ней Я рассматривается как субъект, который в силу «внезаходности» по отношению к Другому обладает «избытком видения», поэтому у Я всегда есть то, чем можно одарить Другого, который в этом даре испытывает «абсолютную нужду». Это рассуждение удивительным образом созвучно основным интуициям аргументативного дискурса и может быть истолковано как проблема «видения» субъектом аргументации внутреннего мира адресата с целью воздействия на его убеждения. Даже если мы имеем дело с аргументативным текстом, где нет реального адресата, диалогический подход (дополненный когнитивным моделированием)

¹⁰Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации. М., 2007. С.8.

имеет важное значение для ТА. И хотя в последней диалог понимается не метафизически, не как универсальный принцип бытия, а в изначальном эмпирико-бытийном значении, как обмен высказываниями речевых субъектов в ходе дискурса (спора, полемики), концепция М. Бахтина представляется продуктивной и для прояснения и осмысления аргументации.

В противоположность этическому диалогизму М. Бубера, интерпретировавшему диалог как «непосредственное отношение», «симметричную встречу», и фокусировавшегося на внутренней связи и единстве его участников, у М. Бахтина, который также говорит о «нераздельности», акцент, тем не менее, делается «на полемический момент внутреннего содержания диалога, момент жизненной борьбы»¹¹. Иными словами, на «неслиянность» голосов общающихся собеседников, их радикальном разделении, чуждости друг другу. И в этом плане позиция М. Бахтина близка пониманию субъектов в аргументативном дискурсе, где инаковость Другого является исходный пунктом, а Я артикулируется так, чтобы быть максимально услышанным.

Аргументативный диалог, как «встреча умов», предполагает выход участников за пределы собственного внутреннего мира. Их коммуникацию в особом мире М. Бахтин называл «миром общения». В этом пространстве диалога рождается интересубъективный смысл, «невместимый в пределы одного сознания»¹², тем самым «выстраиваются мосты» разумного консенсуса. «Мир общения» у М. Бахтина представляет собой особое синхронно-полифоническое смысловое пространство, в котором «наслаивается смысл на смысл», происходит «усиление путем слияния», возникает «коридор голосов», в котором встречаются целостные личности. Их отношения нельзя свести ни к чисто логическим, ни к чисто предметным, они ориентированы на понимание и принятие. Пространство диалога характеризуется одновременно как единством («нераздельностью»), так и раздельностью («неслиянностью»), которая может проявляться (и проявляется чаще всего) в

¹¹Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009. С.241.

¹²Тюпа В.И. Дискурсивные формации. М., 2010. С.74.

наличии противоречия между Я и Другим¹³, вокруг которого традиционно центрируется ТА. При этом фигура Другого, через интересубъективность, через отношение Я и не-Я, как подобных и равноправных субъектов, в аргументативном диалоге может быть представлена как аргументатором, так и адресатом.

Обеспечение «адресованности» в аргументативном дискурсе невозможно без доскональной «диагностики» Другого, позволяющей проникнуть в самые глубины его личности. Такая «диагностика» умственной деятельности адресата позволяет не тратить усилия в ситуации, когда перед нами «недиалогический» человек, т.е. «такой человек, который не может быть внутренне окликнут, задет и сдвинут с места словом собеседника, который в пылу спора остается всецело непроницаемым, неуязвимым, недостижимым для всякого иного «Я»¹⁴.

М. Бахтин отвергал использование объективистских методов для изучения Другого, хорошо осознавая, что диалогические отношения невозможны без логических и предметно-смысловых, которые присутствуют в диалоге в виде высказываний участников. Так же критически М. Бахтин относился и к противоположной методологической стратегии – разным способам «вчувствования», т.к. они ведут к отождествлению Я и Другого. М. Бахтин не приемлет способ проникновения в ментальное, смысловое пространство Другого методом аппрезентативно-апперцептивного переноса, предложенного Э. Гуссерлем, т.к. в данном случае мы имеем дело лишь с образом Другого в сознании Я, а это ставит под сомнение наличие у Я потребности в аргументировании в ходе диалога.

Подлинный способ познания Другого, по М. Бахтину, – не путь объективистского анализа и не «вчувствование» в Другого, а диалог с ним, в ходе которого Другой раскрывается сам. В аргументативном диалоге каждый раз заново осуществляется взаимоактуализация смыслов, так как два во-

¹³Булавин Л.А., Бузгалин А.В. Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. 2000. № 1. С.121.

¹⁴Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С.22.

площенных в слове смысла не могут лежать рядом, как две вещи, они должны «внутренне соприкоснуться». Этому способствует стремление к взаимопониманию сторон, которые предстают одновременно и как моменты когнитивной целостности, и как противостоящие образования, «непрерывно трансформирующие друг друга в каждом акте сознания, в процессе обретения нового опыта»¹⁵. Взаимопроникновение в ментальное пространство Другого, когда объективные языковые значения и транслируемый смысл субъективируются в виде личностных смыслов, встраиваются в личный смысловой мир субъекта-адресата, способствует в ходе полемики изменению убеждений. Транслируемый субъектом-аргументатором смысл воспринимается Другим не как внешний (интерсубъективный), а как собственный, обеспечивая тем самым успех аргументации¹⁶.

Главная задача субъекта-аргументатора в этих условиях - найти аргументы, позволяющие в ходе процесса трансляции смыслов изменить позицию и поведение адресата. Это, как известно, непростая задача со многими неизвестными, которая редко решается в ходе одного аргументативного акта, но, тем не менее, нельзя отрицать того, что существует множество примеров, когда хороший аргументатор ее успешно решает. Это порождает устойчивое мнение, что мысленное поле отдельного человека не так уж и сильно отличается от других. Поэтому возможность изменения позиции адресата всегда имплицитно содержится в любом аргументативном акте. Чтобы эта возможность превратилась в действительность в интерсубъективном «поле смыслов» должна быть некоторая общность тезаурусов и семиотического поля (языкового и понятийного), т.е. всего того, что формируется культурным контекстом. При отсутствии такой общности диалог невозможен, т.к. замкнутый внутренний мир Другого в ситуации «напряженной вневходимости» остается тайной для Я.

Аргументативный дискурс, как диалог, как «форма самоотстранения» (М. Бахтин) является воплощением спорных, взаимопротивостоящих

¹⁵Смирнова Н.М. Когнитивные основания феноменологического конструирования // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С.150.

¹⁶Крючкова С.Е. Субъект в пространстве аргументации // Субъект и культура. СПб, 2014. С.394-418.

притязаний людей по отношению к друг другу. Та, стремясь к нормативности коммуникативного взаимодействия, пытается вычленивать прагматические нормы аргументативного дискурса, такие, как рациональность, установка на консенсус, отказ от применения неаргументативных стратегий, признание равноправия участников аргументации, содействие становлению аргументативного сообщества (дискурсивная этика К.-О. Апеля). При этом часто упускается из виду главное: условием диалога является не только неотчуждаемая свобода участников, именно для нее человеку и нужен «простор целого», но и соответствующее (неотчужденное) социальное пространство.

Использование диалоговедения М. Бахтина, который, «зацепившись за некоторые особенности поэтики Достоевского и смеха Рабле, оттолкнувшись от их прозрений, сумел найти ключ к новому миру»¹⁷, миру диалога, как сотворчеству, позволяет наметить нетрадиционные пути в исследовании квазилогических схем и рассуждений по аналогии, активно использующихся в аргументативном дискурсе в силу их прагматической успешности в деле убеждения. Эффективность аргументативных речевых актов, которая является сегодня предметом пристального интереса в неориторике, скорее всего обусловлена не столько прагматической истинностью, а когерентной, когда смыслы Я-аргументатора «вписываются» в ходе диалога в мысленное поле Другого-адресата, созвучны ему, что является, согласно М. Бахтину, «безусловной последней позицией» по отношению к Другому.

Использование методологических возможностей концепции Другого М. Бахтина при исследовании аргументации представляется весьма перспективным, какой аспект дискурса мы бы ни взяли: когнитивный, требующий совместности участников диалога по знаниям и познавательным возможностям, или коммуникативный, сориентированный на понимание языка Другого, на умение «воспринимать чужое сознание без потери собственной идентичности»¹⁸. Однако, несмотря на вызывающий оптимизм консенсус по поводу признания сущностным признаком культуры диалогической обращенности к Другому, нельзя

¹⁷Булавин Л.А., Бузгалин А.В. Указ. соч. С.120.

не отметить, что современные исследования когнитивных систем, задействованных в ходе анализа аргументативного дискурса, указывают нам на постоянное присутствие конкурентности в человеческих отношениях. Особенно ярко она прояв-

ляется тогда, когда в системах культуры Другой рассматривается как Чужой, и оказывается столь же неустранимым, как и диалогизм. Это оставляет открытым множество вопросов для дальнейших дискуссий.

¹⁸Герасимова И.А. Указ. соч. С.100.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
2. Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М., 2006.
3. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
4. Бахтин М. Эстетика художественного творчества. М., 1979.
5. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
6. Булавин Л.А., Бузгалин А.В. Бахтин: диалектика диалога versus метафизика постмодернизма // Вопросы философии. 2000. №1.
7. Брюшинкин В.Н. Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений – 3: когнитивный подход. Калининград, 2010.
8. Герасимова И.А. Введение в теорию и практику аргументации. М., 2007.
9. Длугач Т.Е. Диалог в современном мире: М.Бубер – М.Бахтин – В.Библер // Историко-философский ежегодник, 2015. №1.
10. Доброхотов А.Л. Автор как субъект культуры // Субъект и культура. СПб, 2014.
11. Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации. М., 2016.
12. Крючкова С.Е. Субъект в пространстве аргументации // Субъект и культура. СПб, 2014.
13. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., 2009.
14. Смирнова Н.М. Когнитивные основания феноменологического конструирования // Конструктивный подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009.
15. Тюпа В.И. Дискурсивные формации. М., 2010.

M. BAKHTIN'S DIALOGUE THEORY AND THE THEORY OF ARGUMENTATION

Kryuchkova Svetlana Yevgenyevna,
DSc in Philosophy, professor
The school of philosophy of faculty of Humanities
National research University –
Higher school of Economics,
Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russia, 101000
e-mail: Skryuchkova@hse.ru

Abstract

The article is devoted to considering the concept of the Other in Bakhtin's dialogue theory. It is shown that the methodological and heuristic potential of this concept can be used to build a cognitive model of argumentation, which includes, as a decisive factor in the generation of arguments, a construction by the argumentator of the model of «mental field» of the addressee.

Keywords

Dialogism, the Other, theory of argumentation, cognitive science.

УДК 801.81
ББК 81:82

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Ф.И.БУСЛАЕВА В ДИАЛОГЕ С Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИМ

Злобина Надежда Федоровна,

доктор филологических наук,
профессор кафедры современного русского языка,
ул. Алексеевская пустынь, д.4, Свято-Алексеевская Пустынь,
Ярославская область, Россия, 152049.
e-mail: Zlobina-n@bk.ru

Аннотация

В статье сопоставляются взгляды двух ученых на роль искусства, методы художественного творчества, философско-мировоззренческие установки и общественные идеалы того или иного времени.

Ключевые слова

Ф.И. Буслаев, Н.Г. Чернышевский, художественный образ, сравнительно-исторический метод, историзм художественного творчества.

Учеными отмечается переключки эстетических идей Ф.И. Буслаева и Н.Г. Чернышевского. Е.И. Кызласова¹, Е.И. Семенов² утверждают влияние Н.Г. Чернышевского на Ф.И. Буслаева. А.И. Баландин, наоборот, видел несомненное влияние идей Ф.И. Буслаева на революционеров-демократов: «Прогрессивный характер мифологической теории был настолько очевиден, что многие её элементы органически вошли в работы Н.Г. Чернышевского и Н.А. Добролюбова»³.

¹«Ряд отдельных мыслей Буслаева» подверглись влиянию «эстетики революционных демократов, и, в первую очередь, Н.Г. Чернышевского. Так, буслаевская формулировка «литература есть зеркало жизни, хотя бы с какой-либо одной из её сторон...» может быть прямо сопоставлена с известным тезисом из «Эстетических отношений искусства к действительности». Кызласова И.Л. Связь научного творчества Ф.И. Буслаева с идейными течениями его времени // Проблемы истории СССР. М., 1978. Вып. 7. С. 67-68.

²Е.И. Семенов подтверждал тот факт, что формулировку Н.Г. Чернышевского Ф.И. Буслаев «почти буквально воспроизводит». См.: Семенов Е.И. Эстетические идеи Ф.И. Буслаева // Русская литература. Л., 1982. № 3. С. 71.

А.Н. Веселовский считал, что «идеальный» подход, под которыми он понимал и религиозные взгляды ученого, помог избежать Ф.И. Буслаеву «косности одностороннего исследователя»⁴. При этом «идеальные» взгляды Ф.И. Буслаева несовместимы с идеалистическими концепциями западных ученых, в том числе гегельянством. М.В. Алпатов подчеркивал, что «Буслаев не тяготел к философским концепциям в духе гегелевского учения о символической, классической и романтической поэзии»⁵.

³Баландин А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев. М., 1988. С. 99.

⁴Веселовский А.Н. Рец.: На сборник Буслаева «Мои досуги», собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. В 2-х тт. М., 1886 // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. ССXLVI. СПб, 1886. № 7. С. 154.

⁵Алпатов М.В. Ф. Буслаев и русская наука об искусстве // Искусство. М., 1961. № 8. С. 66.

⁶Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х томах. Л., 1991. Т. I, Ч. 2. С. 142.

В отличие от Ф.И. Буслаева Н.Г. Чернышевский пытался «заменить религиозное мировоззрение, сохранив, однако, все ценности, открывшиеся миру в христианстве»⁶. Философские идеи Гегеля Н.Г. Чернышевский воспринимал критически, считая, что «трансцендентальные системы науки»⁷, имеющие «метафизические основания», являются «фантастическими мечтами». Выступая против «идеализма в обширнейшем смысле слова», Н.Г. Чернышевский признавал христианское мировоззрение устаревшим. Публицист подчеркивал, что ни одно из возражений Гегеля, совершенно справедливых относительно теории подражания природе, не прилагается к его теории воспроизведения. Н.Г. Чернышевский выступил против гегелевского определения прекрасного: «прекрасное есть единство идеи и образа» и выдвинул свое положение: «прекрасное есть жизнь». Критикуя позицию «прекрасное есть абсолютное», мыслитель считал, что «вообще деятельность человека не стремится к абсолютному и ничего не знает о нем, имея в виду различные, чисто человеческие цели»⁸. Позитивистско-материалистические взгляды, очевидно, лежат в основе этих высказываний.

Замечания А.Н. Веселовского о неизменности «идеального подхода» Ф.И. Буслаева и разъяснение В.В. Зеньковского о «двойственности» мировоззрения Н.Г. Чернышевского подсказывают, что причины переключки в формулировках и неприемлемости исследовательских позиций нужно искать в мировоззрении ученого и публициста.

Оценка псевдоклассицизма, опора на историзм и др. присутствуют в трудах обоих исследователей, но разработка этих понятий, их аргументация далеко не совпадают. Ф.И. Буслаев считал, что, рожденный античностью, мифологический идеализм питал классицизм эпохи Возрождения, но он выродился в псевдоклассицизм, как «изогавшийся до последней степени мифологический

⁷Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 180.

⁸Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 120

⁹Буслаев Ф.И. Задачи эстетической критики // Мои досуги. Собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева: В 2 частях. М., 1886. Ч. 1. С. 323-324.

¹⁰Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 191-192.

идеализм в крайней пустоте обнищавшего духа»⁹. Псевдоклассицизм, для которого характерно несоответствие формы и содержания, рождал «искусство для искусства». Н.Г. Чернышевский вторит: «Именно эстетики псевдоклассической школы предпочитали искусство действительности потому, что вообще страдали болезнью своего века и кружка — искусственностью всех привычек и понятий... и идеальную жизнь ставят вообще выше реальной»¹⁰. Н.Г. Чернышевский совмещал понятия искусство для искусства и идеализм в искусстве. Ф.И. Буслаев разводил эти понятия, глубоко и убедительно показывая причины появления искусства для искусства, причины его пустоты и антихудожественности.

Для Ф.И. Буслаева идеализм и реализм — это способы художественного воспроизведения действительности, и каждая эпоха дает свои типы идеального и реального. Эти принципы могут сосуществовать, сменять друг друга в зависимости от духовного устройства эпохи. Правда жизни изображается как идеализмом, так и реализмом. «Реализм, по современному учению, разрабатывает в искусстве правду жизни. А не её ли же, не ту ли же самую правду жизни исповедует и идеализм, в его настоящем, очищенном виде, в каком он, по крайней мере, в теории — выступил из исторической борьбы с целым рядом временных лже-идеализмов?»¹¹. Ф.И. Буслаев считал, что как реализм, так и идеализм условны и субъективны: реализм может присутствовать как в произведениях идеалиста, так и материалиста. Эти типы мыслятся им как обобщение черт, принадлежащих конкретным стилям. П.Н. Сакулин данное явление объяснял так: «Но в одну эпоху каузальные факторы могут дать перевес реальному типу, а в другую эпоху ирреальному. Наличие «перевеса» производит впечатление смены типов, их чередования»¹².

Н.Г. Чернышевский, настаивая на смене научной парадигмы, подчеркивал, что «настоящее развитие естественных, исторических и нравственных наук» зиждется на «других воззрениях на мир». В результате этих изменений «при тесной

¹¹Буслаев Ф.И. Задачи эстетической критики // Мои досуги. В 2 частях. М., 1886. Ч. 1. С. 326.

¹²Сакулин П.Н. Филология и культурология. М., 1990. С. 163.

зависимости эстетики от общих наших понятий о природе и человеке, с изменением этих понятий должна подвергнуться преобразованию и теория искусства»¹³. В связи с этими задачами Н.Г. Чернышевский выдвигал новый, так называемый практический подход, как «существенный критерий всех спорных пунктов».

Ф.И. Буслаеву претил «наиболее распространенный способ практического отношения к русской народности», который «состоит в порицании её»¹⁴. Он, отстаивая право изучать предмет теоретически, утверждал, что предметом анализа историка литературы должна быть «историческая истина» не в форме голых фактов, а в форме «поэтических идеалов». П.Н. Сакулин справедливо отдавал первенство Ф.И.Буслаеву в выдвижении этой «чрезвычайно ценной попытки», подчеркнув при этом ее малую востребованность современниками.

Отстаивая ценность художественного воплощения действительности, Ф.И. Буслаев критикует литературу агитаторскую, политическую, деловую и партийную, доказывая, что она не выполняет своей художественной функции. Ученый сравнивал положение о вынесении приговора литературой со средневековым морализаторством. Используя морализаторство и назидание, современный литератор наносит «оскорбление своей духовной природе, самовольно отрекаясь от врожденного ему художественного таланта»¹⁵. Такое отречение от своего таланта находил Ф.И. Буслаев в творчестве Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого. И по сей день исследователи разных школ, национальностей и убеждений считают, что отсутствие морализаторства в произведении укрепляет его художественность. П. Акرويد пишет о У. Шекспире: «В самых высоких образцах шекспировского искусства полностью отсутствует морализаторство»¹⁶.

¹³Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 174

¹⁴Буслаев Ф.И. О русских народных книгах и лубочных изданиях // Исцеление языка. Опыт национального самосознания. Работы разных лет / Сост. А.А. Чех. СПб, 2005. С. 350.

¹⁵Буслаев Ф.И. Значение романа в наше время // Мои досуги. В 2 частях. М., 1886. Ч. 2. С.467-468.

¹⁶Акرويد П. Шекспир. Биография / Пер. с англ. О. Кельберг. М., С. 377.

Фальшивым звуком считает Ф.И. Буслаев и публицистическое навязывание читателю собственного взгляда на действительность и произведение, ее отражающее. С этой точки зрения он критиковал произведения Ж.-Ж. Руссо, Б. Ауэрбаха, М.-Ф. Вольтера, Н.Г. Чернышевского, М.Е. Щедрина и др. Книжки, подобные роману Н.Г. Чернышевского, Ф.И. Буслаев называл «утопическими игрушками и бреднями», «заманчивыми утопиями» на «кривых, окольных дорогах» цивилизации. При этом он отмечал, что роман имел влияние на умы «при полнейшем отсутствии всяких поэтических качеств». Творчество И.С. Тургенева, его художественные формы, воплотившие «запутанность и сутолоку современности»¹⁷, ученый ценил значительно выше.

Ф.И. Буслаев подчеркивал важность образования в современной культуре. Он считал также, что искусство «все же остается в родственной связи с религией, как по своему происхождению, так еще более потому, что всегда оно будет питать в человечестве благоговение к миру идей, которым оно живет, и который более или менее всегда будет предполагать чувство к религиозному благочестию, несмотря на исторические превратности в судьбе вероисповеданий»¹⁸. Поскольку в современном ему искусстве отсутствует религиозное благочестие, как критерий всякой истинности, то этим критерием для него становилась правдивость и искренность в изображении действительности.

В отличие от Ф.И. Буслаева, который в своих рассуждениях использовал прием «от частного к общему», Н.Г. Чернышевский в своей диссертации счел необходимым «обозревать содержание науки с общей точки зрения»¹⁹. Такая позиция, по мнению Буслаева, привела ученого к тому, что он «ограничивался только самыми общими точками зрения, не входил в подробности, не ссылался на примеры»²⁰.

¹⁷Андреева А.А. Из записок Буслаева о Тургеневе // Вестник Европы. СПб., 1899. № 12. С.727.

¹⁸Буслаев Ф.И. Задачи эстетической критики // Мои досуги. В 2 частях. М., 1886. Ч. 1. С. 382.

¹⁹Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 72

²⁰Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 146.

Если Ф.И. Буслаев признает воздействие художественного образа как наиболее сильный элемент в творчестве, то Н.Г. Чернышевский снижает силу воздействия художественного образа и видит его функцию только в воспроизведении действительности. Н.Г. Чернышевский характеризовал образ как «бледный общий, неопределенный намек на действительность»²¹. Он писал: «Сила искусства есть обыкновенно сила воспоминания» и «сила комментария»²². Н.Г. Чернышевский оперирует абстрактными понятиями, нигде не уточняя смысл, который он в них вкладывает. Он утверждает, что «забота о прекрасном не всегда была источником»²³ художественных произведений. Красоту произведения искажают «житейские стремления», «умственные и нравственные взгляды» художника, «идея художественного создания» включает не только стремление создать прекрасное, но передает «свои мысли, взгляды, чувства»²⁴. Субъективность искусства состоит в том, что художники могут заблуждаться в своих понятиях о красоте.

Н.Г. Чернышевский также критикует современную литературу, но по другим параметрам, как литературу, работающую по устаревшим правилам, т. е. опирается на понятие «прекрасное», указывает на неестественность «пружин действия и безыскусственной натуральности речей; разделение действующих лиц на героев и злодеев»²⁵, отсутствие живых лиц и живого разговора. В качестве недостатков литературы считает растянность, приторную сентиментальность, претензию на иронически злое, простодушие, банальность и т.д. «монотонность произведений поэзии: люди все на один лад, события развиваются по известным рецептам, с первых страниц видно, что будет дальше, и не только что будет, но и как будет»²⁶. Не внутреннее содержание художественного произведения, но его формальные стороны больше всего привлекают критику автора. Исследовательской глубиной данные положения не обладают.

²¹Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С.130

²²Там же. С. 153

²³Там же. С. 121

²⁴Там же. С. 122

²⁵Там же. С. 163-164.

²⁶Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 164.

Критикуя положение «прекрасное в природе мимолетно», Н.Г. Чернышевский развивает свои представления об историзме. «В произведениях поэзии скоро стареет язык, и мы по этой причине не можем наслаждаться Шекспиром, Данте, Вольфрамом так свободно, как наслаждались их современники. Еще гораздо важнее то, что с течением времени многое в произведениях поэзии делается непонятным для нас (мысли и обороты, заимствованные от современных обстоятельств, намеки на события и лица)». Развитие цивилизации изменяет понятие, «иногда превращает его даже в нечто неприятное или отвратительное»²⁷. «Если мы не перенесемся мыслию в патриархальное общество, песни Гомера будут оскорблять нас цинизмом, грубым обжорством, отсутствием нравственного чувства»²⁸. Все эти мысли справедливы на обычном уровне, но глубина разработки понятия историзм отсутствует. Н.Г.Чернышевский демонстрирует поверхностный и линейный историзм.

В отличие от него Ф.И. Буслаев говорит о художественном обобщении, а не копировании действительности в художественном произведении. Он считает, что элементы предыдущих эпох оседают в последующих культурах в формальном элементе. В результате у них разный подход к пониманию фантастического и разное понимание происхождения фантазии. Ф.И. Буслаев считает то, что сейчас воспринимается как фантазия, прежде являлось отражением действительной жизни и в фольклоре ее понимает как отражение действительности мифологического периода. Фантазию Н.Г. Чернышевский рассматривает в личном творчестве и понимает ее в качестве переделки действительности, которую провоцирует плохая память, заимствование из других ситуаций, путаница событий, восполнение ради полноты описания²⁹. В результате цель искусства не катарсис, не духовное очищение, но лишь воспроизведение реальности. «Вот единственная цель и значение очень многих (большой части) произведений искусства: дать возможность, хотя в некоторой степени, познакомиться с прекрасным

²⁷Там же. С. 123.

²⁸Там же. С. 124.

²⁹Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в двух томах. Т.1. С. 168.

в действительности тем людям, которые не имели возможности наслаждаться им на самом деле; служить напоминанием, возбуждать и оживлять воспоминания о прекрасном в действительности у тех людей, которые знают его из опыта и любят вспоминать о нем»³⁰.

Н.Г. Чернышевский проповедует литературу партийную, агитаторскую и создает тексты в этом стиле. Образец подобной литературы наглядно предстает в его статье «Полемиические красоты»³¹. Здесь Н.Г. Чернышевский обращается к «статьям, статейкам, глубокомысленным изобличениям и милым выходкам, печатающимся против «Современника» в «Русском Вестнике» и «Отечественных Записках». Труды М.П. Погодина, К. С. Аксакова, М.Н. Каткова, И.С. Тургенева, М.А. Антоновича, М.Н. Лонгинова, Я.К. Грота, П.Д. Юркевича, Ф. Альбертини, С.С. Дудышкина стали предметом литературного разноса. Острой критике в ряду этих лиц подвергся и Ф.И. Буслаев. Без излишней скромности он смело пишет: «Но мне наскучило сдерживать себя. Надобно же и посмеяться... Г. Буслаев так обязателен, что без всякой надобности, единственно по доброте душевной, доставил мне прекрасный случай развлечься»³².

Для Н.Г. Чернышевского комплексный подход и сравнительно-историческая методология ученого – это всего лишь «затруднительное положение» образа мыслей Ф.И. Буслаева, который «выбивается из-под власти здравого рассудка», «фантазирует» в сравнительной мифологии, «соблазнился эксцентрическими прыжками Якова Гримма», «дошел до точки», «соблазняется» живописью, гравюрами, «поддается» школе дорафаэлистов, «почерпнул» из славянофилов, «полюбил» «Божественную комедию» Данте³³. Эти пренебрежительные выпады однозначно говорят о поверхностности суждений, а упоминание не имеющего места в трудах Ф.И. Буслаева сравнения образов Беатриче из поэзии Петрарки и Амелфы Тимофеевны из русской былины «Васька Буслаев» говорит

³⁰Там же. С. 155.

³¹Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты // Избранные философские сочинения в трех томах. Т.3, М., 1951. С. 344.

³²Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты // Избранные философские сочинения в трех томах. Т.3, М., 1951. С. 384-385.

³³Там же. С. 387.

о том, что Н.Г. Чернышевский либо не читал трудов академика, либо намеренно вводил читателя в заблуждение. Н.Г. Чернышевский пытался также найти противоречия в диалектике мыслей ученого: «Он и любит суеверие, и не любит его, и восхищается им, и находит его вредным, — все найдете у него, только не найдете, чтобы он сам замечал раздвоение своих мыслей»³⁴. В полемике Н.Г. Чернышевский использует сомнительные средства: агрессивную бездоказательность, подмену понятий и откровенный подлог. Лицемерные похвалы («чуждый болезненного тщеславия», «друг просвещения и приверженец прогресса», «человек очень благородный», «очень трудолюбивый и занимается своим предметом усердно») сменяются угрозами («много мы найдем в вас ученых достоинств?»). Критик бросает обвинение исследователю в пристрастии принципу «наука для науки» и непрофессионализме. Н.Г. Чернышевский повторяет, как заклинание, что «трусами его наука не может воспользоваться»³⁵. Со стороны Н.Г. Чернышевского спор был не ради истины, поэтому в его статьях присутствовало намеренное запугивание и запугивания противника, апеллирование к не имеющим места побуждениям и мыслям оппонента, использование ложных и недоказанных аргументов, откровенная грубость высказываний.

Псевдокритика не изменила ни научной, ни мировоззренческой позиции ученого. Ф.И. Буслаев не ответил на эти выпады Н.Г. Чернышевского, но на статью А.Н. Пыпина дал исчерпывающую отповедь³⁶. Последующие работы Ф.И. Буслаева³⁷ проникнуты прежним научным пафосом, развивают и успешно доказывают прежние идеи. Ф.И. Буслаев продолжал критиковать социологи-

³⁴Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты // Избранные философские сочинения в трех томах. Т.3, М., 1951. С. 389-390.

³⁵Там же. С. 386-387, 395

³⁶Буслаев Ф.И. Ответ г. Пыпину на его статью, помещенную в 1-м № «Современника» за 1861 г., под заглавием: «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» (Письмо к А. Н. Пыпину) // Отечественные Записки. 1861. Апр. Т. СXXXV, отд. III. С. 61-86.

³⁷Буслаев Ф.И. О русских народных книгах и лубочных изданиях (1861), О современной русской литературе (1865), Догадки и мечтания о первобытном человечестве (1873), Сравнительное изучение народного быта и поэзии (1872-1873), Значение романа в наше время (1877), Задачи эстетической критики (1886) и др.

ческий подход не только в русской науке, но и западноевропейской. Ф.И.Буслаев иронически рекомендовал книгу Ш. Низара «Historic des livres populaires» «русским практикам» как образец для подражания.

Онтологически разная основа мировоззрений и как следствие научных подходов и методов Н.Г. Чернышевского и Ф.И. Буслаева привела их к противостоянию. Святоотеческое и атеистическое мировоззрения вели исследователей к разным выводам. Ф.И. Буслаев указывал на пагубность социологических, «практических» устремлений революционеров-демократов и активно противостоял этому, «выступал решительно и твердо против всякого идеологического фанатизма»³⁸. Ученый

³⁸Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991. С. 214.

имел активную гражданскую позицию человека верующего, не скрывал своей любви к родной старине, но и не идеализировал ее. Концепция академика Ф.И.Буслаева была значительно шире мифологической теории, которую брали на вооружение революционеры-демократы.

Сегодня мы видим, что история в итоге не поддержала мнение Н.Г. Чернышевского относительно Ф.И. Буслаева, хотя и была достаточно долго под влиянием его оценок. Учебники Ф.И. Буслаева более чем через 150 лет востребованы образовательным процессом, а научная концепция подтверждается и развивается современными исследованиями и школами (П.Н. Сакулина, Ю.И. Минералова и др.).

Список литературы

1. Акройд П. Шекспир. Биография / Пер. с англ. О. Кельберт. М., 2009.
2. Алпатов М.В. Ф. Буслаев и русская наука об искусстве // Искусство. М., 1961. № 8.
3. Андреева А.А. Из записок Буслаева о Тургеневе // Вестник Европы. СПб, 1899. № 12.
4. Баландин А.И. Мифологическая школа в русской фольклористике: Ф.И. Буслаев. М., 1988.
5. Буслаев Ф.И. Значение романа в наше время // Мои досуги. В 2 частях. М., 1886. Ч. 2.
6. Буслаев Ф.И. Задачи эстетической критики // Мои досуги. В 2 частях. М., 1886. Ч. 1.
7. Буслаев Ф.И. О русских народных книгах и лубочных изданиях // Исцеление языка. Опыт национального самосознания. Работы разных лет / Сост. А.А. Чех. СПб, 2005.
8. Веселовский А.Н. Рец. на сборник Буслаева «Мои досуги», собранные из периодических изданий мелкие сочинения Федора Буслаева. М. В 2-х частях. 1886 // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. ССXLVI. СПб, 1886. № 7. Июль.
9. Егоров Б.Ф. Борьба эстетических идей в России 1860-х годов. Л., 1991.
10. Зеньковский В.В. История русской философии в 2-х томах. Л., 1991. Т. I, Ч. 2.
11. Кызласова И.Л. Связь научного творчества Ф.И. Буслаева с идейными течениями его времени // Проблемы истории СССР. М., 1978. Вып. 7.
12. Семенов Е.И. Эстетические идеи Ф.И. Буслаева // Русская литература. Л., 1982. № 3.
13. Сакулин П.Н. Филология и культурология. М., 1990.
14. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Соч. в 2-х тт. Т.1. М., 1986.
15. Чернышевский Н.Г. Полемиические красоты // Избранные философские сочинения в трех томах. Т.3. М., 1951.

AESTHETIC IDEAS
F. I. BUSLAEV IN THE DIALOGUE
WITH N. G. CHERNYSHEVSKY

Zlobina Nadezhda Fedorovna,
DSc in Philology, professor department of Russian language,
Ul. Alekseevskaja pustyn', d.4, Svjato-Alekseevskaja Pustyn',
Jaroslavskaja oblast', 152049.
e-mail: Zlobina-n@bk.ru

Abstract

The article compares two views of scientists on the role of art, the methods of artistic creation, philosophical and ideological preferences and social ideals of a particular time.

Keywords

F.I. Buslaev, N.G. Chernyshevsky, artistic image, historical-comparative method, a the historicism of artistic creativity.

УДК 78С1(092)
ББК 85.3131

ГОВОРЯТ АРХИВЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
ЭССЕ С. ТАНЕЕВА

Самойлова Наиля Камилевна,
кандидат искусствоведения, доцент,
профессор кафедры специального фортепиано
и ансамблевой подготовки,
Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей,
ул. Ленинская, д. 27, г. Оренбург, Россия, 460000
nellja056@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена неизвестным страницам теоретических работ С. Танеева. В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) удалось обнаружить две неопубликованные работы Танеева, одна из которых содержит его мысли об ансамблевых взаимоотношениях скрипки и фортепиано, а вторая посвящена «Аппликатуры скрипки». Последняя статья представляет особый интерес. В ней помещены схемы, математические расчеты, указывающие на внутреннюю самообразовательную работу Танеева над текстом струнных сочинений.

Ключевые слова

Архивные материалы, ансамбль с фортепиано, камерная музыка, струнные инструменты, аппликатура.

Личность и творчество Сергея Танеева поражают многогранностью и неповторимым соединением, казалось бы, взаимоисключающих черт и качеств. Так исключительное исполнительское дарование Танеева получило признание раньше, чем в других областях, однако выдающийся музыкальный деятель отечественной культуры достаточно широко проявил себя и в эпистолярной сфере (имеется в виду его переписка с П. Чайковским). Как и известная переписка Н. Метнера с С. Рахманиновым или С. Прокофьева с Н. Мясковским.

Вместе с тем наше музыкознание еще в полном объеме не изучило литературные рукописи великого музыканта, которые рассредоточены в различных источниках хранения. Имеется в виду: отдел редких изданий и руко-

писей Научно-музыкальной библиотеки им. С.И. Танеева Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), архив музея им. М.И. Глинки (ВМОМК), архив Государственного дома-музея П.И. Чайковского в Клину. Так в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) удалось обнаружить два неопубликованных манускрипта Танеева, один из которых содержит его мысли об ансамблевых взаимоотношениях скрипки и фортепиано под названием «Скрипка и фортепианная партия»

Также в них Сергей Иванович размышляет об увлечения исполнителями упражнениями для развития техники: «...мы встречаем упражнения необходимые для развития средней тех-

ники, также как упражнения способствующие развитию техники виртуозной. Последними нужно заниматься с осторожностью то временами оставляя их, то временами к ним возвращаться. Слишком усердные занятия могут взамен ожидаемой пользы, принести, пожалуй, и вред. Но при благоразумном пользовании они сразу могут дать больше пользы и больше преимуществ как в данный момент, так и в других исполнениях. Но не надо и преувеличивать их значений» и далее делает авторское примечание весьма колоритного свойства: «Кто не рожден быть музыкантом тому никакие упражнения не нужны».

Второй очерк – «Аппликатура скрипки» – также представляет особый интерес. В нем помещены схемы, математические расчеты, указывающие на интересную внутреннюю самообразовательную работу Танеева над текстом струнных сочинений. Как и в различных формах творчества, здесь Сергей Иванович использовал излюбленные математические методы. Подтверждают это взятые Танеевым в качестве эпиграфа к своему труду «Подвижной контрапункт строгого письма» слова Леонардо да Винчи: «Никакое человеческое знание не может претендовать на звание истинной науки, если не прошло через математические формулы выражения». Учитывая характерную особенность композитора, имеется в виду доскональное изучение явлений, попадающих в круг его творческих интересов, можно констатировать, что стиль данной работы приближается к научному труду.

Общеизвестно, что камерная музыка явила собой одну из наиболее весомых сторон композиторского наследия художника. Камерному творчеству как существенному направлению композитор-пианист отдавал много творческих помыслов. Отсюда и внушительный итог: шесть струнных квартетов, фортепианный квартет, два струнных и фортепианный квинтет, два струнных и одно фортепианное трио, соната для скрипки и фортепиано. Среди ансамблей с фортепиано особое место принадлежит «Фортепианному квартету op. 20». Так, по наблюдению В. Протопопова, «Квартет» явился опытом

создания в камерно-инструментальном жанре «некоей этико-философской концепции, подобной той, которая лежит в основе «Орестей» и симфонии c-moll». Интеллектуализм и взвешенность эмоций проявились здесь в ясности, стройности композиции. Однако классическая строгость в нем органически сочетается с романтическим содержанием, индивидуальностью тематизма, нередко связанного с полифоничностью фактуры. Все это обусловило востребованность ансамбля для современных исполнителей.

В отделе редких изданий и рукописей Научно-музыкальной библиотеки им. С.И. Танеева Московской государственной консерватории посчастливилось обнаружить экземпляр «Фортепианного квартета» с рукописными пометами мастера. Уникальность данного экземпляра показал его анализ. В нем содержатся истинные сокровища: композитор, в частности, проставил аппликатуру не только партии пианиста, но и внес ее в партию струнной группы. Основная же направленность помет коснулась рельефности исполнительской фразировки, связанной либо с усилением певучего начала мелодики, либо с подчеркнута декламационным произнесением отдельных интонаций, звуков. Другой же ряд помет отнесен к некоторой детализации динамики. Заметим, что появление таких помет абсолютно органично для композитора-пианиста, они украшали в большей или меньшей степени рукописи С. Рахманинова и Н. Метнера.

Однако вернемся к труду Танеева «Аппликатура скрипки» и отметим, что одиннадцатистраничный манускрипт представляется во многом текстом загадочным. Видимо, он явился результатом размышления русского мастера над фактурными элементами и характером их звучания в партии струнных инструментов. Известно, что ансамбли композитор писал в расчете на исполнительские возможности своих коллег по консерватории, прежде всего скрипача Л. Ауэра, которому он посвятил «Концертную сюиту op. 28, g-moll». Характер записей позволяет разделить их на несколько категорий: интервальные и цифровые экспликации

(как результат размышлений по поводу акустических свойств интервалов), а также обобщений в виде схем, которые, вероятно, были сделаны Танеевым до его знакомства с классическим трудом Л. Ауэра «Моя школа игры на скрипке». Танеевский манускрипт – редчайший опыт самопознания исполнительских возможностей струнных инструментов, где мастера особенно занимали проблемы аппликатуры. Здесь гениальный пианист проявил себя вольным эмпириком.

Танеевская рукопись также уникальна тем, что она содержит скрипичную аппликатуру. Пианист, никогда не игравший на струнном инструменте, начинает проставлять ему аппликатуру. Можно предположить, что он интересовался не только тем, как будут звучать струнные инструменты в ансамблях, но и какой аппликатурой можно воспроизвести тот или иной прием. Решить эту проблему Танеев попытался самостоятельно, в результате чего он, видимо, хотел предложить свою аппликатурную систему.

Таким образом, перед нами труд, который представляет собой редкую попытку зрелого музыканта, как бы сесть на школьную скамью и начать изучать аппликатурные принципы с самых азов. Конечно, некоторые размышления и «открытия» Танеева, сейчас нам могут показаться порой курьезными, в частности, это касается терминологии. Приведу несколько примеров из данной работы. Так Сергей Иванович выводит и позиционирует такие понятия как «отрицательные» и «положительные» интервалы.

По его мнению: «Отличие отрицательных интервалов от положительных в том, что в положительном высший палец на высшей струне, а в отрицательном на низшей». Вероятно, Танеев имел в виду тот факт, что тесситурно восходящие интервалы он определил как положительные, а нисходящие как отрицательные. По Танееву, положительные интервалы строятся вверх, а отрицательные вниз. Видимо он попытался создать некий конспект для самообучения. «Передвижение сравнительно высшего пальца на струну сравнительно высшую и

сравнительно низшего низшую. Действие положительное. А передвижение сравнительно высшего пальца на струну сравнительно низшую и сравнительно низшего – высшую. Действие отрицательное».

В данной работе композитор уделяет особое внимание соотношению акустических возможностей скрипки удобной, как ему казалось аппликатурой.

В таблице, которая приводится на последней странице Танеев указывается количество комбинаций (их 72).

Эту цифру ученый выводит из того, что можно сыграть 18 комбинаций, которые он умножает на 4. Далее замечает, что среди 72-х комбинаций, 18 повторяются, поэтому в аппликатурной разметке оставляет только 54 позиции.

В конце Сергей Иванович замечает: «Над каждым интервалом, взятым определенными пальцами можно подписать сверху три интервала. Это - сумма тех интервалов, которые берутся каждым пальцем на сравнительно более высокой струне, за исключением пальца уже находящегося на низшей. Чтобы найти по таблице, какой интервал получится через струну, надо сложить абсолютную величину получившихся интервалов».

Думается, что инструктивные размышления Танеева в сфере струнных инструментов сегодня поучительны, они открывают мастерство музыканта в новой сфере знаний.

Список литературы

1. Протопопов В. Творческий путь С.И. Танеева // Памяти Сергея Ивановича Танеева (под ред. В. Протопопова): сб. статей и материалов. М.–Л., 1947.
2. Фонд № 880. Сергей Иванович Танеев. Оп. 1, ед. хр. 53. Танеев С.И. Скрипка и фортепианная партия. Автограф.
3. Фонд № 880. Сергей Иванович Танеев. Оп. 1, ед. хр. 51. Танеев С.И. Аппликатура скрипки. Автограф.

SAY ARCHIVES: THEORETICAL ESSAYS BY S. TANEEV

Samoilova Nailya Kamilevna,
PhD in Arts, associate professor,
professor of the special piano Department and ensemble training,
Orenburg State Institute of Art named after L. and M. Rostropovich,
Lenin Str. 27, 460000 Orenburg, Russia,
nellja056@gmail.com

Abstract

The article is devoted to unknown pages of theoretical essays by S. Taneev. In the Russian state archive of literature and art (RGALI) was able to detect two of Taneyev's unpublished manuscript, one of which contains his thoughts about the relationship of ensemble violin and piano (the notes under the name "the Violin and the piano part"). The second essay – "violin Fingering". The last article is of special interest. It provides a schematic mathematical calculations pointing to an interesting internal self-educational work on the text of Taneyev's string works.

Keywords

Archival materials, ensemble with piano, chamber music, stringed instruments, fingering.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ И КУЛЬТУРА

УДК 373.167.1:82.09

ББК 83.3

ЗАТЯНУВШАЯСЯ КОМАНДИРОВКА А.С. ПУШКИНА

Алексеев Владимир Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент Государственного гуманитарно-технологического университета,
e-mail: inostemma@mail.ru

Аннотация

«южная ссылка» А.С. Пушкина в действительности была служебным переводом, который растянулся на несколько лет. Документы показывают ошибочность причисления графа М.С. Воронцова к непримиримым врагам поэта.

Ключевые слова

А.С. Пушкин, служебный перевод в Новороссию, взаимоотношения с графом М.С. Воронцовым.

История «южной «ссылки» А.С. Пушкина в 1820–1824 гг. может считаться хрестоматийной. Однако документальных источников, однозначно определяющих планы государя и руководителей Коллегии иностранных дел¹ в отношении поэта, всё ещё недостаточно. Такое положение создаёт почву для самых разных суждений, во многом зависящих от симпатий и знаний исследователей.

Прежде всего, неправомерно использование устоявшегося выражения «Южная ссылка Пушкина». До лета 1824 г. поэт оставался чиновником КИД, получал жалование, выполнял отдельные государственные поручения и не состоял под полицейским надзором. Случай с А.С. Пушкиным не попадает и под определе-

ние «административная высылка», поскольку в его отношении не было приговора суда, и он не был признан неблагонадёжным. Как чиновник КИД, Пушкин был отправлен на юг по распоряжению начальства, что более всего похоже на командировку.

Попытаемся обсудить причины начала и окончания служебного перевода А.С. Пушкина на юг России, а также отношения между поэтом и его одесским начальником графом М.С. Воронцовым.

Сложность этой ситуации отмечала С.Л. Абрамович, писавшая, что «о жизни Пушкина в Одессе до нас дошло гораздо больше слухов и легенд, чем достоверных фактов» и что «мы пока не можем сказать совершенно определённо о том, что послужило непосредственным поводом письма Воронцова к Нессельроде

¹Далее КИД – В.А.

от 28 марта 1824 г.»². Ещё более точно определял положение М.О. Гершензон: «Обстоятельства, результатом которых явилась высылка Пушкина из Одессы остаются до сих пор не выясненными. В этой истории, несомненно, есть какое-то тёмное место. Факты, нам известные..., объясняют не всё»³.

Итак, начнём со времени перевода А.С. Пушкина из Петербурга на юг России и условий этого перевода. Как известно, пушкинские «стихи на вольность, эпиграммы на властителей и проч.» (Н.М. Карамзин) стали причиной недовольства императора Александра I, намеревавшегося удалить «бунтаря» как можно дальше от Петербурга. Благодаря ходатайству Н.М. Карамзина, а также статс-секретаря и второго управляющего КИД графа Иоанна Каподистрии поэт был спешно отправлен курьером в Екатеринослав с депешей для генерала И.Н. Инзова. Весьма вероятно, что известный либерал граф Каподистрия (по словам Карамзина, «умнейший человек нынешнего двора»), благоволил к молодому человеку и специально придумал для него командировку, избавляющую поэта от полицейского надзора.

Эта мысль подтверждается несколькими документами, в частности, запиской графа Каподистрии от 5 мая 1820 г.: «Император приказал вчера, чтобы коллегия выдала г-ну Пушкину, переводчику, тысячу рублей на дорожные расходы... Я хочу поручить ему срочную депешу для г-на генерала Инзова. Сделайте одолжение, поговорите об этом с графом Нессельроде. Он об этом предупреждён. Мы были вместе, когда Его Императорское Величество дал мне это указание»⁴. Отметим, что в 1820 г. КИД руководили одновременно два статс-секретаря – И.А. Каподистрия и К.В. Нессельроде, но право в решении вопросов, связанных с Бессарабией и отношениями с Турцией, первоначально принадлежало графу Каподистрии.

В личном письме, которое Пушкин повёз с собой из Петербурга генералу Инзову, граф Ка-

подистрия писал, что, несмотря на серьёзный проступок молодого человека, последовавший не вследствие порока, а из-за юношеской неосторожности, Пушкин направляется не для наказания, но для воспитания, что «его покровители полагают, что его раскаяние искренне и что, удалив его на некоторое время из Петербурга, доставив ему занятие и окружив его добрыми примерами, можно сделать из него прекрасного слугу государству...»⁵ (здесь и далее курсив мой – В.А.).

В это же время в своих письмах к князю П.А. Вяземскому А.И. Тургенев сообщал, что «Пушкин ускакал к Инзову курьером; пробудет с ним несколько времени и потом будет при Каподистрии, если исправится»⁶. По мнению Н.М. Карамзина: «Пушкин был несколько дней совсем не в пиитическом страхе от своих стихов на свободу и некоторых эпиграмм, дал мне слово уняться и благополучно поехал в Крым месяцев на 5... Он был, кажется, тронут великодушием государя, действительно трогательным»⁷.

Заметим, что в цитированном выше письме графа Каподистрии Пушкин назван «переводчиком», что можно считать указанием на его должностные обязанности в КИД. Вероятно, таковыми они и остались, когда Пушкин оказался в распоряжении генерала И.Н. Инзова, председателя Попечительского комитета об иностранных поселенцах южного края России и полномочного наместника Бессарабской области. Во всяком случае, в письме к Каподистрии от 28 апреля 1821 г. И.Н. Инзов сообщал о Пушкине: «Я занял его переводом на российский язык составленных по-французски молдавских законов...»⁸. Формально коллежский секретарь А. Пушкин оказался в штате бессарабского генерал-губернаторства, что подтверждают его слова из письма к Нессельроде от 13 января 1823 г.: «Будучи причислен по повелению его величества к его превосходительству бессарабскому генерал-губернатору, я не могу без особого разрешения приехать в Петербург...»⁹

²Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799 – 1826. Л.: Наука, 1991. С. 208. Далее – «Летопись...»

³Летопись... С. 208-209.

⁴Русский Архив. 1897. № 7. С. 493.

⁵Летопись... С. 270.

²Абрамович А.С. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым. / Звезда, 1974, № 6, С. 191,198.

³Гершензон М.О. Образы прошлого. М. 1912. С. 33.

⁴Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М. 1976. С. 44.

Таким образом, ближайшее окружение Пушкина предполагало, что его удаляют из Петербурга всего лишь на некоторое время, возможно, на пять месяцев, которых будет достаточно для исправления молодого человека. Более того, по словам самого Каподистрии, «впоследствии он, Каподистрия, ценя высокие дарования молодого человека, надеется иметь его при своей особе»¹⁰.

Однако косвенные данные указывают, что пребывание Пушкина в Бессарабии изначально предполагалось на срок не менее года. За это говорит тот факт, что новый начальник поэта генерал Инзов, видимо, даже не был обязан информировать своё руководство о поведении Пушкина. И в Петербурге «вспомнили» о нём как раз к истечению первого года. Только в середине апреля 1821г. (!) граф Каподистрия обратил с письмом к И.Н. Инзову: «Несколько времени тому назад отправлен был к Вашему превосходительству молодой Пушкин. Не имея никаких сведений о его службе и поведении, желательно, особливо в нынешних обстоятельствах, узнать истинное суждение Ваше, милостивый государь мой, о сем юноше. Повинуется ли он теперь внушению от природы чистого сердца или порывам необузданного и вредного воображения»¹¹. Проект этого письма Каподистрии был утверждён Александром I.

Возможно, по истечении года появилась надежда смягчить наказание Пушкину, и у графа Каподистрии нашлись бы иные способы облегчить его судьбу. Однако Каподистрия оказался не всемогущим. В августе 1822 г. он фактически был отправлен в отставку и выехал в Швейцарию.

Между тем, неопределённость положения А.С. Пушкина с течением времени усугублялась. По-прежнему оставалось неясно, на какой срок коллежский секретарь Пушкин был отослан из столицы, какие конкретные служебные обязанности на него возложены, имел ли он право на отпуск и свободу передвижения и при каких условиях мог рассчитывать на возвращение в Петербург.

⁹Пушкин. Полное собрание сочинений в 16 т. Т. 13.С.55.

¹⁰Абрамович А.С. Указ. соч. С. 193.

¹¹Летопись... С. 269-270.

Такая неопределённость растянулась на четыре года: с 1820 г. до 1824 г. За это время Пушкин переехал из Екатеринослава в Кишинёв, а оттуда в Одессу. Ближайшие друзья Пушкина А.И. Тургенев и князь П.А. Вяземский стали добиваться перевода поэта под начальство графа. Так, А.И. Тургенев писал князю Вяземскому: «Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берёт его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиваться»¹².

Можно предположить, что превосходный политик и администратор граф М.С. Воронцов прекрасно осознавал неопределённость положения Пушкина. Именно поэтому уже в марте 1824 г. (то есть еще до пушкинских эпиграмм и злосчастной истории с саранчой) он изложил графу Нессельроде своё мнение о том, что пора не только вернуться к вопросу о судьбе Пушкина, но даже и перевести поэта в другую губернию. Одновременно граф подтверждал благонадёжность молодого человека.

Свидетельством сказанному служат первые слова письма Воронцова к Нессельроде от 28 марта 1824 г.: «Граф! Вашему Сиятельству известны причины, по которым не столь давно молодой Пушкин был сослан с письмом от графа Каподистрии к генералу Инзову. Когда я приехал сюда, генерал Инзов представил его в моё распоряжение, и с тех пор он живёт в Одессе... Никоим образом я не приношу жалоб на Пушкина; справедливость даже требует сказать, что он кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде, но собственные интересы молодого человека, не лишённого дарований..., заставляют меня желать, чтобы он не оставался в Одессе... Удалить его отсюда — значит оказать ему истинную услугу. Возвращение к генералу Инзову не поможет ничему, ибо всё равно он будет тогда в Одессе, но без надзора... да и, наконец, в самом Кишиневе он найдет в боярах и в молодых греках достаточно скверное общество. По всем этим причинам я прошу Ваше сиятельство испросить распоряжений государя по делу Пушкина. Если бы он был перемещён в какую-нибудь другую губернию, он нашел бы

¹²Летопись... С.348.

для себя среду менее опасную и больше досуга для занятий»¹³.

Очевидно, что своим посланием граф напоминал о необходимости завершения дела, начатого ещё графом Каподистрией, а хорошими отзывами об исправлении поэта давал основания для обращения к самому государю, чтобы решить, куда лучше перевести Пушкина. Таким образом, граф Воронцов предпринимал меры для перевода Пушкина с юга России, но, вопреки часто высказываемому мнению, генерал-губернатор отнюдь не порочил поэта, а, напротив, своими положительными отзывами пытался смягчить его положение.

Нередкие в литературе предположения, что добрые слова Воронцова о Пушкине были завуалированной интригой, бездоказательны. При желании граф мог бы открыто обличить Пушкина в нежелании служить, в порочащем поведении и свободомыслии.

Ничего этого сделано не было. Напротив, Воронцов взял на себя смелость судить о характере поэта. Утверждая, что Пушкин «кажется гораздо сдержаннее и умереннее, чем был прежде», граф ставит себя в положение человека, давно знавшего Пушкина, хотя в действительности был знаком с ним всего семь месяцев. Между тем, в Петербург поступали и совершенно противоположные воронцовской характеристики поэта, ставившие под сомнение слова Воронцова.

Можно предположить, что если бы на первое письмо Воронцова в Петербург пришёл скорый ответ, то Пушкин мог бы быть переведён ближе к столице с оставлением его в штате КИД. Однако ответ задерживался, а тем временем было обнаружено пушкинское письмо «об уроках атеизма», на свет появились резкие эпиграммы и прошение поэта об отставке.

Решение из Петербурга пришло в Одессу только к лету, после ещё двух писем М.С. Воронцова относительно Пушкина. В нём говорилось: «Правительство совершенно согласно с Вашими заключениями относительно Пушкина, но, к сожалению, пришли ещё к убеждению, что последний нисколько не отказался от

дурных начал, ознаменовавших первое время его публичной деятельности. Доказательством тому может служить препровождаемое при сем письмо Пушкина, которое обратило внимание московской полиции по толкам, им возбуждённым. По всем этим причинам правительство приняло решение исключить Пушкина из списка чиновников Министерства иностранных дел с объяснением, что мера эта вызвана его дурным поведением, а чтоб не оставить молодого человека вовсе без присмотра и тем не подать ему средств свободно распространять свои губительные начала... правительство повелевает, не ограничиваясь отставкой, выслать Пушкина в имение его родных, в Псковскую губернию, подчинить его там надзору местных властей и приступить к исполнению этого решения немедленно»¹⁴.

Прошение А.С. Пушкина об отставке было неожиданным для Воронцова. 9 июля он писал по этому поводу министру Нессельроде: «Не зная, по справедливости, как поступить с этой просьбой и необходимо ли представить свидетельство о болезни, я посылаю Вам её в частном порядке и настоятельно Вас прошу либо дать ей ход, либо мне возратить в зависимости от того, как Вы рассудите»¹⁵.

Из этого письма следует, что в соответствии с установленными правилами граф был обязан переправить прошение Пушкина его непосредственному начальнику в КИД, что он и сделал. Однако письмо об отставке было послано в частном порядке, и, следовательно, Воронцов всё ещё оставлял возможность не доводить дело до государя и был готов принять любое решение министра. Впрочем, было очевидно, что сам Нессельроде ничего решать не будет. Еще 16 мая 1824 г. (до командировки Пушкина «на саранчу») он прислал М.С. Воронцову предельно ясное письмо: «Я представил императору ваше письмо о Пушкине. Он был вполне удовлетворён тем, как вы судите об этом молодом человеке, и дал мне приказание уведомить вас о том официально. Но что касается того, что окончательно предпринять по отношению к нему, он

¹⁴Тен В. Указ. соч.

¹⁵Летопись...С. 425-426.

¹³Летопись... С. 404-405.

оставил за собою дать своё повеление во время ближайшего моего доклада»¹⁶.

Граф К.В. Нессельроде дал ход прошению Пушкина об отставке. Неизвестно, в какой форме был сделан доклад Нессельроде, чьи письма и донесения он представил императору, но именно этот доклад определил решение государя. Иными словами, если и искать ближайшую и непосредственную причину ссылки Пушкина в Михайловское, то она, конечно, более всего заключается в сути доклада министра графа Нессельроде, нежели чем в личных отношениях А.С. Пушкина и М.С. Воронцова.

Узнав об отставке и предстоящей высылке Пушкина в Михайловское, А.И. Тургенев поделился своими соображениями с П.А. Вяземским: «Граф Воронцов прислал представление об увольнении Пушкина. Желая во что бы то ни стало оставить его при нём, я ездил к Нессельроде, но узнал от него, что это уже невозможно..., что надобно искать другого мецената-начальника»¹⁷.

Т. Лоуренс 1821

В заключение приведем несколько замечаний об одесском начальнике поэта. В советской пушкиниане роли графа Воронцова в жизни Пушкина придавалось настолько предвзятое значение, что большинству людей М.С. Воронцов стал известен только как гонитель и один из самых заклятых врагов поэта, как виновник отставки Пушкина и направления его в Михайловское. В связи с этим графа Воронцова – первого русского генерала раненного при Бородине – даже не упоминали среди героев Отечественной войны.

Началом взаимоотношений Пушкина и Воронцова можно считать конец лета 1823 г., когда они встретились в одесской канцелярии генерал-губернатора. А.С. Пушкин прибыл в Одессу чуть раньше своего будущего начальника и 25 августа 1823 г. писал брату Льву Сергеевичу: «Вот в чём дело: здоровье моё давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем, приезжает Воронцов, принимает меня очень ла-

Одесса

¹⁶Летопись...С.418.

¹⁷Летопись... С. 432-433.

сково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство... Теперь я в Одессе — и всё ещё не могу привыкнуть к европейскому образу жизни — впрочем, я нигде не бываю, кроме как в театре»¹⁸.

Пушкину было дозволено бывать в доме генерал-губернатора, пользоваться его библиотекой, обедать у графа, а также присутствовать на одесских светских собраниях. Следовательно, первоначально обе стороны были вполне довольны друг другом.

Что же изменилось в течение следующего года и почему с конца мая 1824 г. отношения между Воронцовым и Пушкиным стали натянутыми? В советской литературе причину видели только в графе Воронцове, которого обвиняли в притеснении Пушкина и даже в унижительной слежке за поэтом и чтении его писем. Посмотрим, что говорят документы.

13 июня 1824 г. княгиня В.Ф. Вяземская писала мужу из Одессы: «Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, поэте Пушкине. Это совершенно сумасшедшая голова, с которой никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны... никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нём...»¹⁹.

Между тем, граф продолжал покрывать «шалости» поэта и писал о нём в Петербург самыми добрыми словами. Подтверждением этому служат выдержки из личной переписки Воронцова:

1. «... я говорил здесь с людьми, желающими добра Пушкину, и результат тот, что я напишу Нессельроде, чтобы просить перевести Пушкина в другое место»²⁰ (Письмо к П.Д. Киселёву от 27 марта 1824 г.).

2. «...На теперешнее поведение его я жаловаться не могу, и, сколько слышу, он в раз-

говорах гораздо скромнее, нежели был прежде...»²¹ (Письмо к статс-секретарю императрицы Н.М.Лонгинову от 8 апреля 1824 г.)

Воспитанный в Англии, граф отличался необыкновенной пунктуальностью и требовал от подчиненных того же в делах. Нетрудно представить, какую противоположность составлял своему начальнику Пушкин, и каких усилий стоило Воронцову быть чрезвычайно сдержанным и даже доброжелательным в отзывах о поэте.

Обвинители Воронцова обычно говорят о «слежке», которую он установил за Пушкиным, и приводят цитату из письма начальника канцелярии Воронцова А.И. Казначеева (март 1824 г.): «...Граф пишет мне из Крыма, чтобы я тебя просил невидимо присмотреть за пылким молодняком: что где он вредное говорит, с кем водится и какое будет его занятие или проведение времени...» Однако за многоточием в приведенной цитате следует фраза, которую обычно не приводят: «Если что узнаешь, намекни ему деликатно об осторожности и напиши мне о всём обстоятельнее»²².

Таким образом, объективный подход к взаимоотношениям А.С. Пушкина и М.С. Воронцова показывает, что нет никаких оснований считать графа Воронцова врагом поэта и в этой связи приписывать ему самые неблагоприятные мысли и поступки. В течение всего времени пребывания Пушкина в Одессе М.С. Воронцов добросовестно выполнял своё обещание быть его покровителем и сыграл положительную роль в судьбе поэта.

Можно утверждать, что граф М.С. Воронцов стал первым, кто попытался напомнить правительству (в лице министра К. Нессельроде) о затянувшемся пребывании А.С. Пушкина на юге России. Положительными отзывами о поведении поэта Воронцов давал основание для перевода его в другие, более ближние к столицам губернии. К сожалению, у императора было своё мнение, и дело закончилось совсем не предсказуемо: вместо поощрительного перевода и прекращения южной командировки Пушкин оказался в настоящей ссылке в Михайловском.

Список литературы

1. Тен В. Кто решил судьбу Пушкина в 1824 году //Московский журнал, 2004, № 7.
2. Абрамович А.С. К истории конфликта Пушкина с Воронцовым. //Звезда, 1974, № 6, С. 191–199.
3. Гершензон М.О. Образы прошлого. М. 1912.
4. Арш Г.Л. Иоанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение 1809—1822 гг. М. 1976.
5. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799 – 1826. Л.:Наука, 1991.
6. Русский Архив. 1897. № 7.
7. Аринштейн Л..М. К истории высылки Пушкина из Одессы. Легенды и факты. В кн. Пушкин. Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982, С.286–304.
8. Цявловская Т.Г. «Храни меня, мой талисман» // «Прометей». № 10. М, 1974.С.12-84.
9. Пушкин. Полное собрание сочинений (ПСС) В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977—1979. Т. XIII.
10. Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 1. М., 1951.

EXTENDED MISSION OF ALEXANDRE PUSHKIN

Alekseev Vladimir Nikolaevich,
PhD in History, associate Professor
reader, associate professor of
State Humanity-Technological University.
e-mail: inostemma@mail.ru

Abstract

So called «south exile» of A. Pushkin really was an official transfer which had extended to some years. According to documents the count Vorontsov wasn't an irreconcilable enemy of the poet.

Keywords

A. Pushkin, official transfer to Novorossia, his relations of count Mikhail Vorontsov.

¹⁸Пушкин. Полное собрание сочинений (ПСС) В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977—1979. Т. XIII. С. 67.

¹⁹Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. Т. 1. М. 1951. С. 479.

²⁰Летопись ... С. 383.

²¹Летопись... С. 408.

²²Русский Архив. 1897. № 7. С. 493.

УДК 82-98; 7.045; 246.6
ББК 85.12

СИМВОЛИКА И КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО ПОСОХА-ЖЕЗЛА В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛЕМИКЕ XVII-XVIII ВЕКА

Маслова Юлия Валерьевна,
зав. отделом металла и камня
Всероссийского музея декоративно-прикладного
и народного искусства,
ул. Делегатская, д. 3, Москва, Россия, 127473
e-mail: joli-maslova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению роли архиерейского посоха-жезла в полемике старообрядцев с господствующей церковью. Раскрыта символика посоха-жезла в контексте христианской культуры и искусства. На основании полемических сочинений старообрядцев выявлена роль посохов митрополита Петра Московского и епископа Никиты Новгородского как главных аргументов в пользу старой формы посоха.

Ключевые слова

Христианство, символика, церковь, раскол, церковная реформа, полемика, старая вера, старообрядцы, посох, жезл.

Современная историография, касающаяся темы церковной полемики XVII-XVIII вв., обращается, как правило, к таким проблемам, как: двуперстие, изменения в Символе веры, написание имени Христа, двоение или троение аллилуйи, хождение посолонь. Однако круг вопросов, поднятых в ходе полемики между сторонниками и противниками церковных реформ, значительно шире и затрагивает не только «книжную справку» (редакционную правку богослужебных книг и чинопоследований), но и предметы материальной культуры христианской церкви. К одним из таких вопросов относится полемика об изменении в XVII в. формы архиерейского посоха-жезла. Речь идет о жезле с навершием в виде двух змей, впервые появившегося в русской церкви у патриарха Никона.

Защитники старой веры довольно остро отреагировали на изменение формы посоха-жезла. В «Списке писем страдальческих» протопопа Аввакума, которым активно пользовались старообрядческие полемисты в уже начале XVIII в., имеется особая глава «Обличение о посохе со змеинными главами, его же святители в руках своих носят»: «Д[а] он де же, зломудренный Никон, завел в нашей России со единомысленники своими самое худое и небогоу[го]дное дело – вместо жезла святителя Петра чудотворца доспел вновь святительския жезлы с проклятыми змиями погубльшими прадеда нашего Адама и весь мир, ю же сам Господь проклял от всех скотов и от всех зверей земных. И ныне они тую проклятую змию освящают и почитают паче всех скотов и зверей и вносят ея во святилище

Божие, во олтарь и в царския двери, яко некое освящение и всю церковную службу с теми жезлами и с проклятыми змиями соделанными действуют и везде, яко некое драгоценное сокровище, пред лицом своим на оказание всему миру тех змей носители повелевают, ими же образуют потребление православныя веры¹. Понять пафос «обличения» легко, если вспомнить строки из Ветхого Завета: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоём, и будешь есть прах во все дни жизни твоей» (Быт. 3:14). Правда, в творчестве Аввакума есть более мягкая характеристика змея. В толковании на книгу Бытия, когда произошло падение первых людей, протопоп пишет, что дьявол, позавидовав чести и славе Адама, «вниде во змию, лучшего зверя, и оболга Бога ко Адаму». Далее, когда Адам отказался вкушать от древа, змей «прииде ко Евве; ноги у нее были, и крылье было. Хорошой зверь была, красной, докамест не своровала²». Н.К. Гудзий полагает, что подобная трактовка ветхозаветных событий объясняется своеобразием мышления Аввакума, в котором абстрактные сущности и персонажи Библии превращались в конкретно-бытовые³. Как бы там ни было, змеи на посохе, «образующие потребление православной веры», порождали эсхатологические настроения у защитников старой веры.

Чтобы понять, почему посох-жезл стал одним из важных полемических вопросов XVII-XVIII вв., следует обратиться к истории символов в христианском искусстве. А.Н. Овчинников рассматривает посох-жезл с точки зрения предметности символических образов древнейших религий в христианской культуре. Проанализировав сохранившиеся памятники искусства (каменные рельефы, печати, стенные росписи и

т.п.), автор приходит к выводу, что в 3-1 тысячелетиях до н.э. в Египте, Сирии, Ассирии, Вавилоне и других странах Ближнего Востока наряду с изображением Древа жизни существовали его символы в виде цветущей ветви и пастушеского посоха. Постепенно эти символы перешли в Ветхий и Новый завет, получив иное значение. Так, библейское Древо жизни стал символизировать посох-жезл. По замечанию Овчинникова, образ Доброго Пастыря извечно бытовал в культуре Ближнего Востока. Постепенное усложнение символики христианского искусства превращает пастушеский посох в руках Христа в крест, который становится и пастырским жезлом, и Древом жизни одновременно. Дальнейшее развитие символического языка искусства привело к тому, что после Воскресения Христа жезлом символизируется Церковь-Богоматерь, которая «есть пастырский посох Христа, а потому и посох в руках архиерея имеет значение Церкви»⁴.

Христианское искусство тесно связано с библейскими текстами и святоотеческой мыслью. Приведем несколько характерных цитат, выявляющих символизм посоха-жезла. Пророчество Исая о Богоматери гласит: «изыдет жезл из корене Иессеова, и цвет от корене его взыдет: и почиет на нем Дух Божий, Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия» (Ис.11:1-2). Подробностью перечисления ветхозаветных прообразов Божией Матери выделяется «Слово на Рождество Пресвятой Богородицы» Андрея Критского. Среди многочисленных библейских эпитетов Богоматери он называет, в частности, «Иерейский Жезл» и «Царский Скипетр»⁵. В сочинении Иоанна Дамаскина дана развернутая картина ветхозаветного прообраза креста: «Древо жизни, насажденное Богом в раю, предызобразило этот честный крест. Ибо, так как смерть [вошла] через посредство древа, то надлежало, чтоб чрез древо же были дарованы жизнь и воскресение. Первый Иаков, поклонившись на конец жезла Иосифа, посредством образа обозначил крест,

1 Список 1 с писем страдальческих священнопротопопа Аввакума//Памятники старообрядческой письменности. СПб., 2000. – С. 330-331.

2 Аввакум. Из статьи «Списание и собрание о божестве и о твари и како созда бог человека»//Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. — М.: Гослитиздат, 1960. – С. 182.

3 Гудзий Н. К. Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление//Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. — [М.]: Academia, 1934. – С. 42.

4 Овчинников А.Н. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 101.

5 Богородица//Православная энциклопедия. Том V: Бессонов-Бонвеч. М., 2002. С.486-504.

и, благословив своих сыновей переменными руками, он весьма ясно начертал знамение креста. [То же обозначили] жезл Моисеев, крестообразно поразивший море и спасший Израиля, <...> жезл, приобретающий Аарону достоинство священноначалия; змий на древе, вознесенный в виде трофея, как будто бы он был умерщвлен, когда древо исцеляло тех, которые с верой смотрели на мертвого врага, подобно тому, как и Христос плотию, не знавшей греха, был пригвожден за грех»⁶.

Творения Андрея Критского и Иоанна Дамаскина входили в обязательный круг чтения образованного древнерусского человека, к каковому, несомненно, относились первые вожди староверия. Однако церковным реформаторам нужно было обоснование проводимых ими преобразований, в том числе, подкрепляемое авторитетом современной им греческой церкви. В сборнике «Скрижаль» (1655 г.), составленном переводчиком и «справщиком» книг Арсением Греком по благословию патриарха Никона, находим главу 34 «Что знаменует жезл, его же держит архиерей». В ней приводятся примеры из ветхозаветных событий, связанных с жезлом: «Зане жезл моисеев, честный крест предзнаменоваше. Жезл моисеев бысть змий, и пояде жезлы волхвов, яже имяше фараон. Подобие и честный крест сокруши силу демонов. Но и даже до днесь сокрушает. Жезл моисеев раздели чермное море, и преидоша евреи невредимы из рук фараоновых. Подобие и честный крест раздра злый грех, и преведе души человеческия невредимы от действий диавольских. <...> Но и праведный иаков жезлом своим пройде иордан реку, якоже и сам глаголет. Жезлом бо моим сим, пройдох иордан. Обачеже вся сия быша да веруем мы, яко и болшая может сила крестная творити, именем Христа, иже распяты на нем. Сия есть вера нас христиан»⁷. При сравнении с классическим текстом догматического богословия Иоанна Дамаскина видим, что в «Скрижали» делается больший акцент на жезле пророка и законодателя Моисея, послужившем прообра-

зом креста, и не упоминается процветший жезл Аарона, который не только явился подтверждением его права священнодействовать, но и символом Богоматери.

Весь вышеприведенный символический ряд, основывающийся на библейских текстах и памятниках искусства, показывает, что полемика вокруг жезла-посоха была не просто спором о материальном символе архиерейской власти, но носила богословский характер. Форма жезла-посоха имела не только художественно-эстетическое, но и онтологическое значение для церкви, которую она символизировала. Наряду с этим посох-жезл служил и наглядным выражением степени священноначалия. «Двоерогий» посох мог быть принадлежностью как священника, так и архиерея, в то время как посох «с яблоками», т.е. с шарообразным навершием, являлся исключительно привилегией архиерея. В Житии протопopa Аввакума есть упоминание о некоем дьяке архиерейского дома Иване Струне, который «ушел к воеводам в приказ и сказал “слово и дело государево” на меня»⁸. По замечанию комментатора Жития Н.К. Гудзия, поводом для челобитной дьяка послужили не только «неистовые слова» протопopa. Струна обвинял протопopa в присвоении себе архиерейского посоха: «на того протопopa Аввакума извещал, что он, Аввакум, ходит с посохом, а посох де с яблоки вызолочен, а на рогах оправлено серебром и про иные его Аввакумовы бесчинства»⁹. Самовольное присвоение архиерейского посоха было демонстрацией протеста ссыльного Аввакума: он забирает власть от недостойных иерархов, присвоив себе посох «с яблоками». В беседе об Аврааме Аввакум пересказывает свое видение антихриста: «Я подперся посохом двоерогим своим, протопоповским, стал бодро: ано ведут ко мне два в ризах белых нагова человека, – плоть та у него вся смрад и зело дурна, огнем дышит, изо рта, из ноздрей и из ушей пламя смрадное исходит. За ним царь наш последует и власти со множеством народа. Егда ко мне при-

8 Житие протопopa Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [М.]: Academia, 1934. – С. 85

9 Гудзий Н. К. Комментарий // Житие протопopa Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. [М.]: Academia, 1934. – С. 396-397.

6 Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М., 1998. – С. 216.

7 Скрижаль. Акты соборов 1654,1655,1656 годов. СПб., 2013. – С. 290-291.

вели его, я на него закричал и посохом хощу его бить. Он же мне отвечал: “что ты, протопоп, на меня кричишь? Я нехотящих не могу обладать, но волею последующих ми, сих во области держу”¹⁰. Выражение «посохом хощу его бить» не следует понимать только буквально. Видение могло выражать и то, что Аввакум проявил готовность использовать духовную власть священника. Посох как символ священной власти появляется в текстах как старообрядцев, так и церковных реформаторов, тщательно разрабатывавших эту тему в своих сочинениях, о чем будет сказано ниже.

В XVIII в. старообрядческие полемисты стали высказываться о посохе-жезде со змеями сдержаннее, чем в XVII-ом, акценты спора смещаются в пользу исторических свидетельств. Защитники старой веры апеллируют к посохам святителей, предшественников Никона, как безусловным доказательствам истинности прежней формы, освященной авторитетом русских святых. Изучение символики и культурной значимости архиерейского посоха-жезла представляет двойной интерес в связи с тем, что исторические артефакты, к которым апеллируют староверы, сохранились в российских музеях и могут служить наглядными аргументами.

В полемическом сочинении старообрядцев, «Керженские» или «Дьяконовы ответы» (1719 г.), приписываемом дьякону Александру Керженскому, в статье 115¹¹ автор апеллирует к авторитету святителей и чудотворцев Петра Московского и Никиты Новгородского. В более позднем полемическом сочинении «Поморские ответы» (1723 г.), приписываемом Андрею Денисову, выделена глава «О жезле архиерейском». В ней приводится сравнение жезлов-посохов старорусского и нового, пореформенного образца, и практически повторяются аргументы «Дьяконовых ответов». Авторы сочинения указывают, что жезлы «древлероссийских» архиереев «змиевых глав на себе не имущи». В качестве примера приводятся также жезлы митро-

10 Аввакум. Из беседы восьмой. [Об Аврааме] // Житие протопopa Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. – С. 143.

11 Для удобства номера глав и страницы, обозначенные в книге церковнославянскими буквами, даются арабскими цифрами.

полита Петра и епископа Никиты. В главе указано на видоизменение формы старинного жезла, ручки которого имеют завершение в виде якоря. Заметим, что посох, напоминающий якорь, органично вписывается в традиционную христианскую символику Церкви-корабля:

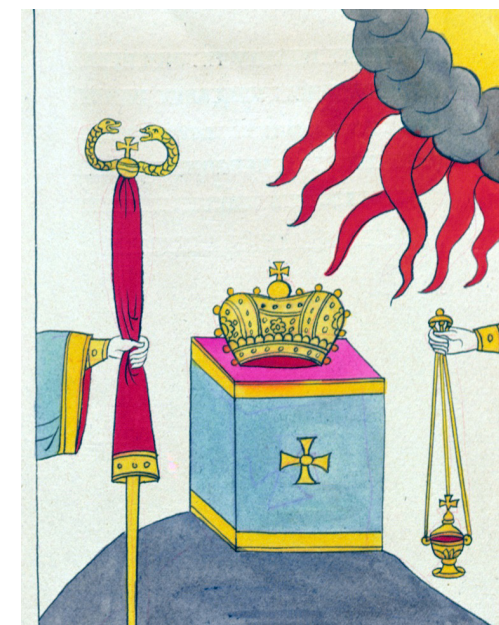

Рис.1. Богослужебные предметы и архиерейские облачения старообрядческие и никонианские.
НИОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е.Е.Егорова)
№ 1670. Листы 25 и 40

«Дьяконовы ответы»	«Поморские ответы»
<p>Статья 115 Премениение жезла архиерейского: егоже жревному священни архиереи, и святитель и чудотворец Петр держаша, на его же версе крюки яко якоря явствова: вместо же онаго ново-предан жезл архиереом со змиями держати, яков в книзе Жезле изображен явствуется. Утверждается же древлецерковное жезла архиерейского содержание: в книзе Симеона блаженнаго архиепископа Солунскаго, от главы 80. Жезл егоже держит, власть знаменует духа, и утвердительное народа и пастырственное, и водити мощи, и наказати не послушных, [и образ] к себе дальних. Темже и крюки якоже якори верху имеет, и еже изгоняти зверных и губительных. И последовно крест Христов знаменует и победоносное, в нем же и побеждаем, и утверждаем, и вождествуем, и паствимся, и печатлеем, и научаемся, и влечемся ко Христу, страсти умерщвляюще, и супостатов изгоняем, и отвсюду сохраняем.</p> <p>Но и Никиты епископа новгородскаго чудотворца жезл, иже у раки его, не со змиями есть: но подобен древних архиерейских жезлов явствует. О жезле архиерейском</p>	<p>О жезле архиерейском Премениение жезла архиерейского, его же обычно держаша вси древлероссийстии архиереи, на версе крюки яко якоря имеюща: в место же сего от Никона патриарха, преданы жезлы со змиями архиереом держати. Но древлероссийских святых архиереов, жезлы явственно свидетельствуют, змиевых глав на себе не имуще. Яко же великаго чудотворца, Петра митрополита жезл. На версе крюки яко якори имеет, змиевых же глав не имеет. Тако и Никиты епископа новгородскаго чудотворца жезл, иже у раки его, кроме змиевых глав есть, и во всем подобен древлем бывшим жезлом архиерейским. Еще же святый Симеон Фессалоникийский, в книзе своей в главе 80-й, глаголет: И жезл его же держит, власть знаменует духа, и утвердительное народа, и пастырственное, и водити мощи, и наказати непослушных, и обращати к себе дальних. Тем же и крюки яко же якори верху имеет, и еже изгоняти зверных и губительных, и последовно крест Христов знаменует, и победоносное, в нем же и побеждаем и утверждаем, и вождествуем, и паствимся, и печатлеем, и научаемся, и влечемся ко Христу, страсти умерщвляюще, и супостатов изгоняем, и отвсюду сохраняем. До зде святый. По вышеобъявленному обычаю и свидетельством святых: жезлы со змиевыми главами, не согласно древлецерковному святых обычаю являются.</p>

При сравнительном изучении двух известных полемических сочинений XVIII в. видим, что более позднее по времени сочинение указывает на патриарха Никона как основного виновника изменения формы жезла. Встает также закономерный вопрос: почему в качестве доказательства истинности старой формы архиерейского жезла старообрядцами выбраны посохи именно митрополита Петра Московского и епископа Никиты Новгородского? Посох святителя Петра относится к весомым артефактам церковной полемики в силу исторической значимости иерарха в судьбах Руси-России. Он перенес ми-

трополичью кафедру из Владимира в Москву, начал строительство Успенского собора Кремля, предсказал возвышение Москвы. После смерти святителя Петра князь Иван Данилович добился от Константинополя его канонизации. Так Петр стал первым святым митрополитом московским и всея Руси чудотворцем. Обладание его посохом являлось важным элементом легитимации очередного предстоятеля церкви. Впервые посох митрополита Петра был вручен царем Федором Иоанновичем при интронизации первого патриарха московского Иова. Традиция вручать новому патриарху посох митрополита Петра, храня-

щийся в Оружейной палате Музеев Московского Кремля, существует и в наши дни.

Рис.2. Навершие посоха митрополита Петра Московского. XIV в. Дерево, серебро, резьба, золочение. Собрание Музеев Московского Кремля.

Однако вопрос с посохом епископа Никиты не так очевиден, как с посохом Петра. В капитальном труде Ф.Г. Солнцева «Древности Российского государства» данному артефакту уделена целая глава «Посох св. епископа Никиты и святительская панагия». Автор замечает, что посох относится к XI столетию, тогда как резные изображения на посохе святителя Петра и преподобного Сергия нужно отнести к XIV в., времени их канонизации, что противоречит датировке посоха Никиты. Солнцев выдвинул предположение, что резные украшения посоха могли сделать новгородские владыки Евфимий и Макарий¹², жившие, соответственно, в XV и XVI вв. Косвенным доказательством истинности предположения Солнцева может служить факт открытия мощей епископа Никиты в 1550 г. при митрополите Макарии. Солнцев отметил, что облачение новгородского епископа сохранилось нетленным. Близость по времени событий церковного раскола и обретения мощей епископа Никиты, а также авторитет митрополита Макария, принявшего деятельное участие в канонизации русских святых, составлении Четых-Миней и организации Стоглавого собора, к решениям которого прибегали старообрядцы

12 Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. Отделение I. Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного. М., 1849. – С. 158.

при защите двуперстия и других «старин», – все это могло повлиять на выбор посоха Никиты в качестве весомого аргумента староверов в споре с реформаторами.

Рис.3. Посох епископа Никиты Новгородского. XVI вв. Дерево, резьба, кость. Собрание Новгородского государственного объединенного музея-заповедника.

В той же главе Ф.Г. Солнцев указывает: «принимая в соображение внешнюю форму, знаменование и употребление посохов, кстати заметим, что такой посох, жезл, иногда называемый патерицею, составлял знамение и отличие Святителей, как пастырей словесного стада Христова. В древности он имел подобие буквы Т, так, как и Новгородский св. Никиты, иногда с крестом, нередко полумесяц, то вверх, то вниз обращенный. <...> С Никона Патриарха появляются жезлы с двумя змиями на поперечине, напоминающие нам превращение жезла Мои-

сеева в змию»¹³. Из цитаты Солнцева несколько непонятно, почему ветхозаветный жезл Моисея, превратившийся в змею, на жезле патриарха Никона стал изображаться с двумя, а не одной змеей, что было бы логичнее. Для разрешения этого противоречия обратимся к Еврейской энциклопедии Брокгауза и Ефрона. В статье «Дракон» Л. Каценельсон указывает, что еврейское слово «Tanin» при переводе Библии может переводиться и как «дракон», и как «змея». Это же слово применяется к обозначению больших рыб и морских чудовищ. «Чаще всего именем “Tanin” обозначается египетский крокодил (*crocodilus niloticus*), иначе называемый Левиафаном. В виде поэтической метафоры пророки часто обозначают самого фараона именем “Tanin”»¹⁴. Если принять во внимание, что египетский бог Себек, изображавшийся с головой крокодила, считался покровителем фараонов, то гипотеза о превращении жезла Моисея не в змею, а в крокодила, пожравшего жезлы египетских волхвов, выдвигаемый некоторыми библеистами, выглядит куда правдоподобнее. Таким образом фараону давалось понять, что он будет иметь дело не с пророком, а с самим Богом. Мы позволили себе столь подробный лингвистический экскурс, чтобы показать несостоятельность толкования символики жезла с двумя змеями именно как прообраза жезла Моисея. Столь же необоснованным выглядит трактовка символики в Богословской энциклопедии А.П. Лопухина: «С течением времени под влиянием стремления и желания наглядным образом выразить мысль о мудрости архиерейского управления паствою рукоятка епископского жезла была превращена в двух змей, обращенных друг к другу»¹⁵.

Символике архиерейского жезла посвящена статья К.А. Щедриной в Ставрографическом

сборнике¹⁶. Автор справедливо замечает, что до реформы патриарха Никона на вершине русских архиерейских посохов традиционно представляли собой два отрога, изогнутых книзу. Однако далее она сразу переходит к наверхию со змеями, не давая объяснений символики дореформенных посохов¹⁷. Автор указывает, что посохи со змеями можно было увидеть на привозных греческих посохах XVII в. Перебирая типы крестов (афонские, эфиопские, армянские), К.А. Щедрина упоминает змеевидный жезл бога Гермеса кадуцей как возможный прототип архиерейского жезла со змеями¹⁸. Посох Гермеса как символ всеведения и мудрости, с наибольшей вероятностью, и мог стать прототипом посоха-жезла со змеями, введенным в богослужебную практику патриархом Никоном.

Рис.4. Неизвестный художник. Патриарх Никон. 1750-е гг. Холст, масло. Собрание ГИМ.

16 Щедрина К.А. Две змеи на архиерейском посохе XVII века: заметки о происхождении и символике // Ставрографический сборник. Книга III: Крест как личная святыня. Сб. статей. М.: Изд-во Московской Патриархии; Изд-во «Древлехранилище», 2005. С. 315-326.

17 Там же. С. 315.

18 Щедрина К.А. Две змеи на архиерейском посохе XVII века... С. 324-325.

Однако сам патриарх Никон при интронизации стал обладателем посоха святителя Петра, который он не оставлял вплоть до ссылки в Ферапонтов монастырь. В этом монастыре печерский архимандрит Иосиф снял с Никона архиерейскую мантию и взял посох, отправив их в Москву. Важно подчеркнуть, что произошло это в 1666 г. 21 декабря по старому стилю на память святителя Петра. Отобрать посох именно в этот день было знаковым действием власти, вдвойне унижительным для патриарха. Вернуть посох Петра в Москву удалось не сразу. Никон, уезжая из столицы в 1658 г., добровольно оставил посох. Но в феврале 1664 г. он внезапно вернулся «ником зовом» и взял его назад из Успенского собора. При этом он передал царю письмо, в котором говорилось о видении Никону святителя Петра. Последний, якобы, показал патриарху хартию, подписанную церковными иерархами, в которой говорилось о возвращении Никона на престол. Несмотря на это, царь повелел Никону вернуться в Воскресенский монастырь. Патриарх, уезжая, взял с собой посох Петра – символ патриаршей власти, демонстрируя этим свое несогласие с царским приказом. На призыв бояр оставить посох в соборе Никон парировал: «Отнимите де у меня его сильно»¹⁹. Все вышесказанное служит доказательством того, насколько важным артефактом был посох митрополита Петра для сознания человека Московской Руси и споров в ходе религиозной полемики XVII – XVIII вв. Патриарх Никон не хотел выпускать из рук посох-жезл как символ власти. Добровольная передача его в другие руки означала отказ от этой власти.

Одним из подробных толкований символа посоха-жезла как символа власти стала книга «Жезл правления» Симеона Полоцкого, вышедшая на Московском Печатном дворе в 1667 г. Примечательно, что она упоминается в «Дьяконовых ответах». Книга открывается изображением жезла с наверхием в виде двух змей и подробным толкованием его символики. На титульном листе изображен жезл с двумя змеями, головами обращенными друг к другу. В

19 Цит. по: Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 219.

центре, между их головами – царская держава с крестом вверху. Стержень жезла разделен на равные части сферами (яблоками?), в каждую из которых вписана буква (сверху – вниз): «п», «у», «н», «к». Под жезлом идет расшифровка. «Правления» – на правительство мысленного стада православнороссийския церкви. «Утвержения» – во утвержение колеблющихся в вере. «Наказания» – в наказание непокоривых овец. «Казнения» – на поражение жестоковых и хищных волков, на стадо христово нападающих²⁰. Выше мы указали, что протопоп Аввакум, присвоивший посох архиерея, фактически обвинялся в присвоении архиерейской власти, символизируемой посохом «с яблоками». Именно аспект духовной власти посоха-жезла и стал вероятной причиной того, что в полемической литературе старообрядчества с потерей высшего звена трехчинной церковной иерархии (епископа) снимается полемический вопрос о форме жезла. В дальнейших полемических сочинениях сторонников старой веры данный вопрос уже не поднимался.

Рис.5. Титульный лист из книги Симеона Полоцкого «Жезл правления». М., 1667.

20 Симеон Полоцкий. Жезл правления. М., 1753.

13 Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. Отделение I. Св. иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного. М., 1849. – С. 159.

14 Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. СПб.: Об-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон. [1910]. Т. VII. Данциг-Ибн-Эзра, Иуда. – С.320.

15 Православная богословская энциклопедия. Под ред. А.П. Лопухина. Пг., 1904. – Т.V. Донская епархия-Ифика. – С. 548.

SYMBOLISM AND THE CULTURAL SIGNIFICANCE OF THE BISHOP'S STAFF-ROD OF CONTROVERSY IN THE CHURCH OF THE XVII-XVIII CENTURY

Julia V. Maslova,
head. Department of metal and stone
All-Russian Museum of decorative-applied and folk art,
Delegatskaya str., 3, Moscow, Russia, 127473
e-mail: joli-maslova@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the role of the Bishop's staff-rod in the controversy of the Old Believers with the dominant Church. Discloses the symbolism of the staff-rod in the context of the Christian culture and art. On the basis of the polemical writings of Old Believers the role of the staff of Metropolitan Peter of Moscow and the Bishop Nikita of Novgorod as the main arguments in favor of the old forms staff.

Keywords

Christianity, symbolism, Church, schism, Church reform, the polemic, the Old Belief, the Old Believers, a staff, a rod.

УДК 93/94
ББК 63; 79

КОЛЛЕКЦИЯ КНИГ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ А. К. ТАРАСЕНКОВА В МУЗЕЕ КНИГИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ

Пархоменко Татьяна Александровна,
доктор исторических наук,
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва,
руководитель Центра культурного взаимодействия
государства, религии и общества
Берсеневская набережная, д. 20, г. Москва, Россия, 119072,
e-mail: ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация

Автор исследует книжную коллекцию библиофила А.К. Тарасенкова, включающую литературные издания русской эмиграции первой половины XX в.: ее происхождение, численность, состав, тематику, места публикации, имена авторов, судьбу.

Ключевые слова

История, культура, Россия, эмиграция, русское зарубежье, книжная коллекция, культурное наследие.

Культура русского зарубежья является одним из магистральных направлений гуманитарных исследований. «Народ, страна, государство имеет нравственное право на существование только, если у него есть своя культура, которая обогащает мир и человечество», – писал про-русскую культуру академик Д.С. Лихачёв, отмечая при этом, что она включает не только «материковую культуру» собственно России, но и «островную культуру» русского зарубежья, которая «успешно конкурировала с материковой культурой» и создала богатое культурное наследие¹. Прежде всего литературное наследие, хранящееся в различных архивах, библиотеках, музеях России и мира, в том числе в Российской государственной библиотеке, одним

из интереснейших собраний которой является «Коллекция книг А.К. Тарасенкова, изданных в русском зарубежье».

Анатолий Кузьмич Тарасенков (1904–1956) был офицером, цензором, литературным критиком и литературоведом, страстным библиофилом и любителем поэзии, собравшим большую и во многом уникальную книжную коллекцию русских поэтических сочинений первой половины XX в. Немалая ее часть была подарена Тарасенкову самими авторами книг, оставивших на их фронтисписах яркие и запоминающиеся автографы. Так, С. В. Михалков 7 января 1946 г. написал Тарасенкову: «Нет! Ты камень – на тропе! Нет! Ты – критик в ССП», подразумевая Союз советских писателей, а семь месяцев спустя он оставил другое посвящение: «Критику Анатолию Тарасенкову не для разгрома, а для

¹ Русская культура вне границ. Информационно-аналитический сборник. Вып. 3. М.: РГБ, 1996. С. 3, 80.

легкого чтения»². Параллельно формированию коллекции Тарасенков составлял библиографию русского поэтического творчества, которая была издана спустя десять лет после его смерти³.

Вначале 1970-х гг. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина приобрела основной массив книжного собрания А.К. Тарасенкова, в том числе коллекцию книг (прозы и стихотворений), изданных в эмиграции. Она насчитывала 190 изданий – от сочинений Георгия Адамовича до сборников Саши Черного, которые сразу же были закрыты в спецхране Отдела литературы русского зарубежья данной библиотеки. Лишь крах СССР и последовавшая за ним ликвидация спецхранов позволили открыть и сделать доступным эмигрантскую коллекцию Тарасенкова, попавшую после расформирования Отдела литературы русского зарубежья сначала в Отдел иностранного комплектования, а затем в Музей книги Отдела редких книг.

Книги, собранные Тарасенковым, были изданы в двадцати пяти городах Европы, Азии, Австралии, Северной и Южной Америки. Одни из издательств принадлежали русским эмигрантам и находились в крупных центрах зарубежной России – Берлине, Белграде, Париже, Праге, Софии, Харбине, Шанхае, Нью-Йорке; другие являлись собственностью иностранцев и располагались в местах пребывания малых русских диаспор – Амстердаме, Брюсселе, Буэнос-Айресе, Вене, Гельсингфорсе, Лейпциге, Стокгольме и др. городах. Не все авторы заграничных русских книг были эмигрантами; некоторые из них жили в Советской России и просто публиковались в иностранных издательствах, например, М. Волошин, Н. Гумилев, С. Есенин, В. Маяковский, Б. Пастернак. Тем не менее, авторство большинства книг коллекции Тарасенкова принадлежало эмигрантам, в т. ч. таким известным, как К. Бальмонт, А. Белый, И. Бунин, Д. Бурлюк, И. Северянин, М. Цветаева.

2 Автографы советских поэтов из коллекции А.К. Тарасенкова: Каталог / Государственная б-ка СССР им. В.И. Ленина, Музей книги; сост. и вступ. ст.: Е.И. Яцунок. М.: ГБИ, 1981. С. 49.

3 Тарасенков А.К. Русские поэты XX века. 1900–1955. Библиография. М.: Советский писатель. 1966.

Все литературные издания зарубежного собрания А.К. Тарасенкова охватывают период с 1914 по 1946 гг. – один из сложнейших и трагических периодов русской истории, включающий революцию и гражданскую смуту, две мировые войны и масштабную эмиграцию. Не случайно многие книги имеют печальные заглавия: «На паперти дорог» Л. Гребнева, «Горечь» В. Кобякова, «В никуда» А. Кусикова, «По следам бездомных» Б. Новосадова, «Стихи об утерянном» Г. Росимоваили «Горний путь» В. Сирина (Набокова), который в 1920 г. написал «Панихиду» по России и громко заявил: «Корчится черная Русь! / Обойдемся и так, – без Руси!»⁴ Для многих русских людей эмигрантство превратилось в «рыдающее изгнание», когда «в пустой душе звенит не умолкая, / Надрывный голос пережитых бед»⁵. Они ощущали себя «гостями странными везде, / Чужими – среди различных станов / И не любимыми нигде...»⁶; и былые только «у времени в плену», но и во враждебном мире, где «ни Бога, ни счастья, ни вечности нет»⁷.

Практически на всем поэтическом творчестве русской эмиграции т.н. первой волны лежала печать подавленности и депрессии: «За все, за все спасибо. За войну, / За революцию и за изгнание, / За равнодушно-светлую страну, / Где мы теперь “влачим существование”», – писал Г. Адамович⁸. Так же чувствовал и А. Тыкоцкий, считавший, что «путь наш размыт ненастным дождем... / И пусто на шаре земном... / О том, что минуло, – скорбеть ли напрасно? / Свирепый все снес ураган...»⁹. В свою очередь, А. Формак в стихотворении «Без Родины» восклицал: «Я убиваюсь, ибо я потерял Родину, / Я потерял Родину, слышите ли вы!», поясняя, что он «весь – предчувствие васильковых встреч: / Только б к сроку не утратить веры, / Только б сердце любящим сберечь!», ибо «С каждым го-

4 Сирин Вл. Горний путь. Берлин: Грани, 1923. С. 73.

5 Галахов В. Враждебный мир. Стихи 1920–1932. Гельсингфорс: Либрис, 1933. С. 27.

6 Терапиано Ю. На ветру. Париж: Современные записки, 1938. С. 11–12.

7 Галахов В. Враждебный мир. Стихи 1920–1932. Гельсингфорс: Либрис, 1933. С. 3.

8 Адамович Г. На Западе. Париж: б. и., 1939. С. 18, 50.

9 Тыкоцкий А. На распутье. Лирика. Берлин: Книгоиздательство писателей, 1923. С. 36.

дом примиренной тризна, / Ожиданья – с каждым днем печальней»¹⁰.

В ситуации, когда, казалось, «растеряны все пути и мечты», царская Россия стала восприниматься частью русской эмиграции как райская страна, где, по словам И. Северянина, «и убогое богато», и где не только «земли неземные», но и «разбойники святы»¹¹. Ностальгия, сочетавшая тоску по родине с тоской по светлому прошлому, породила в душах соотечественников образ идеальной России – богатой, сильной, свободной, страны-мечты без войн и страданий, и этот образ процветающей родины вопреки реальному положению дел долгие годы служил им опорой и надеждой. В. Сирин одно из своих стихотворений, посвященных родине, так и назвал – «Белый рай»: «Рай – широкая пустая / Оснеженная страна: / Призрак неба голубого, / Тишь и белизна», добавляя с надеждой – «Там блаженствовать я буду...»¹². В другом стихотворении – «Россия» – поэт утверждал: «Ты – в сердце, Россия! Ты – цель и подножие, / Ты – в ропоте крови, в смятенье мечты! / И мне ли плутать в этот век бездорожия? / Мне светишь по-прежнему ты...»¹³

10 Формак А. Вечера прошлого. Стихи. Рига: Пресса, 1925. С. 40, 50.

11 Северянин И. Поэзы и прозы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 282, 289.

12 Сирин В. Горний путь. Берлин: Грани, 1923. С. 161.

13 Сирин В. Горний путь. Берлин: Грани, 1923. С. 60.

Но если одним было вполне достаточно нести Россию в своем сердце, то другим этого явно не хватало, и они мечтали вернуться на родину – советскую, сталинскую, – все равно, главное – Родину. Так, Я. Тарле писал из Нью-Йорка: «Исстрадав все мечты по дорогам, / Где мраком скрыта заря, / Дай к твоим мне прикинуть порогам, / К розам красным Октября»¹⁴. А шанхаец В. Тюрин, говоривший, что «ныне сердце стынет / и счастья нет, и цели жизни нет, / и силы нет остаться на чужбине», спрашивал: «Простит ли мне Россия окаянство, / простишь ли ты меня, родная мать? / Быть может, я не получу гражданства / и не простите? / Заживу опять, / сегодня и всегда мечтой одной / как послужить моей стране родной»¹⁵.

В общей сложности, как видно из всего вышесказанного, коллекция книг зарубежной России А.К. Тарасенкова, воссоздающая яркий и многогранный поэтический образ русской эмиграции, является не только ценным литературным памятником первой половины XX в., но и важной частью отечественного культурного наследия, ныне бережно хранящегося в Музее книги Российской государственной библиотеки.

14 Тарле Я. Пионы меж небоскребов. Стихотворения. N.-Y.; Chicago: Spartakus publishing house, 1929. С. 33.

15 Тюрин В. О Сталине, о Родине, о нас. Стихи. Шанхай: Изд-во газеты «Вечерний Шанхай», 1944. С. 10–11.

Список литературы

1. Адамович Г. На Западе. Париж: б. и., 1939. – 62 с.
2. Автографы советских поэтов из коллекции А.К. Тарасенкова: Каталог; сост. и вступ. ст.: Е.И. Яцунок. М.: ГБИ, 1981.–79 с.
3. Галахов В. Враждебный мир. Стихи 1920–1932. Гельсингфорс: Либрис, 1933. – 56 с.
4. Русская культура вне границ. Информационно-аналитический сборник. Вып. 3. М.: РГБ, 1996. – 88 с.
5. Северянин И. Поэзы и прозы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 655 с.
6. Сирин В. Горний путь. Берлин: Грани, 1923. – 180 с.

7. Тарасенков А.К. Русские поэты XX века. 1900–1955. Библиография. М.: Советский писатель. 1966. – 486 с.
8. Тарле Я. Пионы меж небоскребов. Стихотворения. N.-Y.; Chicago: Spartakus publishing house, 1929.– 99 с.
9. Терапиано Ю. На ветру. Париж: Современные записки, 1938. – 60 с.
10. Тыкоцкий А. На распутьи. Лирика. Берлин: Книгоиздательство писателей, 1923. – 51 с.
11. Тюрин В. О Сталине, о Родине, о нас. Стихи. Шанхай: «Вечерний Шанхай», 1944. – 54 с.
12. Формачков А. Вечера прошлого. Стихи. Рига: Пресса, 1925. – 56 с.

ANATOLY K. TARASENKOV'S COLLECTION
OF BOOKS PUBLISHED
BY THE RUSSIAN DIASPORA AT THE MUSEUM OF THE
RUSSIAN STATE LIBRARY

Parkhomenko Tatiana Aleksandrovna,
DSc in History, The Russian Institute of Cultural and Natural Heritage by named D.S.
Likhachev. Head of the centre,
Bersenevskaya naberezhnaya, 20, Moscow, Russia, 119072
e-mail: ParchomenkoT@yandex.ru

Abstract

The article explores the book collection made by bibliophile Anatoly K. Tarasenkov, which includes literary editions of the Russian emigration of the first half of XX century: their origin, quantity, composition, subject, place of publication, authors' names, fate.

Keywords

History, culture, Russia, emigration, Russian Diaspora, book collection, cultural heritage.

УДК 001.891.32
ББК 83

ГИПОТЕТИЧЕСКИЙ АВТОР
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Д. С. ЛИХАЧЕВА
И НОВЕЙШИЕ НОМИНАНТЫ НА ЭТУ РОЛЬ

Горлова Ирина Ивановна,
доктор философских наук, профессор,
директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, офис 28, г. Краснодар, Россия, 350063,
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Чумаченко Виктор Кириллович,
кандидат филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
ул. Красная, 28, офис 28, г. Краснодар, Россия, 350063
e-mail: vchum@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируется точка зрения академика Д. С. Лихачева на проблему авторства «Слова о полку Игореве», версии, выдвигавшиеся в прошлом, а также концепции современных исследователей.

Ключевые слова

Д. С. Лихачев, «Слово о полку Игореве», рецензия, обзор литературы, проблема авторства.

Свою статью мы хотели бы начать с небольшого библиографического экскурса. О гениальном произведении Древней Руси «Слово о полку Игореве» создана большая научная литература, о чем свидетельствуют посвященные ему библиографические справочники, первые из которых вышли еще до Великой Отечественной войны¹. Самый полный, составленный при-

знанным специалистом в этом вопросе Л. А. Дмитриевым, издан в 1955 году² и, конечно же, устарел, так как за прошедшие 60 лет количество публикаций на эту тему удвоилось, благодаря нескольким юбилейным мероприятиям всесоюзного и всероссийского масштаба, а также ряду академических дискуссий, отголо-

¹ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. М.; Л., 1940; Данилова О. В., Поплавская Е. Д., Романченко И. С. «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. М., 1940.

² Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований 1938–1954. М.; Л., 1955.

ски которых можно обнаружить даже в региональной печати и коллективных монографиях³.

Более того, параллельно с научными публикациями в означенное время выходили художественные произведения, интерпретирующие «Слово» с эмоциональных, лирических позиций, типичным образчиком которых стал роман-эссе Владимира Чивилихина «Память» (1984 г.), вызвавший много споров и давший импульс для ведущихся до сих пор разговоров «о бесценном вкладе» в «слововедение» так называемых «неученых». В последние десятилетия также увидели свет всевозможные «литературные детективы» и беллетризованные расследования, которые, как правило, подвергаются справедливой критике. Наконец, за последние годы выстроилась целая библиотечка, которую составили сочинения, написанные их авторами, по меткому замечанию остряков, лишь для того, чтобы о себе отметить в знаковой для отечественного литературоведения теме.

Отчасти возникший библиографический пробел восполняют три энциклопедических издания более позднего времени: словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (1965)⁴, первый выпуск «Словаря книжников и книжности Древней Руси» (1987)⁵ и пятитомная «Энциклопедия «Слова о полку Игореве»» (1995)⁶. У всех названных изданий есть один общий недостаток: они неполно отражают деятельность академика Д. С. Лихачева как ведущего и самого авторитетного исследователя «Слова о полку Игореве». Названные выше самые ранние библиографические издания 1940-х – первой половины 1950-х годов не могли этого сделать по объективным причинам: бывший узник ГУЛАГа в 1945 г. только заявил о себе как исследователь «Слова», и основные его труды на эту тему были

впереди. Справочники 1960-х – 1990-х годов в силу своей жанровой специфики не ставили и не могли ставить перед собой задачи, которые находятся в компетенции библиографов. Причем, издание полного персонального библиографического указателя Д.С. Лихачева проблему не решит, так как в академической науке большое значение имеет контекст, в котором творил ученый, и те гравитационные волны в литературоведении и книговедении, которые порождает каждая новая работа Дмитрия Сергеевича.

Таким образом, задача создания академического библиографического справочника, посвященного научным исследованиям, интерпретациям и переводам «Слова о полку Игореве», остается в науке актуальной. И решать ее предстоит совместными усилиями российских, украинских и белорусских ученых, так как три восточноевропейских братских народа по-прежнему ведут отсчет существования своих национальных литератур от этого общего источника, который по-прежнему, несмотря ни на что, духовно, культурно, ментально, художественно и эстетически нас объединяет. Этот будущий справочник должен адекватно отразить титанический труд академика Лихачева и созданной им литературоведческой школы по изучению «Слова», заложенный ею потенциал для новых поколений исследователей.

Д.С. Лихачев в своих капитальных трудах рассмотрел практически весь комплекс проблем, связанных с изучением «Слова» - от вопроса о подлинности произведения до обоснования своей версии его авторства⁷. Как оказалось, на практике эти две задачи взаимосвязаны, ибо те, кто признает подлинность, ищут соответственно предполагаемых авторов в XII столетии, а скептики - «растекашеся мыслию по древу» на пространстве шести веков, вплоть до конца века XVIII. Дмитрий Сергеевич никогда не сомневался в адекватности автора описываемой им эпохе, что блистательно доказано в подготовленном им издании «Слова» в книжной

серии «Литературные памятники» (1950 г.). Лихачев включил в него так называемый «Объяснительный перевод», который вводит читателя в сложный образный мир произведения, содержащего в себе комплекс деталей, подтверждающих, что поэма создавалась по горячим следам событий, что проявляется на уровне исторических героев и сложных династических и политических отношений между ними, в древней символике, обрывках языческих верований, описании быта⁸. Последующие сочинения ученого были объединены им в итоговом сборнике «Слова о полку Игореве» и культура его времени» (1978)⁹, на который мы будем опираться.

Так как же решалась проблема авторства «Слова» его главным интерпретатором? Это подход, памятуя о том, что Дмитрий Сергеевич был образцом русского интеллигента, мы назвали бы «интеллигентским». И это не простая игра слов. В статье 1984 г. «Размышления об авторе «Слова о полку Игореве»» он принципиально не отстаивает никаких версий, не критикует чужие, а если и называет имена коллег (например, Л. А. Дмитриева, О. В. Творогова), то с пиететом и обязательной оговоркой, что их мнение заслуживает всяческого внимания. Сам же он как бы просто делится со своими незримиыми собеседниками-читателями некоторыми мыслями на заявленную тему, не высказывая при этом привычной нам по современным дискуссиям запальчивости, а как бы приглашая к творческому «сораздумью». Согласитесь, необычный жанр для автора-академика и статьи, предназначенной для публикации в академическом журнале «Русская литература». Да, необычный, но в то же время очень органичный жанр, позволяющий подлинному интеллигенту в науке высказаться со всей определенностью и высказаться весьма изысканно – по манере, по доброжелательности, по выбранной тональности. Любопытен итог его ученых размышлений. «Все, что я писал выше, – говорит Дмитрий Сергеевич, – это догадки и «мечтания», ни для кого

8 Слово о полку Игореве / АН СССР; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 484, [55] с. (Лит. памятники).

9 Лихачев Д. С. «Слова о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд., 1985. 352 с.

не обязательные, но они рождены не голой фантазией, а некоторым воображением, основанном на некоторых моих работах...»¹⁰.

Но вернемся к сути проблемы. В названной работе Д. С. Лихачев склоняется к мысли, что возможным автором «Слова» был человек, близкий к князю Игорю Святославичу. Только он мог знать детали похода, связанные с ним политические интриги, наконец, слышать и потом поэтически воспроизвести покаянные (интимные по своему содержанию) речи главного героя. Он считает, что неведомый автор был придворным «певцом» Игоря Святославича и также, возможно, (тут Лихачев высказывается достаточно осторожно) летописцем его деяний. Высказанные соображения подкрепляются весомыми аргументами, отсылками на общеевропейскую поэтическую традицию тех времен, вскоре утраченную на Руси под влиянием установившегося татаро-монгольского ига. А «если певец был и политическим деятелем, – добавляет Дмитрий Сергеевич, – то это бы объяснило изумительную осведомленность автора «Слова» в политической ситуации во всей Русской земле, его знание князей и княжеств, их истории, без которой не обходилась политика, и своей современности. И это сделало бы понятным его властный призыв к князьям выступить за Землю русскую. Этот призыв был бы смешон в устах скомороха, бессилен в устах певца из народа, недозволителен в устах чрезмерно зависимого придворного или простого воина, но он был возможен под прикрытием князя-покровителя»¹¹. Итак, свою точку зрения Д. С. Лихачев считает всего лишь одной из возможных в ряду предшествующих ей, так и последующих, которые еще только будут высказаны. Оправданная осторожность, если учесть, что ни одного документа, однозначно указывающего на конкретного автора, ни одного намека в самом тексте произведения нет. Все настойчивые попытки отыскать в нем тщательно зашифрованное имя успехом до сих пор не увенчались.

10 Лихачев Д. С. «Слова о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд., 1985. С. 170.

11 Лихачев Д. С. «Слова о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л.: Худ. лит. Ленингр. отд., 1985. С. 169.

7 Дмитриев Л. А. Лихачев Д. С. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. С. 172–177.

3 Исследования «Слова о полку Игореве» / Редкол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.), О. В. Творогов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1986.

4 «Слова о полку Игореве»: Комплексные исследования/Отв. ред. А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1988.

5 Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1: 11 – 1 пол. 14 в. Л.: Наука, 1987. С. 16–32.

6 Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Коротко назовем некоторые версии, высказывавшиеся за более чем два века изучения и толкования гениального текста. Большинство из них неоднократно систематизировались одним из знатоков «Слова», соратником Д.С. Лихачева членом-корреспондентом АН СССР Л.А. Дмитриевым¹². Он констатирует, что в вопросе о социальном лице, как человеке, входящем или свободно вхожем в круг феодальной аристократии, разночтений в общем-то нет. Разнобой начинается при попытке определить, к какому именно князю был близок автор и особенно, когда исследовательские рассуждения касаются конкретного имени. Всплывали имена «премудрого книжника Тимофеева» (Н. Головин, 1846), сына тысяцкого Тимофея Рагуилова (И. Новиков, 1938 г.), галицко-волинского певца Митуса (А.К. Югов, 1945), киевского зодчего Петра Милонегга (С.П. Кудрявцев, 1949 г.), тысяцкого Рагуила Добрынича (В.Г. Федоров (1956), внука легендарного Бояна (М.В. Щепкина, 1960 г.), киевского боярина Петра Бориславича (Б.А. Рыбаков, 1972 г.), черниговского воеводы Ольстина Олексича (М.Т. Сокол, 1976) и многих других. Очень популярной оказалась версия, что автором «Слова» был сам князь Игорь. Ее придерживались киевский исследователь Н. В. Шарлемань, поэт И. И. Кобзев и уже упоминавшийся нами выше прозаик В.А. Чивилихин.

Перечислив все более-менее версии, обратившие на себя внимание специалистов, Л.А. Дмитриев сделал неутешительный вывод: «Сущностью всех гипотез об авторах С[лова] в определенной степени является домысливание создателями этих гипотез к тем или иным реальным именам XII в. таких биографических данных, которые дают возможность приписать им авторство С. Заслуживает внимания то обстоятельство, что все время на кандидатство в авторы С[лова] выдвигаются новые имена: создатели новых гипотез осознают слабость аргументов своих предшественников, но свои соб-

12 Творогов О. В. Дмитриев Л. А. // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 3. С. 116–120.

ственные аргументы считают бесспорными»¹³. Такой вывод еще более подтверждает мудрость в этом деликатном вопросе осторожной и взвешенной позиции Д.С. Лихачева, отказавшего себе в праве на высказывание категорических суждений.

В 1993 г. Лев Александрович Дмитриев ушел из жизни, и на этом завершилась его систематизаторская работа по истории древнерусской литературы. Но высказанное им в конце жизни суждение оказалось универсальным и по-прежнему хорошо объясняет, почему деятельность по выдвижению все новых и новых кандидатов на авторство «Слова» не прекращается. Чем меньше мы знаем о его творце, тем больше возможностей для фантазий и даже откровенных спекуляций.

Обращаясь к современным интерпретациям, мы остановили свой выбор на двух недавних изданиях: на лирическом исследовании проблемы авторства, проделанном русским писателем, ныне живущим в Украине, Ю.Н. Сбитневым (его работа называется «Тайны родного слова») и «литературным детективе» А. Костина «Слово о полку Игореве» – подделка тысячелетия». Остановили мы свой выбор на них не только потому, что названные авторы одними из последних поднимают эту тему, но и по той причине, что оба они писали свои книги, в чем-то вполне осознанно и открыто полемизируя с точкой зрения Д. С. Лихачева.

Первый из названных литераторов, Юрий Николаевич Сбитнев, выделен нами еще и потому, что он имеет с Кубанью, которую мы представляем, давние родственные связи. Его прямой предок, И.М. Сбитнев, был одним из первых учителей Черноморской (Кубанской) войсковой гимназии, автором великолепных, опубликованных в далеком 1825 году «Воспоминаний о Черномории». Мы не знаем, читал ли он «Слово о полку Игореве» (все-таки был преподавателем не словесности, а физики и математики), но документально известно, что его, как магнит, тянула к себе Тамань, т. е. древняя

13 Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2. С.119–120.

Тмутаракань, трижды упоминающаяся в древнерусском шедевре. Об этих поездках в легендарную землю летописца Нестора, о записывании там древних легенд он подробно рассказывает в другом своем сочинении – «Прогулка по Воспорскому проливу»¹⁴, опубликованном четырьмя годами позднее в «Вестнике Европы». Его не менее талантливый потомок познакомился со «Словом» в послевоенной школе, да так и пронес эту любовь к величайшему шедевр древнерусской литературы через всю свою жизнь (на днях Ю.Н. Сбитневу исполнилось 85 лет). Так что вышедшую в 2010 году книгу «Тайны родного «Слова»» нельзя заподозрить в скороспелости. Справедливее всего было бы назвать ее итогом более чем семидесятилетних неравнодушных раздумий. За время работы над книгой автор имел возможность пообщаться и лично поведать о своих догадках и Д.С. Лихачеву, и не менее известному исследователю культуры восточных славян и истории Древней Руси академику Б.А. Рыбакову.

Так в чем же суть предложенной им версии? Вопреки законам жанра, диктующего установку на сохранение интриги на всем протяжении повествования, Сбитнев излагает ее уже едва ли не на первых страницах книги. «Кто же автор этого великого произведения? – задается он риторическим вопросом и отвечает на него так: «Вот уже более двух веков, с первой публикации в самом начале 19 столетия, этот вопрос волнует серьезных исследователей и простых читателей. Работам, посвященным открытию авторства, несть числа <...>. Пусть моя версия будет даже тысячной, но она в своём роде единственная. Я, после долгих лет работы над этой великой тайной, совершенно точно могу сказать: АВТОР — ЖЕНЩИНА!»¹⁵ Неожиданное и, на наш взгляд, очень симпатичное предположение. Схожие версии о женском характере «Слова» высказывались до этого лишь двумя

исследователями¹⁶, но так и не получили широкого признания.

Коротко охарактеризуем доводы, сформулированные автором на основе анализа текста в пользу своей теории. Можно утверждать, что, несмотря на некоторую фронтальность по отношению к именитому сопернику, Ю. Н. Сбитнев остается на том методологическом основании, которое сформулировано именно Дмитрием Сергеевичем, о том, что все, что мы знаем об авторе «Слова» и что можем судить о нем, находится внутри художественного текста. А текст этот, по мнению автора «Тайны родного слова», необыкновенно женственен, просто дышит женским естеством. И это проявляется, например, в том, что автор явно любит своего героя. Эту любовь замечали многие исследователи, но она никак не была объяснена. Представить себе на мгновение, что ею одаривает неудачливого князя дружинник либо боярин, либо равный ему по званию, разумеется, невозможно. Такая же любовь проявляется и в отношении к великому князю Святославу Всеволодовичу, одному из главных героев поэмы. Писатель Ю.Н. Сбитнев определяет ее как любовь дочернюю. Эта дочерняя близость, по его мнению, легко угадывается в «Слове» в каждом упоминании о нём, считает писатель. Был он не очень удачливым князем, но в «Слове» предстает как достойный и мудрый правитель Руси, сильный полководец, несомненный творец доброго, авторитет, каким может быть только родной отец своим детям.

На возможное предположение, что великий писатель, поэт-мужчина тоже может изобразить женскую любовь, писатель парирует: «Может. Но любовь, и не только к двум названным князьям, в Поэме не написана — она выражена. А вот выразить женскую любовь может только женщина»¹⁷. И помогает ей в этом такой малоизученный до сих пор жанр русской националь-

16 Державец И. Агафья Ростиславна – автор «Слова о полку Игореве»? // Памир. 1979. № 8. С. 84–94; Сумароков Г. В. Мария Васильковна, жена Святослава Киевского, – возможный автор «Слова о полку Игореве» // Тез. докл. и общ. зональной конф. «Слово о полку Игореве» на Урале». Пермь, 1988. С. 27–29.

17 Сбитнев Ю. Тайны родного слова: Новое прочтение древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Чернигов: «Троица», 2010. С. 14.

14 Так в оригинале. В конце 18 - начале 19 столетий употреблялось двойное написание названия пролива: Воспорский и Боспорский.

15 Сбитнев Ю. Тайны родного слова: Новое прочтение древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Чернигов: «Троица», 2010.

ной словесности, как плач. «Слово» – первый письменный плач. И плачей таких в поэме необыкновенно много: плачут русские жёны, потерявшие мужей; плачут девы «на бреге синего моря», плачут деревья, травы; плачет вся Земля Русская... А возмём хотя бы непревзойдённый шедевр – «Плач Ярославны». Мог ли таким вот плачем выразить великую суть поэмы мужчины? Наверяд ли. Ведь плачи от Древней Руси и до нынешних дней исполняли только женщины и изначально были проявлениями чисто женского творчества. Убедительно? Как один из возможных доводов – несомненно.

Далее Ю. Н. Сбитнев останавливается на роли женщины в жизни Древней Руси, которая была не просто равноправна с мужчиной, но и почиталась как хранительница не только семейного очага, но и «дедних» традиций — «свычаев и обычаев». Мальчика в княжеских семьях до восьми лет воспитывала мать, учила его чтению, письму, счёту, Божьему слову. А для этого мать должна была сама быть хорошо образованной.

Но кто же она, талантливая женщина, якобы автор произведения, пережившего столетия? Юрий Сбитнев считает, что это Болеслава, дочь Святослава Всеволодовича, сестра Игоря. В древнерусских летописях она упоминается только один раз – в Ипатьевской летописи в 1167 году, где говорится о ее раннем (по обычаям того времени) замужестве. Ее мужем стал Владимир, сын галицкого князя Ярослава (Осмомысла). Иных сведений о ней нет. Но писатель тщательно реконструирует все исторические ситуации и перипетии тех лет, чтобы выяснить, когда и где могли неоднократно встречаться предположительный автор «Слова» и его герои, какие именно события в поэме мы видим как бы глазами сестры Игоря. Мы не историки, а потому не будем детально разбираться в многочисленных междоусобных распрях, терзавших княжеские семьи того времени – автор книги разбирает их подробно и обстоятельно. Возможно, профессионалы найдут там какие-то несоответствия. Суть заявленной проблемы ведь не в этом. Скажем лишь, что в 1176–1177 годах муж Болеславы князь Владимир, спутав-

шись с некоей поповной, навсегда отсылает Болеславу обратно к её отцу. Так заканчивается грустная история жизни русской женщины, одной из претендентов на авторство «Слова».

Автор книги «Тайны родного слова» утверждает, что предложенная им версия противоречит концепции, высказанной академиком Лихачевым. Мы же считаем, что эта противоречивость мнимая, кажущаяся. На самом деле она скорее инвариант предположения, сделанного великим русским ученым. Ведь речь идет опять-таки о близком князю человеке. Да – не сотоварищу по походу, не дружиннику, а женщине, сестре. А идея все та же – автор из близкого окружения князя, человек талантливый, просвещенный и, как бы мы сказали сегодня, государственно мыслящий.

О том, что Ю. Н. Сбитнев не так уж сильно расходится в своих суждениях с Д. С. Лихачевым, становится еще более очевидно по контрасту, когда мы обратимся ко второй книге, привлекая наше внимание – к совсем свежему исследованию А. Г. Костина «Слово о полку Игореве» – подделка тысячелетия» (2014 г.)¹⁸. Автор не спорит, а опрокидывает все, что наработано двумя столетиями академического литературоведения, обосновывая время от времени доставаемое из чуланов псевдоучености мнение о «Слове» как о сравнительно недавней по историческим меркам подделке. Он даже берет на себя смелость назвать и обосновать подлинное имя гипотетического автора, выбирая на эту роль реформатора русского стихосложения и при этом косноязычного и не очень талантливо практикующего стихотворца XVIII столетия Василия Кирилловича Тредиаковского (1703–1769), гекзаметры которого из тяжеловесного стихотворного перевода романа Франсуа Фенелона «Телемахида» родители заставляли читать непослушных детей в качестве одного из самых суровых наказаний. И хотя имя Тредиаковского-поэта в последние годы отчасти реабилитировано в истории литературы, а его творчество все чаще расценивается как новаторское для своего времени, это все же очень странный вы-

¹⁸ Костин А. Г. «Слово о полку Игореве» – подделка тысячелетия. М., 2014.

бор претендента на право считаться автором одного из самых гениальных и высокохудожественных произведений русской литературы.

Великолепный разбор книги А. Г. Костина дан в рецензии Марка Григорьевича Альтшуллера, опубликованной в прошлом году в журнале «Новое литературное обозрение»¹⁹. Нет смысла повторять вслед за известным пушкинистом, авторитетным специалистом по русской литературе конца XVIII — начала XIX века, наиболее приглянувшиеся нам места. Скажем лишь, что мы практически во всем солидаризуемся с рецензентом, и если бы не тесные рамки статьи, добавили бы немало и своих замечаний, подтверждающих ущербность методологии, взятой на вооружение автором данного псевдонаучного опуса.

¹⁹ Альтшуллер М. Кто написал «Слово о полку Игореве»? // Новое литературное обозрение. 2015. № 132. С. 385–392.

Идут годы, летят десятилетия, но интерес к «Слову», к постижению скрытых в нем и связанных с ним тайн, не ослабевает. Свидетельством тому новые публикации, порожденные прошлогодним очередным, хотя и не очень «круглым» юбилеем «Слова»²⁰. Быть может, в этих бесконечных спорах так никогда и не родится искомая истина, но, благодаря им и под их влиянием, все больше и больше соотечественников будут узнавать о самом предмете спора, проникаться к нему интересом, а, узнав, вновь и вновь обращаться к этому светлому источнику добра, мудрости, истины и любви. Таким завещал его сберечь для потомков Д. С. Лихачев.

²⁰ Артемьев А. Древнерусские интриги // Литературная Россия. 2015. 30 окт.; Широков А. Бесценный вклад «неученых» // Литературная Россия. 2015. 11 дек.

Список литературы

1. Альтшуллер М. Кто написал «Слово о полку Игореве»? // Новое литературное обозрение. 2015. № 132. С. 385–392.
2. Адрианова-Перетц В. П. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований. М.; Л., 1940.
3. Артемьев А. Древнерусские интриги // Литературная Россия. 2015. 30 окт.
4. Данилова О. В., Поплавская Е. Д., Романченко И. С. «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. М., 1940.
5. Державец И. Агафья Ростиславна – автор «Слова о полку Игореве»? // Памир. 1979. № 8. С. 84–94.
6. Дмитриев Л. А. «Слово о полку Игореве»: Библиография изданий, переводов и исследований 1938–1954. М.; Л., 1955.
7. Исследования «Слова о полку Игореве» / Редкол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. ред.), О. В. Творогов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1986.
8. Костин А. «Слово о полку Игореве» – подделка тысячелетия. М., 2014.
9. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит. Ленингр. отд., 1985.
10. Слово о полку Игореве / АН СССР; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. (Лит. памятники).
11. Сумаруков Г. В. Мария Васильковна, жена Святослава Киевского, – возможный автор «Слова о полку Игореве» // Тез. докл. и сообщ. зональной конф. «Слово о полку Игореве» на Урале». Пермь, 1988. С. 27–29.
12. Сбитнев Ю. Тайны родного слова: Новое прочтение древнерусского текста «Слова о полку Игореве». Чернигов: «Троица», 2010.

13. Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып. 1: 11 – 1 пол. 14 в. Л.: Наука, 1987. С. 16 – 32.
14. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965. Вып. 1.
15. «Слова о полку Игореве»: Комплексные исследования / Отв. ред. А. Н. Робинсон. М.: Наука, 1988.
16. Широков А. Бесценный вклад «неученых» // Литературная Россия. 2015. 11 дек.
17. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 томах / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2, 3.

HYPOTHETICAL AUTHOR OF “SLOVO O POLKU IGOREVE” IN THE INTERPRETATION OF D.S. LIKHACHEV AND LATEST NOMINEES FOR THIS ROLE

Gorlova Irina Ivanovna,

DSc in Philosophy, professor, Director,
Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage by named D. S. Likhachev,
Krasnaya Str., 28, office 28, 350063, Krasnodar, Russia
e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Chumachenko Viiktor Kirillovich,

PhD in philology, professor, Leading Researcher,
South Branch Russian of the Research Institute for Cultural
and Natural Heritage by named D. S. Likhachev,
Krasnaya Str., 28, office 28, 350063, Krasnodar, Russia
e-mail: vchum@rambler.ru

Abstract

The article analyzes the point of view of Academician D. S. Likhachev, «Slovo o polku Igoreve» attribution problem, the version put forward in the past, as well as the concept of modern researchers.

Keywords

D. S. Likhachev, «Slovo o polku Igoreve», the problem of the author.

УДК 378
ББК 71.4

ЕГО МУЗОЙ БЫЛА РОССИЯ

ПАМЯТИ НАРОДНОГО АРТИСТА РОССИИ,

ДОКТОРА КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПРОФЕССОРА В.М. ЗАХАРОВА

Михеева Людмила Николаевна,
доктор филологических наук, профессор,
Российская государственная
специализированная академия искусств,
ул. Резервный проезд, дом 12, г. Москва, Россия, 121165
Lira19lm@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена памяти выдающегося хореографа современности, ученого-культуролога, фольклориста, создателя театра танца “Гжель”, МХУ при МГАТТ “Гжель”, Института танца, народного артиста России доктора культурологии, профессора, академика В.М. Захарова. Приводится фрагмент из его пятитомника “Поэтика русского танца” – народные промыслы Орловщины.

Ключевые слова

Фольклор, театр танца, народные промыслы, региональная культура.

Когда человек уходит из жизни, окружающие его, близкие люди задаются - вопросом: что было главным в судьбе такого человека, во имя чего он жил? Когда уходит от нас большой Артист, мы, ощутив внезапную пустоту и холод, вокруг пытаемся понять, что же питало его творчество, где надо искать истоки его яркого дарования.

В жарком, солнечном июле 2013 года для тех, кто почитал многие таланты народного артиста России Владимира Захарова, солнце померкло. Невозможно представить Театр танца “Гжель” без его создателя и бессменного художественного руководителя маэстро Захарова. Невозможно также представить и хореографическое училище, Институт танца ФГБОУ ВПО «ГАСК» без Владимира Михайловича. Он по натуре своей созидатель; в труднейшие 90-е, когда в стране всё рушилось, он создавал, строил. И прежде всего — Театр танца “Гжель”, которому

исполнилось 28 уже. Наверное, весь жизненный путь Владимира Захарова вёл его именно к созданию главного в жизни и творчестве — театру танца.

Годы учёбы, знакомство и дружба с теми людьми, которые стали для Владимира Захарова учителями с большой буквы, а главное — неустанный, титанический труд, ежедневный, до самозабвения, до самосожжения, хождение по России, её глубинке — всё это вело его к театру танца. Подумать только: 38 фольклорных экспедиций, когда В.М. Захаров буквально замерзал в дороге, будучи на севере, и продолжал изучать, записывать, сохранять то великое наследие России, которое мы называем аутентичным фольклором. А потом всё увиденное и изученное становилось основой хореографических миниатюр, новелл, композиций, блистательных концертных программ, всего того, чему рукоплескал весь мир.

В.М. Захарова называли полпредом русского искусства в тех странах, которым посчастливилось познакомиться с театром маэстро. Великолепна сама идея, которая когда-то осенила Владимира Михайловича: рассказать языком танца о народных промыслах — Гжели, Хохломе, костромской скани, финифти, Жостове Палехе, Вятке, вологодских кружевах, о тех мастерах, которые создавали всё это великолепие.

Народные песни, танцы, устный фольклор, прикладное искусство всегда воодушевляли Захарова. Тут, конечно, и генетические корни, связанные с его родителями из села Мурзицы, на границе России и Чувашии, где и отец, и мать славились как музыканты, певцы и танцоры. Генетическая память очень важна, но её надо лелеять, беречь, сохранять, потому что только своими корнями силён человек. А Захаров не только сохранял, но и неустанно развивал, обогащал наследие народа, создавая прекрасные образы, оживавшие на сцене по мановению руки маэстро танца.

Захарову было подвластно буквально всё: народное творчество, мюзик-холл, танцы модерн и, конечно, великая русская хореографическая классика — забытые или полузабытые шедевры хореографии. Русское искусство всегда вдохновляло и питало творчество великого мастера.

В.М. Захаров удивительно сочетал в себе артиста и учёного, культуролога, искусствоведа, воспитавшего целую плеяду своих учеников и последователей. Он доктор культурологии, академик, профессор, автор многих теоретических трудов, среди них — пятитомник «Поэтика русского танца» — книга, носящая энциклопедический характер. В целом, это — книги о России, русском народном искусстве, о великой русской душе.

Искусство Владимира Захарова часто называли «русским чудом», Театр танца «Гжель» — носителем и хранителем прекрасного. В.М. Захаров создал уникальную систему непрерывного хореографического образования — образовательно-культурный комплекс «школа (хореографическое училище) — вуз (Институт танца ФГБОУ ВПО «ГАСК») — театр (Московский

государственный академический театр танца «Гжель»)), за что В.М. Захаров и его единомышленники были удостоены Государственной премии Правительства РФ и Премии Правительства Москвы.

Наград у В.М. Захарова очень много: одна из главных — «За заслуги перед Отечеством», которую ему вручил Президент РФ В.В. Путин. Захаров был доверенным лицом Президента, наряду с другими деятелями искусства.

Ещё раз зададимся вопросом: что было главным для Владимира Захарова? Вопрос, скорее, риторический, ибо Родина, Россия всегда была для него, патриота, истинно народного артиста, животворным источником вдохновения, той великой силой, которая питала его, вела на творческий подвиг, его — великого подвижника, учёного и артиста, вдохновенного мастера танца, деяния которого освещены нетленным светом истинного искусства.

Профессору, доктору культурологии В.М. Захарову, совместно с профессором, доктором философских наук И.К. Кучмаевой принадлежит идея создания данного журнала — «Культурное наследие России», что является их своеобразным духовным завещанием.

Поистине редкое счастье, когда в творчестве одного человека соединяются талант артиста, пытливый ум учёного-культуролога и способности менеджера, продюсера. Все это было совершенно органично для В.М. Захарова, все сочеталось в удивительной гармонии. Профессору Захарову удалось создать уникальный энциклопедический труд в пяти томах «Поэтика русского танца». В каждом томе он рассматривает, тщательно анализирует по шести областей России: Архангельской, Белгородской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Кировской, Курской, Костромской, Московской, Нижегородской, Орловской, Пермской, Ростовской, Рязанской, Смоленской, Ярославской, раскрывая богатство русского фольклора во всем его жанровом многообразии и взаимодействии: танцевальный, песенный, устный фольклор, декоративно-прикладное искусство, народный костюм, художественные промыслы. В.М. Захаров детально анализировал специфику русских

народных хороводов, пляски; раскрывал сущность обрядов, обычаев, праздников на Руси, что в целом определяет своеобразие народной культуры, национальный менталитет. Автор уделял пристальное внимание вопросам сохранения и развития традиционной народной культуры, специфике декоративно-прикладного искусства. При этом он использовал материалы, собранные им лично в 38 фольклорных экспедициях, связанных с изучением народного творчества многих регионов России. В.М. Захаров, как хореограф и учёный-фольклорист, тщательно собирал и обобщал этот поистине бесценный материал из сокровищницы народного искусства, региональной культуры различных областей России. Все книги, созданные В.М. Захаровым сопровождалось тестовым и нотным материалом, цветными иллюстрациями; они содержали краткие историко-этнографические очерки, географические справки.

В качестве примера мы приводим фрагмент из книги В.М. Захарова (V том «Поэтика русского танца»), посвященный народным промыслам Орловщины.

доктор культурологии, профессор В.М. Захаров

НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ОРЛОВЩИНЫ

Истоки России, ее самобытности, русской души лежат в народной культуре, традициях, творческом наследии наших предков. Традиционная песня, танец, народные промыслы продолжают нести то исконное, что тысячелетия назад сформировало русскую цивилизацию. Даже новшества, пришедшие к нам из-за границы, творчески переосмысливались и приобретали свои традиционно русские черты — музыкальные инструменты перестраивались на лад народных песен, в кружево и вышивку вносились традиционные, часто языческие народные мотивы. Все могла вписать народная культура, переработать и сделать своей частью, соотнеся со всеми другими сторонами народной жизни. Сегодня во многих местах России, в том числе и в Орловщине, возрождается народная культура, народные промыслы. Часто можно найти старого потомственного мастера, который готов передать народную традицию подраста-

ющему поколению, иногда какой-нибудь народный самородок подхватывает из слабеющих рук мастера его потомственный промысел. Для возобновления традиций в Национальном парке «Орловское Полесье» возрожден праздник «Троицкие хороводы», ставший сегодня крупным международным фольклорным фестивалем, куда съезжаются творческие коллективы и народные мастера не только из Орловщины, но и из соседних областей и государств.

Особенностью формирования Орловских народных промыслов можно назвать историческую удаленность этих земель от центров русской государственности — Киева и Москвы. Вятчи, населявшие эти земли, только в XIV веке, одними из последних, приняли христианство, так что традиционные символы, обычаи и традиции сохранялись здесь дольше всего и получили свое отражение в народных промыслах, игрушках и вышивке. На территории области сохранились и развиваются такие виды искусства, как резьба по дереву, домовая резьба, изготовление мебели из лозы, ков-роткачество, плетение мценского кружева, создание плешковской и чернышенской игрушки из глины, изготовление чернолощеной посуды из расповской глины, плетение из соломки, пеньки, вышивка в стиле орловского «списа», создание ливенских гармошек.

Орловский спис

Одним из характерных орловских ремесел является вышивка «Орловский спис». Корни этой вышивки уходят глубоко в старину, в те времена, когда на территории Орловщины жило племя вятичей-язычников. Границы распространения списа удивительно совпадают с ареалом проживания вятичей в Орловской области. Охранительный смысл древних образов долго сохранялся в обрядовых действиях и сопутствующих им предметах. Изображения древних символов по-прежнему почитались знаками доброй магии.

До нас дошли вышивки XVIII — начала XX века: полотенца, скатерти. Спис включает в себя сочетание двух технических приемов: «набора» и «росписи». Преобладающий цвет —

различные оттенки красного, достигаемые за счет плотности настила различных «бранок» — узорных заполнений внутри контура. Также добавлялся синий, а позднее — черный, желтый, зеленый. Характерными особенностями орловского списка являются необычные очертания рисунка и большое разнообразие бранок: «стожок», «вороний глазок», «сумка с кочергой», «волна», «дробнушки», «сосна», «подковка» и др. В списке преобладают традиционные мотивы: «древо жизни», «птица-пава», «лягушка-рожаница». Сами причудливые формы подсказаны вышивальщицам окружающей природой: морозные узоры на окнах, облака, парящие в небе.

Сегодня традиции орловского списка продолжают развиваться орловскими мастерицами-вышивальщицами, используются новые образы и мотивы, но и старинные традиции сохраняются и передаются ученицам.

Глиняная чернышинская игрушка

Одним из древнейших народных промыслов является изготовление глиняной игрушки. На Орловщине сохранилась живая традиция чернышинской глиняной игрушки, названной так по деревне Чернышино Новосильского района. Окрестности деревни богаты разнообразными глинами: красными, белыми, синими. Есть среди них и те, которым приписывают лечебные свойства, а есть необычно вязкая, из которой издревле мужчины лепили посуду, а женщины делали игрушки и свистульки. Брали эту глину под горой ранней весной и хранили в погребе или в других холодных местах. При изготовлении игрушек эту глину не мяти, а гладили, как бы сдвигая. После изготовления игрушки долго сушили на верхушках печей. Обжигали в общем горне, который выкладывали из камня в земле для каждого обжига. Раскрашивали игрушки минеральными и анилиновыми красками петушиным пером. Продавали их на двух ярмарках — Препловенской и Троицкой. Во время ярмарки улицы даже самых глухих деревень оглашались звуками свистулек.

Чернышинский игрушечный промысел тесно связан с верованиями и обрядами новосильских крестьян. Сюжеты игрушки в основном

традиционны: женщины, птицы, коньки. Особенно хороши Чернышинские куклы-барыни, кормилки и девушки с косами. Также популярны кукушки и трехголовые кони, иногда с седоком. В самом начале XX столетия этим промыслом было занято в деревне Чернышино значительное количество женщин, но как только появилась фабричная игрушка, местное производство стало снижаться.

Глиняная плешковская игрушка

Знаменита на Орловщине и плешковская игрушка (село Плешково Ливенского района). Село Плешково находилось вблизи месторождения уникальной огнеупорной глины, из которой предположительно в начале XVII века плешковцы начали делать кирпичи, гончарные изделия и игрушку. Игрушечным промыслом занимались женщины и девочки. Игрушки отличались внешней простотой и лаконичностью. Глина после обжига приобретала светло-розовые, телесные оттенки, а слюда, входящая в состав глины, делала ее нарядной, словно обсыпанной серебром. Раскраска обычно выполнялась в два цвета: синий и красный. Иногда использовался и зеленый. Рисунок наносился в виде кругов, пятен, параллельных линий, эффектно выглядевших на телесного цвета глине. Синяя краска готовилась из сушеных ягод бузины и голубых первоцветов, красная — из толченого кирпича, зеленая — из сока листьев лопуха или конопли. Сюжеты традиционны — конь, баба, солдат, уточка, петушок, корова, баран. Часто игрушка была свистулькой.

Ливенская гармошка

... По селу тропинкой кривенькой В летний вечер голубой Рекрута ходили с ливенкой Разухабистой гурьбой.

С. Есенин

Далеко за пределами Орловской области известна гармошка «Ливенка» — один из изначальных вариантов русской ручной гармоники, простой и легкодоступной для музыканта. Ее возможности изумительно демонстрирует широкой публике ансамбль «Ливенские гармошки».

Изобретена ливенка была в 1830—1840 гг. для исполнения народных песен, в основном — плясовых. Традиционно на «ливенке» на правой клавиатуре располагались 15 кнопочек в один ряд, которые мастерились из перламутровых пуговичек, делавшихся, в свою очередь, из раковин моллюсков из реки Сосны. Палевой клавиатуре было всего 5 «лапочек» — одиночных басов, их размещали на передней части корпуса так близко друг от друга, чтобы одним пальцем нажать 2—3 клавиши, и в зависимости от расположения звучали кварта или трезвучие. С другой стороны корпуса находились 2—3 клавиши, настроенные по второй или первой малой октавам — по договоренности с заказчиком — и назывались хрипками. В верхней части встраивался дополнительный клапан — писчик, настроенный по второй октаве. Здесь же, на тыльной части гармоники, находился клапан шестерик. Размеры гармоник были различными, в зависимости от диапазона правой клавиатуры — 22—30 см высоты и 8—9 см — ширины. Объем меховой камеры при столь узком корпусе стал недостаточным и был увеличен за счет количества борин (складок). Их число у ливенки достигает 40, и меха могут быть растянуты до двух метров. Ливенка — самая длинная гармошка в мире!

Сегодня традиции изготовления ливенки продолжают в «Мастерской по ремонту и изготовлению музыкальных инструментов» при Центре молодежи «Лидер» города Ливны. Кроме традиционных гармошек, делают там и миниатюрные сувенирные ливенки в расписных футлярах и стилизованных подставках в виде балалайки, нотки, пенька.

Мценское кружево

Мценское кружево — одно из самых старинных на Руси. Еще в XVIII веке помещица Протасова открыла под Мценском мануфактуру по производству кружева. Она пригласила из Бельгии двух учительниц, и те обучали местных девушек. Русские девушки учились с интересом, перенимая иностранное искусство творчески. Очень скоро мотивы их плетения стали настолько уникальны, что во всем мире заговори-

ли о русском кружеве. Это было самое крупное кружевное производство в России. Круглый год на коклюшках работали 1200 мастериц. Продукцию поставляли царскому двору, вывозили в Англию и Турцию.

В конце XIX — начале XX веков много сделала для жителей Мценска княгиня Анна Дмитриевна Тенишева. Она строила школы и больницы для неимущих в городе и окрестных селах. В 1899 г. она открыла во Мценске школу кружевниц для девочек 8—12 лет. Девочек учили не только ремеслу, но и грамоте, и основам рисунка, а так как количество обучающихся росло, то при школе был создан интернат для наиболее способных жительниц окрестных сел. Девочки там жили на полном пансионе.

Качество мценского кружева росло. На Всемирной выставке в Париже оно было удостоено серебряной медали, а на выставке в Глазго — почетного диплома.

И вот школа кружевниц работает во Мценске вновь. Обучаются здесь дети три года. За это время они должны научиться плести мерное кружево, делать копии старинных образцов. Лучшие работы юных кружевниц можно увидеть в музее кружева, как и работы их преподавателей. Открыто ателье «Мценские узоры».

Отличительной особенностью мценского кружева является активное использование геометрических мотивов, в то время как в елецком кружеве чаще используют растительный орнамент. Если сравнить с вологодским кружевом, то там более плотный, насыщенный узор, фоновых решеток почти не используют, а в Ельце и Мценске — очень часто, потому узор получается более воздушным.

Тряпичная кукла

Тряпичные куклы в свое время создавались во всех деревнях и городах области. Исстари считалось, что детские игры могут вызвать урожай, богатство, счастливый брак или же, наоборот, принести несчастье, если небрежно обращаться с игрушками. Кукла в семье была символом продолжения рода, и занимательные игры в куклы только поощрялись.

Куклы делали так: брали ненужные тряпочки, нитки, а чаще всего путаную коноплю,

оставшуюся от вычесывания. Сдавливали ее, связывали нитками в комочек, чтобы она имела форму головы, затем заворачивали в белую тряпочку. Когда голову скрутят, брали химический карандаш и рисовали лицо. Некоторые мастерицы вышивали лицо. На куклах-оберегах лицо не рисовалось, поскольку считалось, что в этом случае в куклу могла вселиться нечистая сила. А потом заплетали косы, чаще из конопли плели недлинную косу и подсовывали под платок или самодельную шапку. Потом делали туловище, руки пришивают — возьмут палочки и обматывают тряпкой, так же ноги, а потом обшивали тканью. Дальше кроили одежду: для мальчика фуражка из тряпки и кафтан; а для девочки — кофточка, юбочка. Юбка пришивалась по талии иголкой с ниткой, а кофту опускали пониже, чтобы она прикрывала шов. На ноги шили обувь наподобие маленьких тапочек, или делали типа валенок или сапожек.

Для кукол делали кроватку, кто как мог, и отводили специальный уголок в избе. На кровать шили маленькие подушечки, набивали их травой сухой или овечьей шерстью. Куклу сажали или на кровать или ставили рядом. Различают куклы-обереги, «пеленашки», «столбушки», «неразлучники», «кувадки» для подвешивания

над люлькой, «кукла тещи», «кукла свахи», «цыганка», «бабочка», «зерновушка», набитая зернышками, которые после зимних игр ребенка особенно хорошо всходили.

Современные народные промыслы

Народное творчество никогда не прекращалось, продолжали развиваться традиционные промыслы, появлялись новые. На Орловщине сегодня можно найти такие промыслы, как гончарное производство, резьба по дереву, плетение из соломки, рогоза и лозы, изготовление традиционных русских народных музыкальных инструментов — свирелей, жалеек разного строя, трещоток, бубнов, звончалок, трензелей, рубелей, бубенцов, коробочек, вертушек и др.

27 мастеров Орловщины, занимающихся народными промыслами, имеют звание «Народный мастер России». Работает ОАО «Орел-керамика», выпускающее сувенирную продукцию в орловских народных традициях. В Орле действует детская школа изобразительных искусств и народных ремесел, где народные мастера преподают традиционные ремесла.

Список литературы

1. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 2001. Т.2
2. Художественная Россия. СПб., 1985. Т.2.
3. Захаров В.М. Поэтика русского танца, в 5-ти тт. М., 2010.

HIS MUSE WAS RUSSIA

Mikheeva Lyudmila Nikolaevna

DSc in Philology, professor

Russian state Specialized Academy of Arts

Str. Standby travel, house 12, Moscow, Russia, 121165

Lira19lm@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the memory of outstanding contemporary choreographer, scholar and cultural studies, folklore, dance theater maker “Gzhel”, MHU at MGATT “Gzhel” Dance Institute, People’s Artist of Russia Doctor of Cultural Studies, Professor, Academician V.M. Zakharova. A fragment of his five-volume “The Poetics of Russian Dance” - crafts Orlovschiny.

Keywords

Folklore, dance, theater, arts and crafts, regional culture.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МИРА

УДК 930
ББК 63.3

АЛЕКСАНДР ГЕЙШТОР – ЖИЗНЬ КАК НАУЧНЫЙ ПОДВИГ. ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ К СТОЛЕТИЮ ИСТОРИКА

Парамонова Марина Юрьевна,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
Ленинский пр-т, д. 32 А, Москва, Россия, 119334,
sokol@igh.ras.ru

Аннотация

Александр Гейштор был одним из величайших и знаменитых историков второй половины XX века. Он родился в Москве в 1916 г. и умер в Варшаве в 1999 г., с которой с 1921 г. была связана вся его жизнь как ученого и гражданина. В высшей степени символично, что в 2016 г. в связи со столетием Гейштора именно в Москве и Варшаве вышли два сборника, посвященные памяти ученого. Эти сборники включают воспоминания и биографические очерки коллег и друзей историка, а также аналитические обзоры его исследований, посвященных средневековой истории и культуре.

Ключевые слова

Историография, средневековая история и культура, общество и культура в Польше, международное научное сообщество.

В июле 2016 г. исполнилось 100 лет со дня рождения великого польского историка и общественного деятеля Александра Гейштора (1916-1999), а обширная библиография работ мемориального, биографического и историографического типа¹ пополнилась рядом новых публикаций. В их ряду два сборника статей,

посвященных польскому медиевисту, один из которых вышел в Варшаве, а другой в Москве².

Гейштора называют самыми лестными для человека именами: великим ученым, гражданином, патриотом и гуманистом, знаковой фигурой польской исторической науки второй поло-

² Aleksander Gieysztor. Człowiek i dzieło / Red. M. Koczerska, P. Węcowski. Warszawa, 2016; Польша, Россия и Европа в судьбе историка. «Московский» сборник вышел в 2016 г. и основывается на материалах конференции «Польша, Россия и Европа в судьбе историка. Памяти Александра Гейштора (1916-1999)», организованной совместно Институтом всеобщей истории РАН, Институтом истории науки ПАН и Гуманитарной академии имени Александра Гейштора (г. Пултуск). В сборнике представлены статьи главным образом польских и российских ученых, а также представителей финской, французской и украинской науки.

¹ См. библиографию работ А. Гейштора и библиографию работ о нем: Kultura średniowieczna i staropolska. Studia i oświadczenia Aleksandrowi Gieysztorowi w pięćdziesięciolecie pracy naukowej. Warszawa, 1991; Koczerska M. Aleksander Gieysztor 17 VII 1916 — 9 III 1999 // Studia Zrodloznawcze. 2000. T. 37. S. 4-12; Лашкевич Г. Александр Гейштор как историк христианства // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. К столетию Александра Гейштора / Отв. ред. Л.Е. Горизонтов. М., 2016. С. 179-180, прим. 6.

вины XX в., настоящим джентльменом, истинным князем³, воплощением лучших черт старой русской интеллигенции. Пережив все периоды формирования Польского государства, Гейштор смог избежать увлечения радикализмом любого свойства. Он предпочитал диалог и дискуссию, объединял в совместной работе ученых разных стран, научных школ и поколений, выступал медиатором между властями и академической гуманитарной средой, был переговорщиком между коммунистическим режимом и демократической оппозицией в 1960-е – 1980-е гг.

Гейштор представляет интерес для историков науки не только (и даже не столько) собственными научными сочинениями, сколько всей своей жизнью⁴, а потому большая часть посвященных ему работ имеет скорее биографически-мемуарный, чем аналитически-историографический характер. Подобный ракурс «сохранения памяти» объясним. Во-первых, он позволяет вписать фигуру ученого в определенный социально-культурный контекст и, во-вторых, попытаться установить корреляцию личного жизненного опыта и собственно профессионального развития индивида. Влияние актуальных социальных реалий и их осмысления ученым-гуманитарием на сферу собственно академических интересов, воплощенное в постановке им при изучении прошлого тех вопросов, которые порождены современностью, ныне не вызывает сомнений. Однако эта взаимосвязь не является универсальной и простой, она всегда нуждается в восстановлении деталей жизни и творчества, реконструкции сложной картины их пересечения и взаимодействия. Подобные исследования позволяют создать более точный и фундированный образ

³ Характеристика, которую, по воспоминаниям Ж. Ле Гоффа, Гейштору дал Ф. Бродель, напоминанием о которой Морис Эмар, многолетний директор парижского Дома наук о человеке, завершает свою статью о польском ученом. См.: Эмар М. Гейштор, Франция и Италия // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. С. 124

⁴ Тезис «не библиография, а биография» звучит лейтмотивом в текстах, включенных в «юбилейные сборники» 2016 г. (см. прим. 1, 2), равно как и в большей части мемориально-мемуарных очерков о Гейшторе, публиковавшихся ранее. Серьезное историографическое исследование творческого наследия ученого, видимо, остается делом будущего. Исключение представляют, прежде всего, редакторские комментарии к переизданиям трудов Гейштора.

развития науки и культуры, чем традиционное аналитическое препарирование текстов.

Вместе с тем, в случае с фигурой Гейштора интерес к его жизни как фактору развития науки в послевоенной Польше имеет и иные, скорее реальные, чем абстрактно интеллектуальные основания. При жизни он был настолько активно включен в деятельность по развитию, учреждению, руководству разнообразными научными институциями и проектами, один перечень которых занял бы несколько страниц текста, что в своей ипостаси успешного организатора и администратора он внес не меньший вклад в развитие современной польской историографии, чем в роли выдающегося интеллектуала-исследователя.

Многочисленность посвященных Гейштору биографических текстов – чрезвычайно полезное в научном и общекультурном смысле явление, хотя нередко их авторы дублируют друг друга с точки зрения информации и оценок. Во-первых, они сохраняют воспоминания современников, хорошо знавших ученого и интенсивно общавшихся с ним. Круг этих свидетелей, по естественным причинам, сокращается, однако только из их текстов можно получить непосредственное впечатление о личности Гейштора, не искаженное призмой чужих суждений или поколенческой дистанцией⁵. Во-вторых, биографы-очевидцы компенсируют отсутствие собственных мемуаров ученого, которые Гейштор отказывался писать, не желая использовать свою, без сомнения, широчайшую информированность в целях защиты от недоброжелателей. В своих интервью и обнародованных им текстах биографического характера ученый неизменно проявлял сдержанность и скрытность, не выставляя на всеобщее обозрение конфиденциальные сведения или эмоционально окрашенные оценки людей и событий⁶.

⁵ В этой связи, можно отметить, что в польском сборнике 2016 г. посмертно опубликованы воспоминания другого «гиганта» послевоенной польской историографии Г. Лабуды, родившегося в один год с Гейштором и пережившего его более чем на десятилетие. Судьба, деяния и масштаб творчества обоих ученых – сопоставимы, несмотря на существенные отличия их социального происхождения и культурного влияния семьи.

⁶ «Умение Гейштора хранить тайны заходило так далеко, что он отказывался писать мемуары. Воспоминания

Существенная часть воспоминаний о Гейшторе посвящена проблеме его международных контактов, взаимодействию с отдельными учеными и его семьи и предков в русской социально-культурной среде⁷. Отрадно, что и варшавские и московские издатели юбилейных сборников уделили внимание связям польского историка с российскими и советскими коллегами, поместив их в контекст глубокого знания и понимания Гейштором русской культуры, сохранения им памяти об укорененности его семьи и предков в русской социально-культурной среде⁸.

Опираясь на новейшие публикации о Гейшторе, остановимся на характеристике основных этапов его биографии⁹. Ученый родился 17

должны содержать оценочные суждения о людях, а Гейштор, независимо от того, что думал, внешне почти со всеми был любезен». Борейша Е.В. Александр Гейштор. Несколько замечаний для будущих биографов // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. С. 50. Вместе с тем, примечательно, что Гейштор тщательно сохранял свой архив, оставив в нем не только научные рукописи и официальные документы, но и личную переписку, «все, что он отправлял и получал сам». После его смерти семья передала все документы в Архив Польской академии наук, в котором они образовали самый крупный личный фонд. Шимчик Г., Заштовт Л. -érца δ-óráv βióτοιο. Материалы Александра Гейштора в Архиве Польской академии наук // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. С. 213-226

7 В сборнике «Польша, Россия и Европа в судьбе историка» этой теме специально посвящены статьи М. Хитала (Деятельность и роль Александра Гейштора в Международном комитете исторических наук. С. 44-52) и М. Эмара (см. прим. 3). Этот вопрос подробно освещается также в статьях Е.В. Борейши и Шимчик Г. и Заштовта Л. (см. прим. 6)

8 В сборнике «Польша, Европа и Россия в судьбе историка»: Лебедева Н.С. Александр Гейштор – редактор катынских томов. С. 126-146; Бибииков М.В. А. Гейштор – лидер европейских медиевистов. С. 106-111; Хорошкевич А.Л. Профессионализм и гражданственность: уроки и жизни и творчества Александра Александровича Гейштора. С. 85-94. В варшавском сборнике: «"NaszdorogojAleksandrSanycz". AleksanderGieysztor i "przyjacieleMoskale" // AleksanderGieysztor. Człowiekidzieło. S. 31-50.

9 Косеский А. Александр Гейштор (1916–1999) // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. С. 12-25; Яроцкий Р. Медиевиста настигает история // Там же. С. 26-43; Модзелевский К. Освободить страну от нацистов – отстоять университет при коммунистах. Гражданский путь Александра Гейштора // Там же. 63-73; Мазур Г. Служба Александра Гейштора в Армии Крайовой // Там же. С. 74-84. В польском сборнике (см. прим. 2) воспроизведены почти без изменений некоторые статьи авторов московского издания, например Е.В. Борейши, К. Модзелевского, Г. Самсоновича и П. Мрозовского, однако в него не включено развернутых повествований собственно биографического характера. Те-

июля 1916 г. в Москве, в семье польского происхождения. Родовые владения Гейшторов находились в Литве и Западной Белоруссии, однако уже его дед порвал с помещичьим образом жизни и переселился в Минск. В этом городе отец ученого (также Александр) получил образование и перебрался в Москву, где занимал высокие должности в управлении Московско-Казанской железной дороги. Предки по обеим линиям принимали участие в польских национально-освободительных восстаниях и побывали в сибирской ссылке.

Отец ученого знал польский, однако в повседневной жизни ему было проще пользоваться русским языком¹⁰. Мать, видимо, почти не знала языка предков и выучила его с помощью сына уже после переезда семьи в Варшаву. Именно мать стала главным проводником сына в мир русской литературы и культуры, которую она горячо любила. Она поощряла уже в Польше изучение сыном русской литературы и языка, которым ученый свободно владел и до конца жизни говорил без акцента. Так же по ее инициативе он с раннего детства занимался французским¹¹.

В 1921 г. семья Гейшторов вынуждена была переехать в Варшаву, с которой и была связана вся дальнейшая жизнь историка¹². Он по-математически к биографическим исследованиям можно отнести статью М. Кочерской о работе Гейштора в качестве университетского преподавателя и Т.П. Рутковского о деятельности Гейштора в качестве Президента Польской академии наук в 1980-1983 гг. KoczarskaM. AleksanderGieysztorjakonauczycielakademicki // AleksanderGieysztor. Człowiekidzieło. S. 51-72; RutkowskiT.P. AleksanderGieysztorjakoprezesAkademii Nauk // ibid. S. 101-134.

10 Сам Гейштор вспоминал: «духовный мир отца зиждился на историко-литературном мифе о каком-то идеальном образе Польши. Отец никогда не жил на землях, где преобладала польская культура, язык..., до момента приезда в Варшаву, в Польшу, я думаю, ему, наверное, было легче написать письмо грамотно по-русски..., чем по-польски». Цитата из биографического очерка Р. Яроцкого (Jarocki R. Opowieść o AleksandrzeGieysztorze. Warszawa, 2001) по: Борейша Е.В. Ук. соч. С. 46

11 Подробный очерк истории семьи Гейштора и анализ характерного для его родителей и самого историка типа культурно-этнической идентичности см.: Горизонтов Л.Е. Российские истоки академика Александра Гейштора // там же. С. 52-62

12 Отец Гейштора сумел найти хорошую работу и в Варшаве, поэтому семья жила благополучно в материальном отношении. Обладая предпринимательской хваткой, он и в годы немецкой оккупации кормил всю семью и позволил ей в буквальном смысле физически выжить, изготавливая

лучил прекрасное классическое образование в одной из лучших гимназий Варшавы¹³. В 1933-1937 гг. Гейштор учился на историко-философском факультете Варшавского университета. В сферу интересов Гейштора вошли история средневековья, источниковедение, русская палеография и история искусства. Среди его учителей были выдающиеся историки, профессиональная культура которых имела своим фундаментом виртуозное владение методами критического анализа источников, прежде всего письменных, и использование в исследованиях максимально полного собрания аутентичных памятников. Это наследие великой польской позитивистской историографии Гейштор отстаивал на протяжении всей жизни, неоднократно возвращаясь к роли источниковедения и других «вспомогательных исторических дисциплин» как краеугольного камня научного историописания¹⁴. Первая исследовательская работа ученого была посвящена европейской истории эпохи Каролингов¹⁵ и готовилась под руководством крупного польского медиевиста Марцеля Хандельсмана¹⁶. В 1938 г. он отправился в учебную командировку в Париж, где изучение методов классического источниковедения продолжилось благодаря занятиям палеографией и дипломатикой в Национальной школе Хартий, а расширение знакомства с проблематикой современных исследований в Практической школе высших исследований, где в эти годы начал преподавать Ф. Бродель.

предметы повседневного спроса, такие как мыло, и продавая их на рынке.

13 Уровень гуманитарной культуры Гейштора ярко характеризует реплика М. Эмара: «Он был последним на моей памяти ученым, способным произнести целую речь на латыни!». Эмар М. Ук. соч. С. 113

14 Работа в архивах, рукописных хранилищах, собраниях документов и памятников материальной культуры привлекала Гейштора еще со студенческих времен, а анализу методов палеографии, изучения рукописей, сфрагистики и нумизматики он посвятил ряд сочинений учебного и собственнo научного характера.

15 В 1937 г. Гейштор защитил магистерскую диссертацию «WładzaKarolaWielkiego w opiniiwspółczesnej» (Власть Карла Великого в суждениях современников), которая была опубликована Варшавским научным обществом в 1938 г.

16 Помимо Хандельсмана университетскими учителями Гейштора были Т. Мантейфель и С. Кетшинский, сотрудничество (в случае Мантейфеля – многолетнее) с которыми он продолжил в годы оккупации и после войны.

Летом 1939 г., несмотря на то, что он получил продление стипендии на обучение в Париже, Гейштор возвращается в Польшу и как военнообязанный был мобилизован в действующую армию. Решение вернуться и защищать Родину было его личным выбором. В качестве артиллерийского офицера он прошел сентябрьскую компанию, был свидетелем поражения польской армии, с разрешения командира покинул часть и избежал участи тысяч поляков, сдавшихся советским войскам в восточных регионах государства. Вернувшись в Варшаву, уже весной 1940 г. он вступил в ряды подпольной организации Армии Крайовой, где вплоть до Варшавского восстания работал рука об руку со своими университетскими преподавателями: Т. Мантейфелем (принявшим у него присягу), М. Хандельсманом, Л. Видершалем. Все они состояли в Бюро информации и пропаганды (БИП) Главной комендатуры Армии Крайовой, которое занималось сбором и аналитической обработкой информации, касающейся деятельности немцев в польских землях и настроений местного населения. Подпольную работу Гейштор совмещал с продолжением академических занятий: он участвовал в деятельности Тайного университета, читал лекции для широкой аудитории участников подполья, написал и защитил докторскую диссертацию, подготовил учебное пособие по «вспомогательным дисциплинам». Гейштор был участником Варшавского восстания 1944 г., после поражения которого находился в немецких лагерях для военнопленных и лишь в мае 1945 г. вернулся в Варшаву, где в июле в полуразрушенном здании Института истории Варшавского университета прошла официальная защита его диссертации.

С этим периодом жизни связан ряд травматических переживаний. Во-первых, он испытал ужас оккупации, ведущей к уничтожению не только государственности, но и всей системы национальной культуры. Подпольный опыт Гейштор оценивал неоднозначно, в том числе позволял себе и крайне негативные высказывания о его пагубном воздействии на человека¹⁷ Гейштор и многие люди его поколения высоко

17 Koczarska M. AleksanderGieysztor. S. 7

ко оценивали институт национальной государственности, видели в нем необходимое условие сохранения нации и национальной культуры. Они были готовы сохранять его путем компромиссов и сотрудничества с властями.

Во-вторых, Гейштор сам был свидетелем негативных последствий политического и идеологического радикализма в условиях оккупации, которые проявились в двух событиях. Одним из них было убийство близких Гейштору сотрудников Бюро - Л. Видершаля и Е. Маковецкого (он был застрелен вместе с женой), и арест, на основании доноса в гестапо, М. Хандельсмана. Это преступление было совершено правыми радикалами Армии Крайовой, которые накануне восстания 1944 г. расправлялись с теми, кого они подозревали в готовности к сотрудничеству с коммунистами и СССР. Вторым – стало само Варшавское восстание, о котором Гейштор как лицо причастное к секретной информации, в том числе и сведениям Лондонского правительства, заранее знал, что оно обречено на провал, просчитанный, в том числе, и самими его организаторами. Бескомпромиссная борьба и готовность идти до конца с тех пор потеряли для него свой романтический флер.

Период подполья и оккупации, вместе с тем, заставили Гейштора осуществить два важных в гражданском и научном отношении проекта. Во-первых, еще в немецком лагере он со своим коллегой – историком и подпольщиком – составил беспристрастное описание известных ему событий Варшавского восстания, опубликованное много лет спустя. Во-вторых, в 1990-х годах он стал одним из инициаторов и редакторов публикации серии документов о Катынской трагедии, о которой узнал за полвека до подготовки первого тома (1994 г.) к печати.

После войны начался новый период жизни Гейштора, который К. Модзелевский метафорически определил как «сохранение субстанции»¹⁸ и «защиту университета» при коммунистическом режиме («отстоять университет при коммунистах») в заглавии своей статьи, переданной московским издателям. Вернувшись в Варша-

¹⁸ Modzelewski K. Ochrona substancji // Aleksander Gieysztor. Człowiek i dzieło. S. 255-265

ву и недолго пробыв членом конспиративной организации «Свобода и независимость», чего требовали от него воинский долг и обязательства перед нелегальной организацией Армии Крайовой, он был освобожден от присяги принимавшим ее Мантейфелем и выбрал предложенный им путь – воссоздание университета вместо партизанской борьбы. С этого времени и на протяжении последующих пятидесяти лет Гейштор был одной из ключевых фигур польской научной, культурной и социально-политической жизни. Он был многолик в своих проявлениях: ученый-исследователь, «организатор науки», «строитель мостов» между польскими и европейскими историками, переговорщик между властями и социальной оппозицией.

Новый режим согласился на сохранение в научных учреждениях беспартийных ученых, в том числе на руководящих постах, однако требовал от них компромисса, а именно, внедрения марксистской теории в гуманитарные, прежде всего исторические науки. Карьера Гейштора была стремительна. Вернувшись к научной работе (под руководство своих прежних учителей Мантейфеля и Лоренца) и преподаванию, уже в 1949 г. он становится одним из членов Дирекции исследований истоков польского государства, которая разрабатывала долгосрочную программу изучения ранней польской истории в связи с (виртуальным) тысячелетием польского государства в 1966 г. Этот проект был идеологическим компромиссом между научным сообществом, которое нуждалось в ясной перспективе исследований, и властью, желавшей новой исторической легитимации государства, связанной не с Ягеллонами, а с первой польской династией Пястов. В 1955 г. он сменил Мантейфеля во главе Института истории Варшавского университета и оставался его директором на протяжении 20 лет. В 1970-е гг. Гейштор был увлечен проектом восстановления Королевского замка в Варшаве. В 1980 г. его утвердили первым директором Замка, пост которого он покинул только в 1991 г., став одновременно председателем Ученого совета музея. На 1980-е гг. пришелся пик научно-административной карьеры Гейштора: в 1980 г. он был избран Президентом

Польской академии наук (до 1983 г.)¹⁹ и одновременно Председателем Международного комитета исторических наук (1980-1985). Одновременно Гейштор оставался университетским преподавателем. Этот перечень занятий может быть дополнен участием Гейштора в многочисленных общественных и научных институциях.

Активность Гейштора в научно-организационной деятельности далеко выходила за пределы Польши. С середины 1950-х гг. в условиях пост-сталинского ослабления режима политической автаркии он активно занялся восстановлением и расширением традиционных связей польских историков с европейскими коллегами. Появление Гейштора на международной арене связано с выступлением на Международном конгрессе исторических наук в Риме в 1955 г. С Международным комитетом исторических наук – организатором этого форума – его в дальнейшем связывали длительные отношения, поскольку он рассматривал эту организацию как реальную площадку для диалога и общения ученых из разных стран, разъединенных политико-идеологическими и методологическими предпочтениями. С 1965 г. он занимал разные посты в руководящих органах МКИН, а в 1980 г. был избран его президентом на следующие пять лет. Несмотря на свой очевидно бюрократический характер, Комитет в условиях Холодной войны открывал возможности для научно-общественного общения. Мечтой Гейштора, неосуществимой в условиях противостояния двух систем, было превратить организацию в площадку, где представители разных мнений и убеждений смогут говорить и понимать друг друга.

Наиболее активными и плодотворными в плане реальной научно-исследовательской работы были связи совсем иного рода. В частности, Гейштор был глубоко включен во взаимоотношения с французскими и итальянскими учеными. Гейштор способствовал популяризации в Польше Школы Анналов, её тематики, языка и исследовательских принципов. Вместе с А.Я. Гуревичем он нередко предстает в историографических комментариях как один из ведущих

¹⁹ Гейштор повторно занимал этот пост в период перехода власти от коммунистического к демократическому правительству в 1990-1992 гг.

представителей этого исторического направления за пределами Франции.

Следует отметить, что международные контакты Гейштора были широки и разнообразны. Особое место в международных связях Гейштора занимали контакты с советскими и российскими историками. Он принимал участие в разнообразных научных конференциях и форумах, проводимых в СССР, поддерживал контакты с академическими институциями и отдельными учеными. Его интересовала история Древней Руси, которой он посвятил ряд специальных очерков, и он был хорошо осведомлен об исследованиях в этой области. В воспоминаниях знавших его ученых, Гейштор предстает как мудрый, любезный, широко образованный человек, знавший и глубоко понимавший русскую культуру, в том числе и современную. Важной функцией Гейштора было осуществление посреднических функций между Западными и советскими учеными.

Будучи большим научным функционером и занимая на протяжении 50 лет самые высокие административные посты в Польской академии наук и Варшавском университете, в десятках международных и польских организаций, т.е. фактически репрезентируя власти ПНР перед польским и всемирным интеллектуальным сообществом, Гейштор удивительным образом (особенно, в глазах человека с советским опытом) сумел сохранить безупречную репутацию и в кругу коллег, и в широком общественном мнении. Обвинения в конформизме и сотрудничестве с коммунистическими властями и при жизни ученого и после его смерти звучат как единичные субъективные высказывания. Между тем, в эпоху перехода от коммунистического режима к демократическому государству и началу строительства Третьей Речи Посполитой Гейштор входил в согласительные комиссии (Консультативный совет, Круглый стол), которые обусловили мирную передачу власти демократической оппозиции. Формально представляя официальную власть в этих институциях, он пользовался доверием лидеров Солидарности, среди которых были и его ученики. Примечательно, что почти за два десятилетия,

прошедшие после его смерти, не было обнаружено никаких дискредитирующих ученого сведений, а его младшие коллеги, в том числе и сторонники оппозиции, прочувствованно писали и пишут о его человеческой и политической мудрости.

Между тем, главный итог жизни ученого – это верность своему призванию и воплощение своего потенциала в исследованиях, в открытии нового вектора развития знания и постановке новых проблем, в способности воодушевить своих коллег и учеников на активную научную деятельность²⁰. Гейштор, безусловно, в полной мере реализовал как свой исследовательский талант, так и дар учителя и просветителя. Список его научных публикаций насчитывает более 1000 позиций, и хотя фундаментальных монографий в их числе нет, однако широта проблематики и актуализация новых подходов, методов и тем делали их событием в польской и мировой науке в момент обнаружения и оправдывают их переиздание в наши дни, годы спустя после смерти ученого²¹. Акту-

20 Анализ исследований Гейштора по отдельным историческим проблемам см.: Бибиков М.В. Ук. соч.; Самсонович Г. Александр Гейштор и исследования европейского средневековья // Польша, Россия и Европа в судьбе историка. С. 147-154; Вырозумский Е. Государство и общество средневековой Польши в исследованиях Александра Гейштора // Там же. С. 155-169; Лашкевич Г. Александр Гейштор как историк христианства // Там же. С. 170-181; Кочерская М. Александр Гейштор как историк польской и мировой культуры // Там же. С. 182-193; Мрозовский П. Александр Гейштор – искусствовед и директор Варшавского замка // Там же. С. 195-212.

21 К юбилею ученого вышел сборник статей: Gieysztor A. Władza – symboleirytuały // red. P. Mrozowski, P. Tyszkai P. Węcowski. Warszawa, 2016. Сборник включает 24 текста, посвященные символам власти, коронационным ритуалам и церемониям эпохи позднего средневековья. Большая их часть еще при жизни ученого была опубликована в польских и зарубежных сборниках и журналах, однако некоторые прежде не появлялись в печати. Это тексты докладов Гейштора, главным образом связанных с анализом публичных функций Варшавского Королевского замка, который и стал инициатором этого издания в год юбилея ученого. Следует отметить также и переиздание в 2009 г., т.е. тридцать с лишним лет спустя после первой публикации, учебника об истории латинского письма: Zarządziejówpismałacińskiego. Warszawa, 2009 (1-е издание в 1973 г.). Кроме того, в 2006 г. ученики Гейштора выпустили второе издание классического труда о славянской мифологии, дополнив текст 1982 г., предназначенный для широкой аудитории, научным аппаратом и комментариями, сохранившимися в рукописях ученого: MitologiaSłowian. Warszawa, 2006.

альность работ Гейштора можно подтвердить и формальным критерием: ни одно солидное исследование по истории Польши, Центральной и Восточной Европы эпохи Раннего средневековья не обходится без отсылок к его сочинениям. Зачастую, это цитирование не ограничивается простой демонстрацией осведомленности автора в библиографии предмета изучения, но становится отправной точкой для полноценной научной полемики.

Будучи настоящим ученым-исследователем, Гейштор видел свою миссию и в просвещении, стремясь не только сохранить культурное и интеллектуальное наследие, но и открыть его для максимально широкой аудитории, сделать историю публично привлекательной и притягательной сферой знания. Научные исследования и преподавание были для Гейштора социально значимым занятием, а история – важнейшим элементом формирования национальной и культурной идентичности, инструментом сохранения и развития народа. Ни в коей мере, однако, он не желал использовать ее как лекарство для врачевания национальных язв и фрустраций.

К. Модзелевский, ученик Гейштора, известный ученый и активный участник демократического оппозиционного движения, в мемориальных сборниках 2016 г., упомянутых выше, ставит его в ряд выдающихся польских историков, сформировавшихся в межвоенный период и в годы Второй мировой войны. Пережив травму немецкой оккупации и сохраняя память о трагическом опыте предков, живших в условиях утраты государственности, они сознательно выбрали после войны путь компромисса с властью, обеспечивавшей сохранение польской государственности и культуры. Путь открытой борьбы с национальным (против «вассальной зависимости» от СССР) или политическим (за справедливый социализм или демократию) подтекстом казался им губительным, требующим новых жертв и ведущим к финальному поражению. Романтическому идеалу национального героя они предпочли иную модель сохранения нации, которую Модзелевский называет «позитивизмом».

Свою задачу они видели в восстановлении того, что было уничтожено в годы войны, в сбережении человеческого потенциала, в развитии национальной культуры, образования, просвещения. Гейштор и ученые его поколения возрождали институциональную инфраструктуру и поддерживали научные контакты, которые на протяжении столетий связывали Польшу с большим миром европейской культуры. Им удалось сохранить непрерывную преемственность поколений в польской гуманитарной науке: сохраняя память о своих предшественниках и учителях, они передавали накопленный ими исследовательский опыт своим ученикам. Авторитет великой позитивистской традиции не был дискредитирован в процессе зачастую насильственного насаждения коммунистическими властями марксистских теорий и методов в практику исторического анализа.

Заслугой Гейштора и подобных ему ученых было не только сохранение и сбережение наследия, но и создание огромного корпуса но-

вых научных работ, совершенствование традиционных приемов критического исследования, расширение проблематики и аналитического языка историографии. Интеллектуальный контекст 1960-х – 1970-х гг. дал мощный импульс развитию польской гуманистики, что позволило историкам послевоенного периода обнаружить фундаментальные сочинения, главным образом, медиевистические, которые по масштабу материала, изученного и вовлеченного в научный оборот, заняли достойное место в ряду классических трудов польской науки²².

22 В речи по случаю смерти в 2010 г. познанского историка Г. Лабуды (ровесника Гейштора и его многолетнего товарища в научной и общественной работе) Кароль Модзелевский, используя традиционную метафору, называет Лабуду, Гейштора и «своих учителей» в целом гигантами, на плечах которых расположились их ученики. Без их усилий по воспитанию и обучению нескольких поколений молодых поляков было бы невозможно на рубеже 1980-х – 1990-х гг. осуществить кардинальные преобразования в стране и придать им прочность и основательность. Modzelewski K. PożegnanieGerardaLabudy // Nauka. 2010. N 4.S. 189-190.

ALEKSANDER GIEYSZTOR – LIFE AS A SCHOLARLY FEAT. THE REVIEW OF PUBLICATIONS FOR THE CENTENARY OF THE HISTORIAN.

Paramonova Marina,

Dr.habil, senior researcher at the institute of world history
Russian academy of sciences
Leninsky PR-t, d. 32 a, Moscow, Russia, 119334,
sokol@igh.ras.ru

Abstract

Aleksander Gieysztor – was one of the greatest and prominent Polish historians of the second half of the 20th century. He was born in Moscow at 1916 and died in Warsaw at 1999 where he lived and worked since 1921. It is highly symbolic that on the occasion of his centenary two volumes of essays were published in Moscow and Warsaw. These volumes contain the memoirs and biographic essays of the scholars and colleagues about Gieysztor and the analyses of his investigation dedicated to the history of medieval culture and society. For international scholarly community Gieysztor represents the best features of the great person who all his live was deeply involved in academic and social activities. His achievements were recognized in Poland, Europe and all over the world.

Keywords

Historiography, medieval history and culture, culture and society in Poland, international academic community

УДК 504.75
ББК 28.080

ЧЕЛОВЕК И ЕГО БУДУЩЕЕ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ¹

Фесенкова Лидия Васильевна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Институт философии РАН,
ул. Гончарная, д.12, г. Москва, Россия, 109240,
e-mail: lvfes@mail.ru

Аннотация

В статье обсуждается современная экологическая ситуация, модели устойчивого развития и представления о ноосферном пути человечества. Рассматриваются экологические модели, использующие представления о разумности человека и его гуманизме. Утверждается, что актуальной задачей современности является изменение мировоззрения человека, его ценностных ориентиров.

Ключевые слова

Защита природы, гуманизм, разум, устойчивое развитие, ноосфера, новое мировоззрение.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00034 «Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий».

Современное состояние научного знания дает возможность ученым высказывать разные взгляды на природу человека и его сознания. Сама гетерогенность и разветвленность современного материала о человеке позволяет рассматривать его в разных ракурсах. Это порождает многоголосие в его понимании. Поэтому неудивительно, что в науке и философии функционируют самые различные концепции человека.

В любой концепции человека мы обнаруживаем глубинный слой представлений о его сущности, который служит исходным основанием и предшествует теоретическим изысканиям по проблеме человека. Процессу изучения человека всегда предшествует мысленная конструкция - характеристика его сущностных свойств, априорная по отношению к последующему исследованию. Каждое учение о человеке выби-

рает из всего гетерогенного материала в качестве самых важных, главных свойств, нужные характеристики и кладет их в основание. Выбор зависит от мировоззренческих установок исследователя.

Сущность человека всегда преднайдена. Вокруг нее происходит интеграция других характеристик и свойств человеческой природы. П.С. Гуревич считает, что каждая теория о человеке становится прокрустовым ложем, на котором эмпирические факты подгоняются под заданный образец.

Изначальная мировоззренческая установка, таким образом, задает видение природы человека. Например, с точки зрения марксизма, главным является его социальность. Все многообразные свойства человека, так или иначе, определяются существованием среди людей, взаимодействием с ними. Поэтому для марк-

систа, разрабатывающего проблему человека, прежде всего, возникает задача: исходя из учения о социальной сущности человека, воссоздать его целостный образ, соединяя и интегрируя конкретно-научные результаты исследования о нем.

А для Тейяра де Шардена центральным системообразующим принципом является связь человека с Богом: «Это Ты Сам, с которым я встречаюсь, Ты, Который создал меня, чтобы я мог участвовать в Твоей жизни, и для этого Ты изготовил меня Твоими собственными руками»¹. Ученый считал, что личность человека бессмертна и служит вселенской Божественной Цели. Он строил свою концепцию человека, исходя из этого мировоззренческого постулата.

Ницше считал, что сущностным свойством человека является воля к власти, Фрейд - сексуальный инстинкт. Для Паскаля человек всего лишь мыслящий и сознающий тростник - величина ничтожно малая, но само сознание своего ничтожества делает его великим. Для Достоевского важны те свойства человека, которые подчеркивают его сложную, «апокалиптическую» природу. П.П. Гайденок считает, что человек по своей природе есть существо нравственное, а потому этические принципы имеют самостоятельное значение и не могут сводиться ни к каким природным предпосылкам. Она утверждает, что духовное, нравственное начало составляет фундамент человека и человечества. В. С. Степин подходит к человеку как объекту космической эволюции, полагая, что он закономерный и естественный этап в развитии Вселенной, ответственный за состояние мира, в который сам человек погружен².

До сих пор не выработано единого мнения о том, что считать главным в человеке. Б.Г. Юдин и В.Г. Борзенков отмечают, что не решен даже вопрос о выдвижении той или иной научной концепции в качестве кандидата на роль стержня при интеграции данных всех других наук в единый теоретический образ человека³.

¹ Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1965.

² Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей. М., 2002.

³ Борзенков В.Г., Юдин Б.Г. Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека. М.: Наука, 2001. С. 26.

Этот вопрос является предметом острых дискуссий. Так что, сегодня единой теории человека не существует.

На какой же образ человека ориентированы экологические модели?

Анализ конструкций экологических проектов показывает, что все они построены на предпосылке о разумности человека и его гуманизме. Эта предпосылка составляет исходное основание любых экологических моделей. Во всех работах, посвященных выходу из экологического кризиса, ориентация на разум и гуманность выступает в качестве самоочевидного постулата. Эта исходная установка не анализируется, а просто принимается, как само собой разумеющаяся.

Откуда такая всеобщая убежденность в разумности, доброте и гуманности человека? Я полагаю, что это проистекает из архетипической потребности человека в самоутверждении и из архетипической надежды на построение идеального общества.

Мы имеем бесчисленное количество моделей человека будущего и будущего общества. Поражает единообразие этих представлений. Платон, Кампанелла, Томас Мор, и другие авторы таких моделей... Разные века, разные эпохи. А основания представлений о будущем идеальном обществе не меняются. Даже ноосферная теория Вернадского построена на мировоззренческих посылах, берущих свое начало в эпохе Просвещения. И в нашу эпоху мировоззренческие основания современной научной экологии также ориентированы не на реальность, а на конструкции гуманистического человека. Это значит, что в основании экологических проектов лежит утопия.

Какое положение с экологическими прогнозами сложилось на сегодняшний день? Грозные признаки приближения экологической катастрофы становятся все очевиднее. Ученые предупреждают об изменении климата, вследствие усиления парникового эффекта, о смертоносности озоновых дыр, об отравлении атмосферы аммиаком, вследствие таяния вечной мерзлоты в тундрах и о том, что при нынешнем темпе развития технологической цивилизации существо-

вание человечества может быть исчислено лишь немногими десятками лет.

Что делает человечество для предотвращения гибели природы и своей собственной гибели? Какие пути выхода ищутся экологической мыслью человека?

Наиболее принятый в научной среде путь выхода связывается с концепцией «моделей устойчивого развития». Это направление совмещается с представлениями о «ноосферном» пути развития человечества, провозглашаемым Вернадским.

Учение Вернадского о ноосфере в своем основании содержит представления о главенствующей роли человеческого разума в биологических и социальных процессах. Это означает, что из всех возможных подходов к «главному» (сущности) в человеке Вернадский выбрал именно тот, который сформировался еще в эпоху Просвещения и Нового времени. Это человек Гольбах, Руссо и Вольтера, когда Разум выступает как сила спасающая и созидаящая. Эта сила дает возможность построения идеального общества – общества справедливости и добра. Такой подход к сознанию и сущности человека был широко распространен в общественном менталитете XIX – XX веков и подхвачен современной экологической мыслью.

Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах ученых нашего времени. Так, Н.Н. Моисеев писал: «дальнейшее развитие и благополучие вида хомо сапиенс требует очень точной согласованности характера эволюции человеческого общества, его производительных сил и развития природы..., обеспечение согласованности природной среды и общества может быть осуществлено только Разумом и волей Человека»⁴. Ученый полагал, что перед человечеством стоит цель превращения биосферы и общества в единый организм для обеспечения гомеостаза человека и дальнейшего развития общества. Для этого необходимо обеспечить коэволюцию человека и биосферы, нужно создать новые основы нравственности. Необходимо создать новую мораль.

⁴ Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 40-41.

Сходные мысли высказывает и В.С. Степин «Я исхожу из того, ... что преодоление глобальных кризисов потребует изменения целей человеческой деятельности и ее этических регулятивов». «У человечества есть шанс найти выход из глобальных кризисов, но для этого придется пройти через эпоху духовной реформации и выработки новой системы ценностей»⁵. Такие же идеи развивает Э.В. Гирусов, полагая, что смена мировоззрения и становление новой системы ценностей, является основной осью современной экологической культуры⁶.

Сама идея перестройки сознания человека вошла в арсенал экологической мысли. И.Т. Фролов, В.С. Степин, А. Печчеи, А.Л. Яншин, Н.Н. Моисеев, И.К. Лисеев, Ю. Олейников, А.Д. Урсул, А.Т. Шаталов и др. – все пишут о необходимости изменения глубинных предпосылок поведения человека, смены его представлений о своей роли в мире и о смысле собственного существования и направленности жизнедеятельности современного человека, которую сегодня предопределяет установка на овладение миром.

Итак, актуальной задачей экологии является изменение мировоззрения человека, его ценностных ориентиров. Задача, которая ставится перед экологией, – переворот в массовом сознании. Переделать сознание миллионов и миллиардов. Масштабы планетарные.

Но возможно ли выполнение такой задачи современной экологией?

Надо помнить, что человек, стоящий перед экологической катастрофой, отягощен утопическими представлениями и иллюзиями. И более того, современный человек не хочет видеть реальность. И, чем ближе мы к экологической катастрофе, чем страшнее и неотвратимее надвигаются на нас ее грозные признаки (наводнения, таяние ледников в Антарктиде, парниковый эффект и т.д.), тем охотнее современное человечество хватается за обманчивые призраки. Процесс создания мифологем с использованием эволюционных представлений все разрастается и превращается в ряде случаев в околонуточные

⁵ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.

⁶ Гирусов Э.В. Экологическое знание как теоретическая составляющая новой этики и культуры / Связь времен. М., 2002.

фантазии. Мы видим, что работа над экологическими проблемами неизбежно сталкивается с задачей преодоления спонтанно возникающих утопических конструкций. Но обратимся к реальности и посмотрим, что же происходит вокруг нас. Мы увидим, что вектор развития цивилизации (ее промышленности, культуры, бизнеса и даже образования) имеет направление отнюдь не на остановку кризисных явлений, сотрясающих планету, а, напротив, на их всемерное развитие. Стоит только прислушаться к СМИ, которые раздувают потребительские инстинкты масс, имея в своем фундаменте интересы промышленных магнатов разных стран и, в конечном счете, провоцирующим разрушение среды. Все предупреждения «остановиться, пока не поздно» не дают практического результата. Призывы беречь природный мир остаются лишь на бумаге. Активная деятельность человечества по использованию природы для сиюминутных нужд техногенной цивилизации, а фактически по дальнейшему ее истреблению, не уменьшается. Научные разработки, доказывающие губительность революционного самоуправления по отношению к природе, остаются не услышанными большинством человечества.

Но, в то же время, мы видим активность экологической общественности: выступления в Римском клубе 1972 г., экологические декларации, экологические манифесты, дискуссии о правах природы, заявления лидеров ведущих стран мира о необходимости уменьшения деструктивной деятельности человека, призывы к сохранению природы.

Модели устойчивого развития, разрабатываемые теоретиками Римского клуба, построены на представлениях о разумной природе человека (А. Печчеи и др.) В своих проектах трансформации сознания они опираются именно на гуманистическую концепцию человека, на его внутреннюю доброту, на утверждение, что все злое в нем связано с социальным воздействием, что человек по природе добр и альтруистичен. Отсюда вытекают провозглашаемые ими идеи «гуманистического сознания» и гуманистической революции.

Благородные слова! Гуманистические намерения! Какой утопичной выглядят вся эта словесная экодемагогия (термин академика Г.А. Заварзина) среди вакханалии бурной, деловой деятельности монополий по разрушению природы.

Ведь в действительности – это мифы, которые вырастают сегодня в грозную опасность. Они маскирует реальность экологической катастрофы и ложными картинками ноосферного будущего, а также моделями устойчивого развития, успокаивают сознание масс, в то время как реальная катастрофа неотвратимо приближается к концептуально незащищенному человечеству. Эти романтические мифы сегодня противостоят реальности.

Необходимо помнить, что опасность существования этих мифов в массовом сознании не преодолена, что многочисленные утопические конструкции, вырастающие, как грибы, на основе прекраснотушной идеи о совершенствовании альтруистических свойств человека, по-прежнему нависают над человечеством. Они внушают ложные иллюзии, строят фантастические способы решения глобальных проблем, уводят от поиска реальных путей преодоления кризисной ситуации. С увеличением экологической опасности возрастает и опасность утопизма в подходе к решению экологических проблем.

Нужно осознать, что защита природы от агрессии человека отнюдь не в декларативном провозглашении ее прав (например, прав камня или туберкулезной бактерии). Эти эфемерные права никого не удержат от насилия над ней. Не удержит и чуждая европейскому сознанию идея «Ахимсы» (непричинение зла природе), за которой стоят пантеистические религии Востока.

Удержит лишь новое миропонимание и мироощущение, которое даст ясное понимание места человека в природе – ощущение каждого своей «вписанности» в природу, зависимости от нее, понимание своей связи с каждым живым организмом. Это новое ощущение человека не как хозяина природы, а как ее элемента, осмысление себя не вне природы, а внутри нее, должна нести новая парадигма, построенная

как на эволюционных, так и на системных представлениях о мире. При этом любая программа усвоения массами новой парадигмы должна опираться на программу борьбы с мифами. Поэтому первым этапом работы по теоретическому развенчанию утопических моделей благого экологического будущего (например, ноосферы) должна стать их критика с последующим построением новой парадигмы.

И здесь встает огромная проблема - проблема психологии массового сознания. По нашему глубокому убеждению, центральной задачей по созданию стратегий выживания становится сегодня исследование человека и его психики, законов индивидуальной и социальной психологии.

Так, экологическая проблематика выходит на труднейшую проблему, наиболее сложную в деле преодоления экологической опасности,

(учитывая потребительский характер современной культуры) - проблему внедрения новой морали и нового мировидения и мироотношения в сознание миллионов. Таким образом, трудность не только в разработке системы ценностей, необходимых для спасения человечества (таких концепций предостаточно!), а в том, как внедрить ее в сознание миллионов, какими средствами гуманизировать человечество в планетарном масштабе.

Итак, на сегодняшний день положение выглядит следующим образом: с одной стороны, продолжается глобальное разрушение природы (которое провоцируется безудержной жадностью накопительства) и нарастание кризисных явлений. А с другой стороны, этому противостоит человек со своим разумом и своей наукой. Противостоит экологическая мысль человечества, напряженно ищущая путь спасения.

Список литературы

1. Борзенков В.Г., Юдин Б.Г. Методологические основания комплексного изучения человека // Многомерный образ человека. М.: Наука, 2001.
2. Гирусов Э.В. Экологическое знание как теоретическая составляющая новой этики и культуры / Связь времен. М., 2002.
3. Моисеев Н.Н. Человек во Вселенной и на Земле // Вопросы философии. 1990. № 6.
4. Степин В.С. Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей. М., 2002.
5. Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.
6. Тейяр де Шарден. Феномен человека. М., 1965.

MAN AND HIS FUTURE IN THE ECOLOGICAL PERSPECTIVE

Fesenkova Lidia Vasilievna,

PhD in Philosophy Senior scientific employe,
The Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Goncharnaya Str. 12, Moscow, Russia, 109240.
e-mail: lvfes@mail.ru

Abstract

The article discusses the current environmental situation, sustainable development models and ideas of noosphere of mankind's ways. Examines the ecological models that use ideas about the reasonableness of man and his humanism. Argues that the urgent task of our time is the changing mentality of man, his value orientations.

Keywords

Sewn of nature, humanity, intelligence, sustainable development, noosphere, a new worldview.

УДК 316(082.1)
ББК 60.5

ОБРАЗЫ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ МОДЕРНА И ПОСТМОДЕРНА

О.В. Чистякова

доктор философских наук, профессор,
Профессор кафедры социальной философии
Факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
e-mail: olgachis@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются концептуальные философско-антропологические образы человека двух эпох исторического развития – модерна и постмодерна. Сущность человека представлена с точки зрения включенности личности в культуру этих периодов. Анализируются основные характерные черты культуры модерна и постмодерна во взаимосвязи с изменением жизнедеятельности человека и возможностей его социокультурной идентификации. Прослеживается влияние масс-медиа на личность и общество постмодерна, отмечается радикально изменившийся характер реальных социальных взаимосвязей модерна в сторону симулятивных взаимоотношений в виртуальном пространстве постмодерна.

Ключевые слова

Человек, масс-медиа, культура модерна и постмодерна, постчеловек, симулякр, социальное, медиатизация, Ж. Бодрийяр, З. Бауман, М. Маклюэн.

Целостное рассмотрение человека возможно только в его представленности в эпохе, в глубине темпорально-пространственного космоса, который объемлет личностную историю каждого индивида. Причем человек «высвечивает» своей жизнью состояние общества и те условия культурного бытия, в которых протекает его деятельность. Придерживаясь позиции, что современная история общественного развития проходит стадии «модерн» и «постмодерн» с соответствующими качественными изменениями во всех сферах (экономической, политической, социальной, культурной), отметим, что человек модерна есть имманентный «продукт»

своего времени с возникающими концептуальными обоснованиями и нарративами, а человек постмодерна нечет отпечаток своей эпохальной истории и радикально изменившегося состояния общества. Динамика движения от модерна к постмодерну есть переход к социуму, обладающему качественно иными основаниями и характеристиками по сравнению с предшествующим. Глубокие и ускоренные трансформации этого движения отразились на изменившейся природе самого человека: человек постсовременности радикально отличен от человека модерна.

Говоря о человеке постмодерна, мы имеем в виду индивида/индивидов, «вращенного» именно этим периодом. Ведь можно жить в постмодерне, но быть представителем модерна или даже традиционного общества. Далее мы будем говорить о чертах человека, несущего отпечаток своего, постсовременного, времени; именно тех социокультурных процессов и противоречий, в которые он активно включен, и которые затрагивают его, если даже индивид не является причиной их возникновения и не имеет шансов для разрешения тех или иных коллизий. При этом совершенно неважно, как терминологически определяется эта эпоха – «постмодерн», «второй модерн», или завершается окончанием «...изм». Важны прежде всего качественные, идентифицирующие основания сущностной определенности человека и той социальности, в которую «вписана» его жизнедеятельность. Совершенно очевидно, что современная эпоха значительно изменяет состояние человека, его способ деятельности и восприятия окружающего мира, рефлексивные формы и технологические средства получаемого знания.

Споры о постмодерне и постмодернизме в компаративистике с модерном возникают с момента зарождения самих терминов и первых признаков постмодерна. В истории философской и культурологической мысли выделяются парадигмы, представляющие теоретическое и методологическое обоснование трансформаций общества в его движении к качественно новому состоянию. Современное поколение социальных теорий – «нелинейная метапарадигма постмодерна» – связана, по мнению российского ученого С.А. Кравченко, с исследованиями «нелинейной социокультурной динамики»¹, которая является характерным признаком постмодерна.

Философско-культурологический дискурс модерна и постмодерна содержит и антропологические вопросы, рассматривает проблемы бытия человека в усложняющемся противоречивом мире. Следуя некоторым теоретическим обоснованиям социумов модерна-постмодерна,

¹ Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: старое и новое видение // Социологические исследования. 2007, № 9.

попытаемся обнаружить в них концептуальные очертания видения человека, тесно связанного со своей эпохой и изменяющегося имманентно общественным трансформациям при переходе от модерна к постмодерну.

Единую логику модернизации раннего периода модерна теоретически выражали выдающиеся мыслители той эпохи – К. Маркс (концепция овеществления), М. Хайдеггер (концепция превращения мира в картину), П. Сорокин (концепция динамики чувственной культуры). Сходство их взглядов выражается в идеях отчуждения человека в предметах и артефактах, надления существованием и смыслом лишь чувственной реальности, «расположения сущим как обладание вещами этого мира» (Д. Иванов). Именно поэтому «овеществление общества», когда отношения между людьми принимают форму отношений между объектами и становятся доминирующими, можно отнести к сути процесса модернизации рассматриваемого периода. Наука постепенно конституируется как автономная сфера общества и превращается в самостоятельный комплексный атрибут социальной реальности. Общество вступает в следующий период, означенный как «поздний», «радикальный», модерн (З. Бауман).

Эпоха «позднего», «второго модерна» находит несколько иное теоретическое осмысление в работах философов, социологов, культурологов. Современные приверженцы теории поздней модернизации для отражения произошедших радикальных социальных трансформаций предлагают использовать такую терминологию, как «отложенный модерн» (А. Малаин), модерн как «сложное пространство и сложное время» (Дж. Макдоналд), «первый и второй модерн» (К. Леккарди), «вторая современность» (У. Бек), «рефлексивный модерн» (Э. Гидденс), «тяжелая и текучая современность» (З. Бауман). Тем самым они подчеркивают преемственность и, в то же время, резкое отличие от предшествующих обществом раннего модерна.

Модерн в качестве объекта рефлексии мыслителей показывает, как происходящие процессы разрушают и «переплавляют» устойчивые прежде коммуникативные взаимосвязи и ин-

ституциональные структуры. Например, рассмотрение современности Ю. Хабермасом в качестве «незаконченного проекта» предполагает завершение процессов модернизации общества. Он считает, что необходимо рационализировать современный «жизненный мир», восстановить коммуникативное взаимопонимание в системе пространства изменившейся реальности. В своей статье «Модерн – незавершенный проект» Ю. Хабермас исторически обосновывает понятие «модерн»: оно всегда выражало «сознание эпохи» в процессе «осмысления себя самой – как результат перехода от старого к новому»². Осознавать себя современным, т.е. современным, соответствующим обновляющемуся «духу времени», можно в любую историческую эпоху – от античности до наших дней. Модерн, согласно Ю. Хабермасу, имманентно связан с духом времени и находит свою выраженность в соответствующих классических теориях. Таким образом, философ не признает уход модерна с исторической сцены и говорит, что проект модерна не исчерпан, нам следует «скорее извлечь уроки, чем признать поражение модерна и его проекта»³.

Постмодернизм, как особая форма философии конца XX – начала XXI столетия, проводит разделительную границу с периодом Просвещения в его выделении личности как «целостно-центричного существа, унифицированного индивида с единством разума, сознания и деятельности»⁴. В модерне человек и его уникальность концентрировались в определении понятия «личность». В постмодернизме субъективность растворяется в социальности, которая также исчезает, превращается в иные формы, дает рост чему-то принципиально иному.

В сопоставлении с предшествующим модерном, человек постмодерна – радикально другой,

² Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. Речь по случаю вручения премии имени Адорно, учрежденной городом Франкфурт-на-Майне, 1980 // www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php. С. 2.

³ Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. Речь по случаю вручения премии имени Адорно, учрежденной городом Франкфурт-на-Майне, 1980 // www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php. С. 15.

⁴ Hill, John. Film and postmodernism // The Oxford Guide to Film Studies. Edited by John Hill and Pamela Gibson. – Oxford University Press. London, 1998. С. 97.

более того, он являет собой феномен новой модели жизни. В учениях постмодернистов субъект «делится» на множество функций, плоскостей, социальных и личностных ролей, что, возможно, связано с разделением общественной жизни на различные сферы (политика, экономика, культура), которые ослабляются, растворяются, превращаются в другие типы, становятся «эффемерными» (Ж. Бодрийяр), медиамифологическими. Вступают в права языковые нарративы (Ж.Ф. Лиотар), свобода и субстанциональность человека отходят на второй план.

Общество эпохи постмодерна становится дискретным, фрагментарным, логика единой связи нарушается. Жизнь человека также фрагментарна: на поверхность явлений выносятся короткие жизненные периоды, презентующие сиюминутность настоящего с кратковременными личностными целями. Однако эта сиюминутность даже с целевой устремленностью в будущее в любой момент может смениться, стать прошлым и незначимым. Размывание социальных институтов, дерегулирование и дезинтеграция их структур приводит к тому, что человек постоянно находится в поиске нового самоопределения, новых путей жизнедеятельности, вынужден формулировать новые образы и смыслы существования, приобретать новые типы идентичности. Происходит это столь быстро и часто, что существование человека превращается в жизнь «на распутье», цепь разнонаправленных движений, где только чрезвычайным усилием воли он может довести поставленную цель до конца. Такое неустойчивое, зыбкое состояние общества с радикально изменившимися институциональными характеристиками привело к тому, что «социальное» в постмодерне следует рассматривать качественно в другом ракурсе.

Социолог Н. Гаин из Великобритании, рассматривая общество постмодерна сквозь призму радикально иных социальных отношений, говорит о возникновении «постчеловека» или «цифрового человека»⁵, который выступает атрибутом постсовременного времени. Техно-

⁵ XVI World Congress of Sociology. Abstracts. ISA 2006 Congress. The Quality of Social Existence in a Globalization World. – Durban South Africa: Guide to Discovery, 2006. С. 86.

логии до такой степени усиливают власть над человеком, что последний не может больше рассматриваться как полноправный субъект общества. Само общество и личность теряют свои прежние социальные характеристики. «Цифровой» человек становится символом эпохи постмодерна.

Весьма значимыми представляются выведенные британским философом З. Бауманом рефлексивные образы человека в социальной и личностной динамике при переходе общества от эпохи «модернити» к «радикальному модерну» или постмодерну. В книге «Индивидуализированное общество» мыслитель противопоставляет предшествующее и современное общество в категориях «модернити» и «постмодернити». В другом своем произведении «Текущая современность» он применяет категории «тяжелая современность» и «легкая, текучая современность» для описания процесса трансформаций обществ модерна и постмодерна. Однако, применяя термин «постмодернити» для характеристики сущностных оснований сегодняшней объективной реальности, З. Бауман рассматривает ее как особый этап «модернити», а не как совершенно иную стадию общественного исторического процесса.

Радикальная трансформация эпохи модернити начинается, согласно З. Бауману, с середины XX столетия и приводит к социальному порядку с качественно новыми принципами и формами бытия. Сравнимая этапы «модернити» и «постмодернити», философ анализирует этот переход с точки зрения социальных последствий и воздействий на человека, на его культурную идентичность, на индивидуальную адаптацию к динамично изменяющимся условиям. Такой подход видится нам как своеобразная методология, позволяющая рассматривать эпоху постмодерна в качестве «индивидуализированного общества». В рассмотрении этого общества важнейшим становится взаимосвязь изменившейся природы человека, его самоощущений, возможностей и глубинных общественных процессов.

«Индивидуализированное» общество предполагает разрыв привычных социальных взаи-

модействий, устоявшихся традиций и самоощущений человека. Согласно З. Бауману, «индивидуализация», как основополагающая характеристика социального бытия, была свойственна уже эпохе модерна, но более отчетливые формы она приобретает в «постмодернити». Он характеризует «индивидуализацию» как непрерывный «всепоглощающий» процесс, освобождающий человека от «предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли»⁶, той устойчивости и определенности, которой человек обладал в предшествующий период раннего модерна.

Деятельность человека в эпоху модернити была настолько стационарно закреплена, что в большинстве случаев человек стремился не к поддержанию определенности и устойчивости, а к их преодолению. Отсюда, видимо, выводы Баумана о «тяжелой модернити», обуславливающей жизнь человека в неизменном положении. Статус индивидов в обществе «растекающейся модернити» (позднего модерна или постмодерна), рабочие места, к которым они могут получить доступ, возможности и перспективы человека быстро трансформируются и уже не могут надежно служить в качестве целеполагания жизни. «Нечеткость», «хрупкость» целей, утрата устойчивого положения, неопределенность будущего – это черты поздней «модернити», предопределяющей переход в эпоху «постмодернити».

Несмотря на то, что в текстах Баумана сохраняется некоторая неопределенность и противоречивость относительно времени и условий «перетекания» «тяжелой» модернити в «легкую», «летучую» (т.е. в «постмодернити»), тем не менее, сущностные основания этих двух типов реальностей выделены З. Бауманом четко и объективно. Он ухватывает глубинные изменения, происходящие в современном мире, в частности, в сферах информационной, сетевой, медийной. «Та современность кажется “тяжелой” (по сравнению с нынешней “легкой” современностью); а еще лучше – “твердой” (в отличие от “жидкой”, “текучей” или “расплавленной”);

⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос. 2005. С. 178.

плотной (по сравнению с диффузной или “капиллярной”) и, наконец, системной (в отличие от сетевой)... Эта тяжелая/твердая/плотная/системная современность эпохи “критической теории” таила в себе тенденцию к тоталитаризму..., и именно личная свобода и независимость, как ожидалось, должны были стать главными жертвами этого крестового похода»⁷.

Модернити – это институциональная историческая эпоха; это – «институт, устанавливающий правила». Утвердившаяся структурная организация модернити была несовершенна, но все же социальное было облечено в институциональные и законодательные формы. Постмодерн, на наш взгляд, во многом утрачивает черты институционального общества, поскольку лишен многих традиционных устойчивых структур модерна – государственных, общественных, политических, экономических. Постмодерн в своих основах не институционален. Именно поэтому постмодернисты отмечают в своих работах такие характерные процессы этого периода, как размывание институциональных форм, «исчезновение» социального и появление его в новых, ранее не существовавших формах, фрагментарность и индивидуализацию современного общества. Формы общественной жизни более напоминают симуляции прежних связей, а привычные принципы бытия потеряли общезначимый смысл и моральные основания.

Необходимо подчеркнуть, что «наступление» посмодерна связано не только с индивидуализацией человека, но и с углубляющимися процессами его идентификации. Проблема идентичности в настоящую эпоху проявляется наиболее остро, изменяя свой облик и содержание. Теперь идентификационные основания личности суть результат разрушения прежних форм социальной жизни. Размывание прежде устойчивых социальных институтов обусловило большую долю неопределенности в деятельности человека, концентрированную эпизодичность его личностной истории. Социальное время теперь по-новому осознается и «переживается». Важнейшей характеристикой «состоя-

⁷ Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер. 2008. С. 32-33.

ния постмодернити» является то, что оно сжимает время и сокращает восприятие бесконечно расширяющегося его потока до ощущения текущего мгновения. Ощущение быстротечности и бесконечной сменяемости моментов-эпизодов жизни приводит к тому, что человек перестает чувствовать себя хозяином и творцом внешних условий своего существования.

Действительно, процесс утраты человеком контроля над значимыми социальными и личными событиями углубляется; нарастает понимание незащищенности, неопределенности перед лицом неподконтрольных перемен. Диссонанс с унаследованными от прошлого периода ощущениями стабильности, внутренней уверенности в собственной необходимости обществу, надежности и перспективе своего существования становится все более ощутим. Вместо традиционно обозначенных ориентаций в мире (по выбору профессии, получаемому образованию, нравственной и религиозной самооценке и т.д.) приходит неустойчивость, хаотичная рассредоточенность социальных ролей, атомизация и дезинтеграция социального пространства. Человек находится в обществе, где разрушены прежние взаимосвязи, модели поведения, где весьма условно само понятие ценности, т.к. в бесконечном рассеянии, дроблении, воспроизводстве искусственных артефактов исчезают критерии ценностей и аксиологические оценки. По образному замечанию Ж. Бодрийера, культура, средства массовой информации, реклама достигают в таком обществе состояния «ксерокса»⁸.

Субъект в таком обществе вынужден ежедневно выполнять множество социальных ролей, похожих, скорее, на специфические «игры» с быстрым и неумовимым изменением правил и форматов этих «игр». Ж. Лиотар называл их «языковыми играми». Стабильность и успех человека теперь зависят от того, насколько быстро он способен сломать собственные модели поведения и включиться/подстроиться под новые правила игры, об изменении которых его, как правило, никто не уведомляет.

⁸ Бодрийер Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009.

Отметим, что такого рода способ бытия преподносится (прежде всего медийными средствами) в эпоху «постмодернити» как естественный способ существования. Современное общество становится «обществом риска», но не только экономического, но и ментального, культурного уровней. Результатом этого общества является предельная субъективная индивидуализация, в которой индивид нацелен в своих помыслах и размышлениях только на самого себя, а остальные люди есть лишь часть враждебного мира, с которым надо найти возможности сосуществования, не впуская этот мир в себя и не становясь его имманентной частью.

Безусловно, объективные социальные процессы радикально трансформируют менталитет людей, но в то же время новый облик современного социума требует активности человека в большей мере, чем это имело место в эпоху модерна. Сегодня необходимо обладать возможностями контроля над ситуацией, социальными событиями, ресурсами, информационной сферой. Человек должен вернуть более или менее устойчивые представления о будущем, сделать свою жизнь надежной и предсказуемой. Ключ к решению проблем нужно искать в устранении причин, обуславливающих управленческую беспомощность существующих социальных и политических институтов, в устранении ощущения нецелесообразности и бессмысленности действий человека. Отношение к каждому члену общества как многогранной индивидуальности, заключающей в себя свою эпоху, – это, на наш взгляд, есть основная социальная задача постмодерна.

Рассматривая культуры модерна и постмодерна, необходимо акцентировать внимание на важнейшем процессе медиатизации социума, углубляющемся и расширяющемся в динамике трансформаций постсовременности. Человек постмодерна охвачен информационными потоками и включен в совершенно иные социальные взаимоотношения, нежели это было в эпоху модерна. Новые цифровые медиа, возникшие в конце XX в., благодаря сетевой мгновенной передаче информации, мощной стратификации и структуризации средств массовой коммуника-

ции, расширяющейся аудитории потребителей, постоянно циркулирующей информации, в начале XXI в. оформились в особый социальный институт и стали определять как жизнедеятельность всего общества, так и жизнь каждого человека.

Эпоха постмодерна сформировала самодостаточную и самофункционирующую (аутопийетическую в терминах Н. Лумана) систему по производству и передаче информации, которой не существовало даже в середине прошлого века. Подобного рода информационная машина формирует общественное сознание, одновременно скрыто манипулируя им и предоставляя реципиентам информации иллюзорные феномены «общественного мнения», зачастую «симулятивные», «гиперреальные» (Ж. Бодрийяр), относящиеся ко «второй», искусственно созданной медийной реальности (Э. Гидденс). Масс-медиа сформировали модель поведения человека, каждодневно ожидающего новостного потока информации. Изображения на экране оказываются и ожиданием мыслеобразов – рассуждений, рефлексивных форм, дискуссий, онлайн форумов. Если лишить нашего современника возможности получения медийных сообщений, нескончаемых мессаджей, то радикально изменится его поведение и уже устоявшаяся типология жизни. Этот момент ярко показал Ж. Бодрийяр в образе зрителя, ожидающего информации у телеэкрана: «Образ сидящего человека, созерцающего в день забастовки пустой экран своего телевизора, когда-нибудь сочтут одним из самых великолепных образов антропологии XX века»⁹. Характер коммуникаций между медиа и человеком специфичен и во многом симулятивен, поскольку реальное межличностное отношение заменяется общением индивида и технического устройства, человека и экрана. Человек постепенно привыкает к такому роду взаимосвязей, с детства возвращаясь подобиями форм социального общения и чувствуя глубокую необходимость в них в течение всей жизни.

⁹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000. С. 6.

Потребление непрерывно поступающей информации практически исключает критический анализ, рефлексию того, что преподносят масс-медиа. Создаваемые и непрерывно транслируемые модели мира воспринимаются в качестве «своих собственных», имманентно присущих сознанию конкретного индивида, пропущенных сквозь персональный опыт и знания, а потому, как представляется каждому человеку, обязательно объективных и истинных. Доминирование в обществе постмодерна масс-медиа существенно изменяет самоощущение человека, способы его восприятия окружающего мира, критические возможности осмысления получаемой информации. Общество становится подвластным всепроникающим медийным сообщениям и информации, как самодостаточной и самореализуемой институциональной силе. По сути, масс-медиа преподносят человеку не только то, что произошло в реальности, но и придают субъективный контекст содержанию сообщения, латентную оценку свершившихся фактов. Таким образом «реальная реальность» (в терминах Э. Гидденса) замещается в сознании человека иллюзорной, искусственно сконструированной масс-медиа. Так общество в традиционно-модерном его понимании, согласно Ж. Бодрийяру, постепенно замещается «киберпротезом» – виртуальной реальностью с доминированием медийных знаков-симулякров, мифологем СМИ, сетевым общением людей, симулирующим (правда, это не всегда плохо) реальное взаимодействие субъектов коммуникации.

В коммуникационном пространстве постмодерна – каждое информационное сообщение – это вариации кодов (по Ж. Бодрийяру) и личностная задача теперь заключается в декодировании/декодировании этой информации. Декодирование, однако, предстает в виде многообразной гаммы решений (каждый человек предложит свое видение проблемы, свою «расшифровку» сообщения и сделает свой индивидуальный выбор). Представители постмодерна утверждают, что наш способ общения с миром сходен в целом с чтением, с «селективной расшифровкой». Но тем самым мы также подвергаемся селекции со стороны средств ин-

формации. Самым блестящим социально-психологическим образцом, смоделированным воздействием масс-медиа, является, по мнению Ж. Бодрийяра, «общественное мнение – не ирреальная, но гиперреальная политическая субстанция, фантастическая гиперреальность, которая жива только благодаря монтажу и манипуляциям в ходе тестирования»¹⁰.

Смысловая значимость получаемых субъектом сообщений в постсовременную эпоху также определяется масс-медиа. Процесс восприятия и переработки информации человеком во многом регулируется способами, средствами, методами осуществляемого подбора содержания сообщений, монтажом, предшествующими опросами, поставленной целью, необходимыми результатами. М. Маклюэн этот процесс выразил в положении «Medium is message». Общественное мнение формируется планомерно и последовательно и зависит от целей его формирования и уровня/степени манипуляционного воздействия на общество информацией. «В таких условиях реальное взаимодействие между коммуникаторами и обществом, объективное отражение происходящих событий, создание альтернативных картин мира с принципами и ценностями бытия, отличающимися от представлений владельцев СМИ, достаточно затруднено, а иногда и невозможно. Именно поэтому социальное взаимодействие между масс-медиа и обществом превратилось в специфическую нарративно-лингвистическую игру, имитирующую и симулирующую реальность и объективность этого взаимодействия»¹¹. В результате человек сегодня практически не имеет возможности различить объективность в описании реальности и ее симуляционность, имитацию, тонкую подмену. Возникает проблема получения истинного знания, т.к. в информационном обществе постмодерна практически устранен «зазор» между истиной и ложью, объективностью и иллюзорностью.

¹⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009. С. 136-137.

¹¹ Чистяков Д.И. Динамика взаимодействия масс-медиа и общества в коммуникативном пространстве // Вестник МГИМО-Университета. – М. № 6 (33) 2013. С. 239.

Подчеркнем, что серьезные средства массовой коммуникации стараются транслировать объективную информацию, основываясь на стандарте истины и ценностно-нравственных оснований. Однако распознать истину в постоянном информационном потоке и создаваемых медийных продуктах очень тяжело или практически невозможно. Во многом это зависит и от многозначности вкладываемых содержательных посылок, значений, и от многообразия интерпретаций, расшифровки передаваемых сообщений, образов, смыслов. По сути, медийная информация, в каких бы формах она ни выражалась, приводит к бесконечности субъективных интерпретаций, неопределенности и дискуссионности в обсуждении передаваемого содержания.

Суммируя все вышесказанное отметим, что мир постмодерна гораздо более сложен для человека, чем предшествующий модерн. Философско-антропологические вопросы здесь по-

степенно заменяются технологическими; они как бы «конфискованы» машинами и новейшими техническими новшествами. Киберпространство, виртуализация размывают границы реальной жизни и технической симуляции, объективной реальности и ее иллюзорного образа. Индивидуализированное общество обусловило неустойчивость человеческой жизни. Противоречивый путь индивида наполнен неоправданными рисками, потерями личностной определенности и идентификации в вечном выборе необходимого решения.

Во всем этом хаосе жизненных условий и ситуаций человек все же должен оставаться человеком, сохранить себя и свой разум в окружающем мире. Убыстренное социальное время постмодерна, детерриториализованная культура, преобразованные институты, новейшие технологии должны изменяться и быть подвержены рационализации и личностной оценке наших современников.

Список литературы

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос. 2005.
2. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер. 2008. С. 32-33.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2000.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2009.
5. Кравченко С.А. Модерн и постмодерн: старое и новое видение // Социологические исследования. 2007, № 9.
6. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект. Речь по случаю вручения премии имени Адорно, учрежденной городом Франкфурт-на-Майне, 1980 // www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php
7. Чистяков Д.И. Динамика взаимодействия масс-медиа и общества в коммуникативном пространстве // Вестник МГИМО-Университета. – М. № 6 (33) 2013.
8. Hill, John. Film and postmodernism // The Oxford Guide to Film Studies. Edited by John Hill and Pamela Gibson. - Oxford University Press. London, 1998.
9. XVI World Congress of Sociology. Abstracts. ISA 2006 Congress. The Quality of Social Existence in a Globalization World. – Durban South Africa: Guide to Discovery, 2006.

THE IMAGES OF HUMAN IN MODERN AND POSTMODERN CULTURES

Olga Vasilievna Chistyakova

DSc in Philosophy, professor,

Professor of the Department of Social Philosophy

Faculty of Humanities and Social Sciences

People's Friendship University of Russia

e-mail: olgachis@yandex.ru

Abstract

The author discusses the conceptual philosophical and anthropological images of human in retrospect of historical development of the two eras - modern and postmodern. The essence of a human is presented in terms of the involvement of the individual in the culture of these periods. The author analyzes the main features of modernity and postmodernity in their connection to the changes of a human life and the possibilities of his socio-cultural identification. The author shows the influence of media having on the individuals and postmodern society, notes radical changes of the real social relationships of modernity floating to the direction of simulative relationships of the postmodern virtual world.

Keywords

Human, media, culture of modernity and postmodernity, posthuman, a simulacrum, social, mediatization, Jean Baudrillard, Zygmunt Bauman, Marshall McLuhan.

КУЛЬТУРА РЕГИОНОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 316(082.1)
ББК 60.5

ПОЛВЕКА ВСЕРОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ: ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЕНИЯ ВООПИИК В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ)

Слабуха Александр Васильевич,
кандидат архитектуры, профессор,
председатель совета Красноярского краевого отделения ВООПИИК,
член Центрального совета ВООПИИК,
профессор кафедры архитектурного проектирования,
Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041,
slabuha@mail.ru

Аннотация

В контексте условий российского законодательства в области культурного наследия с декларированным правом общественных организаций на содействие органам государственной власти в статье излагаются основные этапы локальной истории одного из региональных отделений в Сибири Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИИК), давшего начало современной системе государственной охраны культурного наследия. На примере отделения в Красноярском крае выявлены три основных периода в 50-летней истории – формирования и подъема, упадка, адаптации к изменившимся условиям.

Ключевые слова

ВООПИИК, Красноярское отделение ВООПИИК, историко-культурное наследие, охрана памятников, общественные организации.

Вопросы содержания исторического самосознания в последнее десятилетие становятся предметом широкого общественного обсуждения, интереса со стороны государства. Сегодня одной из сфер заметных проявлений общественной активности является охрана историко-культурного наследия.

Научные разработки региональных сибирских исследователей актуальной культуры трактуют роль историко-культурного наследия в широком диапазоне общественного пространства современной жизни – от: «историко-культурное архитектурное наследие как символы современного города»¹, – до: «историко-культурное наследие как один из объектов государственной культурной политики»².

Историко-культурное наследие рассматривается как предмет совместной деятельности государства и общества, общественных объединений, организаций, как важный фактор формирования национального самосознания народов, эффективное средство в образовательном и воспитательном процессах³.

Позиция государства к сфере взаимоотношений с общественными институтами по поводу культурного наследия изложена в основополагающих документах – Федеральном законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»⁴, «Основах государственной культурной политики»⁵. Вопросы общественно-государственного партнерства в сфере культурной жизни – стали предметом актуальных научных исследований⁶.

1 Копцева Н. П., Сертакова Е. А. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы // Урбанистика. 2015. № 2. С. 40-53.

2 Копцева Н. П., Лузан В. С. Государственная культурная политика в Сибирском федеральном округе. Концепции, проблемы, исследования. Красноярск, 2012. 183 с.

3 Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 53-58.

4 Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

5 Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

6 Басов С. А. О путях реализации принципа общественно-государственного партнерства в управлении сферой культуры // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 11-17.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в статье 8) закрепляет право общественных объединений содействовать органам государственной власти и органам местного самоуправления в государственной охране объектов культурного наследия.

В «Основах государственной культурной политики» одним из принципов государственной культурной политики провозглашено «делегирование государством части полномочий по управлению сферой культуры общественным институтам». Отдельно сформулирована задача по поддержке общественных инициатив в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации.

Изложенные положения напрямую относятся к одной из старейших общероссийских общественных организаций – Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры. В ее Уставе⁷ среди задач встречено закреплена позиция о «содействии органам государственной власти в реализации единой политики, в совершенствовании законодательства, в государственной охране, в контроле и надзоре, в выполнении государственных программ ... в сфере охраны, сохранения и популяризации объектов культурного наследия» (статья 5).

Каковы истоки формирования общественного движения по сохранению культурного наследия, пропаганде историко-культурных ценностей в регионах. Какова новейшая история становления общественного движения по выявлению и спасению лучших материальных образцов отечественной культуры в центре Сибири? Краткому рассмотрению этих вопросов посвящается настоящее исследование.

Красноярский край (охватывает территорию бассейна реки Енисей и занимает более 1/7 территории Российской Федерации) обладает

7 Устав Всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры», утвержден VI съездом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры 3 июля 1991 года; изменения внесены ... X съездом 28 июля 2012 года. Москва, 2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.voorik.ru/vooriik/documents/> (дата обращения 05.07.2016).

богатейшим культурным наследием, включающим 2006 зарегистрированных объектов ⁸.

Начало реального современного активного общественного движения по защите культурного наследия в Красноярске и крае связано, прежде всего, с Красноярским отделением Союза архитекторов СССР (КО СА), созданным в 1937 году. С начала 1960-х гг. вопросы по охране памятников архитектуры постоянно ставились на заседаниях правлений, общих собраниях, поднимались перед государственными и партийными органами. Проводились историко-архитектурные исследования – результаты докладывались на общих собраниях и правлениях КО СА.

Новым явлением для Советского государства, которое прежде рассматривало сферу охраны памятников, как неотъемлемую часть государственной политики и монополю ею управляло ⁹, стало Постановление Совета Министров РСФСР 1965 г. об организации Всесоюзного добровольного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) ¹⁰. В начале июля 1966 г. состоялся Учредительный съезд ВООПИиК, принят устав, в котором одной из главных задач определялось содействие государственным органам охраны памятников.

В том же году в Красноярске на Учредительной конференции было образовано Красноярское краевое отделение (ККО) ВООПИиК (далее – Общество). Значительную роль на подготовительном и начальном этапах работы по организации системы краевого отделения сыграло красноярское краевое управление культуры. В совет краевого отделения ВООПИиК вошли историки, археологи, архитекторы от отделения Союза архитекторов СССР.

Содержательное начало Красноярского краевого отделения осуществлялось в соответствии

⁸ Иванова А. С. О современных вопросах состояния культурного наследия в Сибирском федеральном округе и Красноярском крае – из опыта государственного доклада // Город, пригодный для жизни: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 12-14 ноября 2014). Красноярск, 2015. С. 212-218.

⁹ Лебедев А. И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1917-2010 годах. Уфа, 2012. С. 77.

¹⁰ Постановление Советом Министров РСФСР «Об организации Всесоюзного добровольного общества охраны памятников истории и культуры» от 23 июля 1965 г. № 882.

с утвержденным 6 июля 1966 г. на Учредительном съезде ВООПИиК Уставом: создание первичных организаций, выявление, охрана и изучение памятников истории и культуры на территории края.

Краевое отделение имело значительную поддержку государственных и партийных органов, и к концу 1960-х годов превратилось в многочисленную организацию – в члены Общества были вовлечены 25 тыс. человек, создано 400 первичных организаций, коллективными членами Общества объявили себя 180 учреждений, предприятий, учебных заведений ¹¹. В течение первых пяти лет созданы отделения во всех городах и большинстве районов края. Общая численность индивидуальных членов в краевой организации в отдельные годы составляла около 300 тысяч человек, коллективных – около 500. Председателями президиума краевого совета ВООПИиК избирались известные ученые-историки, общественные деятели, архитекторы.

С первых лет деятельности отделение работало в нескольких профильных направлениях, по аналогии с Центральным советом Общества, поэтому при краевом совете сразу были созданы секции – истории, археологии, архитектуры, краеведения, молодежная секция. Впоследствии секция краеведения переросла в историко-патриотическое общество «Краевед». С 1983 г. начала работу краевая общественная инспекция по охране памятников.

За 25 лет (от создания отделения и до конца 1980-х гг.) активной работы Красноярское краевое отделение ВООПИиК, благодаря накоплениям от членских взносов индивидуальных членов и крупных предприятий финансировало сооружение памятников, установку памятных досок, посвященных Победе в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., частично финансировало организацию поисковых экспедиций. Активисты выступали с лекциями, помогали создавать музеи на заводах, в школах.

¹¹ Прядко И. А. 40 лет со дня создания Красноярского краевого отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК): 9 февраля 1966 // Край наш Красноярский: Памятные даты Красноярского края. Красноярск, [2006].

В системе общегосударственной программы по подготовке «Свода памятников истории и культуры СССР» в Красноярске с 1974 по 1990 гг. при Красноярском инженерно-строительном институте под руководством доцента Ю. И. Гринберг работала исследовательская группа по выявлению и паспортизации памятников архитектуры края. Группа специалистов из педагогического института под руководством докторов исторических наук Н. И. Дроздова и Г. Ф. Быкони изучала памятники истории и археологии. Основной объем выявленных и поставленных в те годы (1970-1980-е) на охрану памятников составляют сегодня не менее 80% всех объектов культурного наследия на территории Красноярского края.

Одним из первых дел по участию ККО ВООПИиК в исследовательской работе стали предпроектные исследования в 1968-1969 гг. в селе Шушенском (месте сибирской ссылки В. И. Ленина) – с целью создания историко-мемориального и архитектурно-этнографического комплекса. Силами и стараниями энтузиастов в Красноярске и других поселениях края сохранены от разрушения и сноса десятки памятников истории и культуры.

Подготовка генпланов и проектов зон охраны для исторических городов – Красноярска, Канска, Енисейска, Ачинска – выполнялась при самом активном участии ККО ВООПИиК.

Отдельное направление работы ККО ВООПИиК посвящено исследовательской работе и популяризации в среде студенческой молодежи. Результатами явились многие десятки дипломных проектов реставрации памятников культовой и гражданской архитектуры края, выполненных под руководством членов ВООПИиК педагогов архитектурного факультета политехнического института.

ККО ВООПИиК готовило и проводило лекции, выступления на радио и телевидении. В 1980-е гг. на Красноярском телевидении подготовлен цикл из 8 передач об архитектуре края «Охрана памятников — дело всенародное». В краевых газетах («Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец») велись постано-

ванные рубрики «История одного памятника», «Знаешь ли ты свой город?».

Общество подготовило и выпустило более 50 буклетов, брошюр, плакатов, книг.

Рис. 1. Специальная серия буклетов «Памятники архитектуры», 1980-е гг. (издание ККО ВООПИиК)

Общественная экспертиза с участием ККО ВООПИиК в 1960-1980-е гг. была неотъемлемой составляющей архитектурно-проектного процесса в исторических городах края. Общественный совет при государственном органе охраны памятников сформирован по инициативе энтузиаста создателя первого государственного органа охраны памятников Красноярского края Т. А. Коломеец.

Широкие масштабы деятельности и реальные результаты в красноярской краевой организации отмечены наградами – более 300 активистов удостоены знаками Центрального Совета «За активную работу в ВООПИиК». Народному художнику В. И. Мешкову, председателю общественной инспекции Ю.И. Гринберг и заслуженному архитектору РФ Э.М. Панову присвоено звание «Почетный член ВООПИиК».

Наработанный богатый опыт кадровых специалистов региональных отделений ВООПИиК стал надежной базой для создания к середине 1980-х годов в регионах государственных органов по охране памятников истории и культуры. История формирования специализированных органов по охране памятников в Красноярском крае началась с создания в 1984 г. произ-

водственной группы по охране и эксплуатации памятников истории и культуры.

Содержательные результаты работы отделения ВООПИиК первых 25 лет в большей степени были обеспечены государственной поддержкой. Эти взаимоотношения были закреплены законодательно. Вопросы правового участия ВООПИиК в государственной охране памятников регламентированы Законом СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», «Положением об охране и использовании памятников истории и культуры»¹². В Законе РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» эти вопросы получили развитие и конкретизацию – была включена отдельная специальная статья об участии ВООПИиК «в обеспечении сохранности и правильного использования памятников истории и культуры»¹³. Этим же законом Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры вместе с Министерством культуры РСФСР было наделено исключительным правом (обязанностью) согласовывать учреждение заповедных зон (Статья 37), проекты планировки, застройки и реконструкции городов и других населенных пунктов, имеющих памятники истории и культуры (Статья 40). За ВООПИиК, как общественной организацией, была законодательно закреплена безальтернативная «монополия» на совместное участие с государственными органами в деле охраны памятников.

Изменившаяся с начала 1990-х гг. социально-политическая ситуация в стране создала новые условия для общественных организаций. В 1990-е годы ВООПИиК и региональные отделения оказались в сложном положении.

Всероссийское общество охраны памятников фактически лишилось ранее полученных организационных, правовых, да и финансовых преференций. При этом, на основании действу-

12 Закон СССР от 29 октября 1976 года № 4692-IX «Об охране и использовании памятников истории и культуры»; «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры», утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 года.

13 Закон РСФСР от 15 декабря 1978 года «Об охране и использовании памятников истории и культуры»: «Статья 13. Участие Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры в обеспечении сохранности и правильного использования памятников истории и культуры».

ющего Закона РСФСР от 15 декабря 1978 года согласование отдельных актов происходило – Красноярское краевое отделение ВООПИиК в начале 2000-х гг. согласовало разработанный, но так тогда и не утвержденный, Проект зон охраны объектов культурного наследия города Красноярска.

Новый принятый Федеральный закон от 25 июня 2002 года № ФЗ-73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ»¹⁴ уже не содержал не только исключительного права ВООПИиК на совместное участие с государственными органами в деле охраны историко-культурного наследия, но и само наименование ВООПИиК в новом законе не появилось, - организация по умолчанию заняла место в ряду других общественных объединений.

Красноярское отделение ВООПИиК, ранее поддерживаемое со стороны государства материально, финансово, организационно и содержательно, оказалось без такой помощи. В течение более десятка лет (1990-е – начало 2000-х гг.) на территории края организация не имела юридической регистрации. Являясь общественной организацией, фактически не получала никакой помощи ни от городских, ни от краевых властей. В постперестроечное время краевое отделение в Красноярске лишилось своих помещений. Такими были организационные проблемы перестроечной и постперестроечной эпох.

Более значимыми оказались проблемы содержательные. В работе ККО ВООПИиК остро проявилось нарушение важного принципа – последовательной смены поколений, постепенной передачи опыта общественной работы от одного поколения энтузиастов к другому. Была приостановлена плановая работа отделений на местах - в городах и районах края. Организация не инициировала и не прошла в 1990-х гг. необходимую перерегистрацию – утратила статус юридического лица. По сути, на протяжении 1990-х – начала 2000-х гг. Красноярское краевое отделение работало с низкой эффективностью, – не прошло проверку на устойчивость в пере-

14 Федеральный закон РФ от 25 июня 2002 года № ФЗ-73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ».

строечные времена, не смогло вовремя адаптироваться к системе новых взаимоотношений в обществе и государстве.

Годы последнего десятилетия, с середины 2000-х гг., дают надежду к обретению нового опыта – становления и самоорганизации в новых условиях. Красноярское краевое отделение ВООПИиК проходит стадию адаптации к новым реалиям социальной жизни, к системе новых взаимоотношений в обществе и государстве, пытаясь занять свое место в современной системе государственно-общественного партнерства в пространстве Красноярском крае.

Как и прежде, основной целью Красноярского отделения, как и в целом ВООПИиК¹⁵, (в соответствии с Уставом) является осуществление функций общественного органа охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры). Среди них: содействие госорганам в обеспечении охраны наследия...; общественный контроль над соблюдением законодательства в сфере охраны объектов культурного наследия.

В последнее десятилетие заметны изменения, достижения в результатах работы краевой организации:

- Красноярское отделение в 2006 г. прошло процедуру с оформлением юридического лица – возобновило официальный статус регионального отделения ВООПИиК;

- возобновлено деловое сотрудничество с красноярскими краевыми и городскими органами охраны наследия, с Средне-Сибирским территориальным управлением Минкультуры России; руководители и представители краевого отделения ВООПИиК включены и активно участвуют в работе экспертного совета по культурному наследию при министерстве культуры края, Службе по государственной охране объектов культурного наследия края;

- налажены партнерские связи в работе краевого отделения ВООПИиК с другими общественными организациями (Красноярской орга-

15 Ливцов В. А. Участие всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия Российской Федерации // Первые Тихоновские чтения: материалы конференции (15 ноября 2011 года). СПб., 2012. С. 43-61.

низацией Союза архитекторов России), учреждениями, отдельными энтузиастами, учеными;

- налажена регулярная работа по участию отделения в организации проведения государственной историко-культурной экспертизы (в соответствии с Уставом ВООПИиК);

- при необходимости принимается участие в делах органов правопорядка по соблюдению законности в области охраны культурного наследия (подача исков в органы прокуратуры);

- налажено ежегодное совместное проведение с партнерами мероприятий, посвященных Международному дню памятников и исторических мест;

- участие во всероссийских конкурсах, организуемых Центральным Советом ВООПИиК;

- регулярное отражение в региональных и местных средствах массовой информации острых проблем охраны наследия;

- осуществление популяризации культурного наследия; к 50-летию юбилею Общества почетный член ВООПИиК, член президиума краевого отделения Э.М. Панов подготовил книгу «Загадки краеведческого музея» об уникальном памятнике архитектуры начала XX в. – здании красноярского музея, построенном по проекту известного сибирского зодчего Л. А. Чернышева;

- члены ККО ВООПИиК стали инициаторами открытия в Сибирском федеральном университете актуальных для Сибири направлений подготовки – магистров по программе «Реставрация и охрана архитектурного наследия», повышения квалификации специалистов-реставраторов.

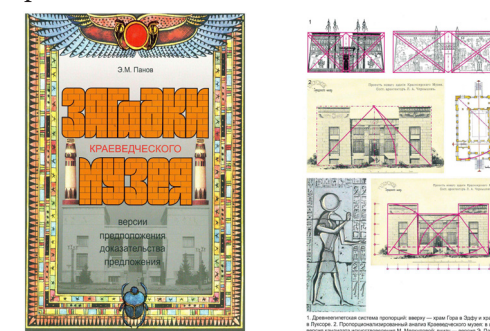

Рис. 2, 3. Обложка и страница книги Э. М. Панова «Загадки краеведческого музея», 2016 г. (издание ККО ВООПИиК).

В современных условиях разнообразия общественных движений и организаций у ВООПИИК, в отличие от советского периода истории, нет гарантированной исключительности в отношениях с государством. Как и многие общественные организации, сегодня ВООПИИК переживает не лучшие времена – статистика свидетельствует, мотивация к участию в общественной жизни у традиционно активной и конструктивно настроенной части населения заметно снижалась. Позитивный факт – в юбилейном для ВООПИИК году в структуре краевого отделения создано Железнодорожное городское отделение ВООПИИК.

Сегодня содержательное состояние работы ВООПИИК – отражение уровня реальных возможностей участия гражданского общества в деятельности по защите объектов культурного наследия¹⁶. Потребность к расширению компетенции общественных объединений по осуществлению общественного контроля за соблюдением законодательства об охране историко-культурного наследия – актуальная тема современного гражданского общества не только в Российской Федерации, но и других странах Содружества Независимых Государств¹⁷.

Выводы:

В деятельности региональной организации ВООПИИК выделяем три основных периода:

первый – период формирования и подъема (1966-1980-е гг.),

второй – период упадка (1990-е – начало 2000-х гг.),

третий – период адаптации к изменившимся условиям (с середины 2000-х гг.).

(1) Первый период – период формирования и подъема (1966-1980-е гг.) – характеризуется следующими особенностями:

¹⁶ Слабуха А. В. Вопросы истории изучения и сохранения архитектурного наследия в Приенисейской Сибири // Город, пригодный для жизни: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 12-14 ноября 2014). Красноярск, 2015. С. 188-192.

¹⁷ Мартыненко И. Э. Участие институтов гражданского общества в защите историко-культурного наследия // Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2014. № 5 (181). С. 45-54 (Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение)

созданное при активном участии государства Общество охраны памятников истории и культуры с широкомасштабной сетью региональных отделений, являясь по сути единственной в стране официальной общественной организацией в сфере историко-культурного наследия, законодательно обладало исключительной безальтернативной гарантированной «монополией» на совместное участие с государственными органами в деле охраны и использовании памятников истории и культуры;

в работе по расширению количества рядовых и коллективных членов организации ВООПИИК широко и эффективно использовало административно-управленческий ресурс государства;

в активной созидательной работе ВООПИИК действовало в условиях высокого патриотического подъема в стране;

в формировании к завершению этого этапа новой системы государственной охраны памятников истории и культуры, - государственных органов по охране культурного наследия, созданных на основе наработанного опыта региональных отделений ВООПИИК, принявших на себя роль, которую до середины 1980-х годов в большей степени выполняло ВООПИИК.

(2) Второй период – период упадка (1990-е – начало 2000-х гг.) – характеризуется особенностями:

понижением роли ВООПИИК в принятии решений при реализации политики и программ в области историко-культурного наследия в связи с переходом части функций от ВООПИИК к вновь созданным госорганам;

фактической утратой ранее существовавшей поддержки со стороны государства;

угасанием общественной активности Общества в изменившейся общей социально-политической ситуации в стране; значительным понижением или даже потерей ощущения востребованности общественного единства;

сохранением внутриорганизационной опеки от Центрального правления ВООПИИК, давшей воодушевление от совместных мероприятий, а также обеспечившей, как минимум, формальную и содержательную возможность со-

хранения и возобновления функционирования регионального отделения.

(3) Третий период – период адаптации к изменившимся условиям (с середины 2000-х гг.) – характеризуется следующими особенностями: сохранением в Уставе ВООПИИК основополагающего принципа – содействие государству в охране памятников при осуществлении функций общественного органа охраны объектов культурного наследия;

адаптацией к изменившимся реалиям к «самостоятельной» общественной жизни без целевой государственной поддержки (без специально ориентированной исключительно на ВООПИИК как было в первом периоде 1966-1980-х гг.);

в условиях разнообразия общественных движений и организаций, объектом уставной деятельностью которых является историко-культурное наследие – поиском новых взаимоотношений с государственными органами в формах общественно-государственного партнерства, законодательно обеспеченных наравне с другими общественными организациями и объединениями.

Заключение

В современной истории системы государственной охраны культурного наследия принципиальные субъекты этой деятельности – Общество (ВООПИИК) и Государственные органы

– прошли путь от последовательного формирования и развития (первый этап: 1966-1980-е гг.) через почти индифферентную самостоятельность (второй этап: 1990-е – начало 2000-х гг.) – к взаимовыгодному и взаимообогащающему союзу (третий этап: с середины 2000-х гг.).

Вся 50-летняя деятельность Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – это последовательность взаимоотношений Общества и государства, демонстрирующая и отражающая в большей или меньшей степени роль и место участия общественности в государственной политике и деятельности государства в сфере охраны историко-культурного наследия. Истоки силы и жизнеспособности ее – в сформированной при помощи государства системе всероссийского масштаба, поддерживаемой внутренней самоорганизацией, ответственностью и деятельностью инициатив, основанной на отношении к непреходящим ценностям – культурному наследию Отечества.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры явилось организационной, методической, кадровой базой для начального формирования в 1980-х годах в СССР полномасштабной профильной государственной системы в области охраны памятников истории и культуры, по-сути явилось «колыбелью» современной российской системы государственной охраны историко-культурного наследия.

Список литературы

1. Басов С. А. О путях реализации принципа общественно-государственного партнерства в управлении сферой культуры // Культурное наследие России. 2015. № 3. С. 11-17.
2. Иванова А. С. О современных вопросах состояния культурного наследия в Сибирском федеральном округе и Красноярском крае — из опыта государственного доклада // Город, пригодный для жизни: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 12-14 ноября 2014). Красноярск, 2015. С. 212-218.
3. Копцева Н. П., Лузан В. С. Государственная культурная политика в Сибирском федеральном округе. Концепции, проблемы, исследования. Красноярск, 2012. 183 с.
4. Копцева Н. П., Сертакова Е. А. Сумма методов современной урбанистической антропологии: постановка проблемы // Урбанистика. 2015. № 2. С. 40-53.
5. Кулемзин А. М. Изучение охраны памятников в современной России // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 53-58.
6. Лебедев А. И. Становление и развитие органов государственной охраны памятников истории и культуры в 1917-2010 годах. Уфа, 2012. С. 77.

7. Ливцов В. А. Участие всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в сохранении культурного наследия Российской Федерации // Первые Тихоновские чтения: материалы конференции (15 ноября 2011 года). СПб., 2012. С. 43-61.

8. Мартыненко И. Э. Участие институтов гражданского общества в защите историко-культурного наследия // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2014. № 5 (181). С. 45-54 (Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение).

9. Прядко И. А. 40 лет со дня создания Красноярского краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК): 9 февраля 1966 // Край наш Красноярский: Памятные даты Красноярского края. Красноярск, [2006].

10. Слабуха А. В. Вопросы истории изучения и сохранения архитектурного наследия в Приенисейской Сибири // Город, пригодный для жизни: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 12-14 ноября 2014). Красноярск, 2015. С. 188-192.

HALF A CENTURY TO THE ALL-RUSSIAN SOCIETY OF PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL MONUMENTS: EXPERIENCE OF THE PUBLIC AND STATE PARTNERSHIP (ON THE EXAMPLE OF KRASNOYARSK TERRITORY)

Slabukha Alexander Vasilyevich,
candidate of architecture, professor,
Chairman of the Board of the Krasnoyarsk regional branch of the All-Russian Society for Protection
of Historical and Cultural Monuments (VOOPIiK),
VOOPIiK member of the Central Council,
Professor of the Department of Architectural Design,
Siberian Federal University, av. Svobodniy, 79, Krasnoyarsk, 660041,
slabuha@mail.ru

Abstract

In the context of conditions of the Russian legislation in the field of cultural heritage with the public authorities declared by the right of public organizations for assistance in article the main stages of local history of one of regional offices in Siberia of the All-Russian society of protection of historical and cultural monuments (VOOPIiK) which has given rise to modern system of the state protection of cultural heritage are stated. On the example of office in Krasnoyarsk Krai three main periods in 50-year history – formation and rise, decline, adaptation to the changed conditions are revealed.

Keywords

All-Russian society of protection of historical and cultural monuments, VOOPIiK, Krasnoyarsk office VOOPIiK, historical and cultural heritage, protection of monuments, public organizations.

УДК 008.2
ББК 71.4

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ?

Шилехина Марина Сергеевна,

старший преподаватель кафедры «Дизайн и инженерная графика»,
Тольяттинский государственный университет (ТГУ), ул. ул. Белорусская, 14,
г. Тольятти, Россия, 445667

аспирант, Московский государственный институт культуры (МГИК), 141406, Московская об-
ласть, город Химки,
Библиотечная улица, дом 7
marinashilekhina@gmail.com

Аннотация

В статье выявляются и анализируются тенденции, которые влияют на формирование современного культурного пространства города. Данные тенденции выделяются автором на основе анализа исследований и публикаций современных ученых, мнений специалистов на тему состояния современной городской среды. В рамках анализа данных тенденций обозначаются некоторые проблемы, которые отрицательно влияют на процесс формирования культурного пространства современного города и возможности, которые могут оказать или уже оказывают положительное влияние на развитие современного города.

Ключевые слова

Культурное пространство города; городская среда; тенденции современной городской среды; дизайн городской среды.

Современное общество характеризуется активными социокультурными трансформациями, которые сконцентрированы в городах – центрах культурной, политической, административной, экономической жизни. Характерными чертами современного этапа общественного развития являются быстрый рост городов и увеличение числа проживающих в них людей. По прогнозам ООН, к 2050 г. более 85 % населения Земли, в том числе нашей страны, будет проживать и работать в городах¹. По итогам Всероссийской переписи населения 2010

¹ Доклад ООН: Самые быстро исчезающие города — в СНГ и Европе, растущие — в Китае. [Электронный ресурс] URL: <http://seosait.com/doklad-oon-samy-e-bystro>

года статус города имеют 1100 населённых пунктов.² В них на начало 2016 г. проживали 108 657 433 человек, или 69 % населения России. В городских поселениях формируется особая среда жизни человека - городская (урбанизированная) среда. Помимо природной городская среда содержит компоненты, искусственно созданные человеком, - техносферу, которая включает в себя производство и его результаты, городской

² ischezayushhie-goroda-v-sng-ievrope-rastushhie-v-kitae/ (дата обращения 28.03.2016).

² Сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 28.03.2016).

архитектурный комплекс, транспорт. Наконец, последний, и, пожалуй, наиважнейший компонент городской урбосистемы – население – оно выступает как потребитель продуктов деятельности производства, но в то же время и как носитель разнообразных нематериальных потребностей. Социальные интересы людей включают широкий спектр потребностей культурного, экологического, этического, национального, экономического и политического характера. Как отмечает Елена Трубина, настоящий момент отмечен, однако, нарастающим пониманием того, что современная урбанистическая теория возможна только как междисциплинарная теория.³ Города и прилегающие к ним территории давно стали предметом исследования российского академического сообщества, часто объединяя в себе объект и место проведения исследования.⁴ В современных городах происходит процесс формирования нового социокультурного пространства, в рамках которого проявляется *проблема в снижении влияния человека на городскую среду*. Совокупность всех феноменов культуры и существующих культурных форм в культурологии получило название культурного пространства. «Рост городов приводит к уменьшению влияния горожанина на город, в связи с этим горожанин перестает чувствовать себя частью города, так как разрывается связь между ним и средой, в которой он живет.»⁵ То есть увеличивается разрыв между масштабом человека, являющимся константой, и масштабом города, который постоянно растет. «Город – это особая жизненная и культурная среда, где создаются уникальные условия для личностной самоидентификации человека, который является носителем культурного наследия и инициатор коммуникационно-культурных взаимоотношений. На уровне мегаполиса социокультурные коммуникации выражены особенно интенсивно, поэтому современные жители находятся

3 Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 9 с.

4 Там же. С.24-25

5 Проект «Культура повседневности». Настоящее и будущее города. Опрос экспертов [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070> (дата обращения 10.05.2016).

в центре культурной жизни, но подвергаясь при этом наиболее деструктивным воздействиям коммуникационного пространства города.»⁶ По мнению социолога, урбаниста Ольги Вендиной, постижение города его обитателями становится все более трудным, людям приходится постоянно приспосабливаться к искусственной среде, меняющейся вне их понимания, «преодолевать» ее, вместо того чтобы получать удовольствие от городской жизни.⁷ «Бесчувственное равнодушие» – особое культурное приспособление, которым индивиды защищают себя, – вытекает из их постулируемой Зиммелем способности взаимодействовать лицом к лицу с тем обилием людей, что они видят каждый день. Городское окружение состоит из «стимулов» – множества возможностей, впечатлений, наружностей, жестов, товаров, образов и звуков, которые сливаются в пестрый и непостижимый хаос. Средство самозащиты – тип личности, какой субъект становится, усвоив социальную логику, лежащую за этим хаосом: сосредоточенность на своих процессах и равнодушие к социальным процессам.»⁸ Данный конфликт приводит к увеличению влияния городских сообществ, в которых люди могут отстаивать свои интересы и их мнения и потребности могут быть услышаны. Поэтому от современного горожанина город требует высокий уровень ответственности и стремление к кооперации с другими людьми, только тогда горожанин сможет формировать то пространство, в котором живет. По мнению Василия Бабурова, архитектора-урбаниста, слабость общественных институтов, отсутствие городского сообщества, по сути, делают невозможным само существование города, превращая его в «урбанизированное поселение», т. е. симулякр, эрзац.⁹ Одним из по-

6 Якишин С.В. Культурно-коммуникационное пространство современного города: идентификация личности: автореф. дис. канд. филос. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. арх. строит. ун-т, 2015. – 5 с.

7 Проект «Культура повседневности». Настоящее и будущее города. Опрос экспертов [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070> (дата обращения 10.05.2016).

8 Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 50-51 с.

9 Проект «Культура повседневности». Настоящее и будущее города. Опрос экспертов [Электронный ресурс].

следних экспериментов в формировании культурного пространства в современной городской среде стала реализация в Перми проектом «Пермь – культурная столица России». Данный эксперимент показал насколько многоплановый и не простой процесс формирования культурного пространства города, как важно учитывать специфику каждого конкретного города, его идентичности и мнений местных сообществ. Также на проблему формирования социокультурных взаимоотношений в современном городе влияет остро актуальная в настоящее время *проблема маргинальных территорий*. По мнению архитектора-урбаниста Василия Бабурова, проблема современного города в малочисленности собственно горожан (т. е. граждан города) – в отличие от аморфной массы населения, слабо укорененного в среде обитания, ментально отчужденного от нее и относящегося к ней потребительски.¹⁰ «Исторически чужаками были торговцы, отношение которых к местным жителям было прежде всего прагматично-инструментальным. Его близость всегда временна, без каких-либо гарантий на будущее. Никакой "органической солидарности"... Итог прост: посторонние – все». ¹¹ Все вышеперечисленные проблемы доказывают, каким важным для развития современной городской среды является ресурс культурного потенциала города. В 2014 году Москва впервые приняла участие в Культурном форуме мировых городов (World Cities Culture Forum), который является местом встречи профессионалов городского управления культурой со всего мира, площадка, на которой практики культурного менеджмента могут обмениваться опытом. По результатам работы форума появился проект «преобразований средствами культуры», который в значительной степени позволил установить прямую связь между развитием культуры и устойчивым развитием городской среды. Например, результаты проекта показывают, что маргинальные группы, участвуя в культурной деятельности, обретают

10 Там же

11 Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 57-58 с.

право голоса и могут вписаться в городскую историю: они становятся полноправными членами общества, и культура выступает агентом изменений; культура может рассматриваться как популярный инструмент регенерации городского пространства и в результате появляется тенденция к пониманию важности процесса развития и формирования культурного пространства городской среды для современных городов. В рамках данной темы можно выделить важность процесса аккультурации в городской среде, как процесса взаимовлияния культур, восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа. При этом оригинальные культурные модели одной или обеих групп могут быть изменены, но и группы по-прежнему различны. Важно учитывать факторы, снижающие эффект процесса аккультурации городской среды такие, как недостаточный уровень общего культурного развития тех или иных слоев населения городского района, неприятие ими новых элементов городской среды; низкий уровень художественно-эстетического развития, низкая эстетическая грамотность, художественная образованность, пренебрежение санитарно-гигиеническими условиями организации городской среды. В современной городской среде активно проявляется **тенденция унификации, стандартизации современных городов**, что не благоприятно влияет на многообразие культурного пространства городов. «К началу XXI века в мировом научном сообществе утвердилась «концепция глобального общества», с точки зрения которой все люди Земли являются гражданами единого глобального общества, состоящего из великого множества локальных сообществ, функционирующих в различных странах мира.»¹² Процесс глобализации поглотил современные города, обострив *проблему идентификации современного города*, нарушив процесс формирования индивидуального образа города. Город должен давать сконцентрированное представление о культуре, традициях, истории, но современный

12 Монастырская М. Е. Современные тенденции философского осмысления феномена глобализации в урбанистическом контексте // Социология города. – 2016. – № 2. – С. 8–9.

город постепенно утрачивает своё историческое предназначение, свою родовую память – прекращается преемственность опыта. А именно через город, через его динамику, формы, знаки и символы происходит приобщение общества к цивилизации к целому. «Города исторически создавались с учетом территориальных особенностей, транспортно-географического положения и наличия/отсутствия природных ресурсов. Сейчас все границы стираются, и города унифицируются, теряя свою индивидуальность, и вместе с ней теряется преемственность опыта эффективной в социальном, экологическом и экономическом аспектах жизнедеятельности населения в его пределах и вне их».¹³ По статистике, в районах типовой застройки наблюдается самый высокий процент самоубийств, несчастных случаев и криминальных происшествий. Неблагоприятная визуальная среда, когда человек вынужден постоянно пребывать среди зданий с искажёнными формами, приводит к возникновению и развитию психических заболеваний, падению нравственности и процветанию низменных качеств человеческой природы. *Проблема архитектурной глобализации* в современной городской среде стирает культурные различия между городами, рождая глобальный мегаполис. Мегаполис выступает как машина воспроизводства, которая относительно быстро воспроизводит все локальное, что возникает в определенном городе, во всех других городах мира. Так, различные города становятся все больше и больше похожими друг на друга, хотя при этом ни один город не служит моделью для всех остальных городов. Данная тенденция распространяет антинациональную и антикультурную парадигму в современных городах, обезличивая людей, их жилища, уничтожая патриотические чувства людей к месту, где они родились, где они живут – в результате лишают человека родины. **Тенденция в создании новых морфотипов архитектурного пространства современных городов** выявляет *проблему случайности формообразования современного города*. На первый план выходит функциональность использования территории горо-

¹³ Там же.

да, а эстетика восприятия городского пространства не является ценностью. Также при проектировании объектов городской среды авторы в первую очередь ориентируются на модные тенденции, демонстрацию возможностей современных строительных технологий, а не на влияние объекта на целостное пространство города. Архитектурное пространство города – зеркало отражающее приоритетные ценности, историю, национальную культуру, политику – объективное содержание того, что важно в социальном, экономическом и политическом плане. Также можно выделить **тенденцию использования потенциала дизайна** в формировании культурного пространства современного города. Современная социокультурная ситуация выявляет потенциал дизайна, как инструмент способный сформировать единое целостное культурное пространство в городе и гармонизировать жизнедеятельность человека в рамках урбанистической среды. Дизайн является носителем социальных изменений в современном обществе. Такое понимание влияния дизайна на общество характерно особенностям складывающейся культурной, социально-экономической, политической ситуации в социумах, которые обладают высоким уровнем развития. Современный дизайн становится одним из ярчайших явлений в культуре, переместившись из роли эстетизации предметного мира в роль проектировщика образа жизни людей, напрямую влияя на формирование культуры, активно занимаясь проектированием культурных пространств городской среды и дизайном человеческого опыта – дизайном социального контекста, проектировщиком потенциальных возможностей человека. Например, в решении проблемы идентификации современных городов все чаще используют инструменты *территориального брендинга*. Процессы глобализации в современных городах формируют потребность территорий «выбираться» из одинаковости, искать, культивировать и предъявлять миру свою уникальность. Глокализация изменяет саму стратегию брендинга, требуя максимального учета культурных особенностей потребителя. В результате глокализации растёт культурное и архитектурное

разнообразие мест. «Конструируемый образ города не может быть надуманным или изобретённым, привнесённым извне. За последние 10-15 лет брендинг мест стал очень популярен, но результативные примеры направленного брендинга начинают появляться только сейчас».¹⁴ За последние годы больше сотни российских населённых пунктов провели брендинг места, но разработчики чаще всего преследуют сиюминутные утилитарные цели: создание бренда исключительно для привлечения инвесторов и туристов. В итоге город получает визуальную идентификацию, далёкую от реальности и непонятную местным жителям, которая, конечно же, быстро уходит в никуда без их поддержки.¹⁵ За последние годы получили были разработаны бренды российских городов и регионов, таких как Краснокамск, Пермь, Ярославль, Добрянка, Тихвин, Урюпинск, Новосибирск, Саратов, Астрахань, Ижевск, Костомукша, Великий Новгород, Клин, Екатеринбург, Мурманск, Стерлитамак, туристические бренды Санкт-Петербурга и Москвы, бренд республики Татарстан, бренд Калининградской области, бренд Пермского края, туристический бренд Крыма. Но большинство из этих брендов не выполняет своих задач и часто не используется главный инструмент разработки бренда – вовлечение горожан в процесс разработки и продвижения бренда, так как именно они являются одновременно и носителями идентичности города, и будущими потребителями бренда. Также потенциал дизайна активно используется в *выращивании «креативных городов»*. В современной урбанистической теории понятие о «креативном городе» связано с представлением о распространённой и даже популярной градостроительной стратегии планирования и переустройства городов, которая не зависит ни от характеристик самого города, ни от его размера или известности. Ведущий британский специалист по развитию городов Чарльз Лэндри предлагает новый метод стратегического городского планирования, который основывается на наиболее важном ре-

¹⁴ Визгалов, Д.В. В42 Брендинг города / Денис Визгалов. [Предисл. Л.В. Смирнягина]. - Москва : Фонд «Институт экономики города», 2011. - 160 с.

¹⁵ Там же.

сурсе города (стратегический резерв города) – людях, как источника креативности. Также автор использует характерную особенность творческих людей, собираясь вместе на одной территории они формируют творческую среду города. Впервые работа Чарльз Лэндри опубликована в Великобритании и США в 2000 году, на русский язык переведена в 2006-м. В настоящее время концепцию креативного города активно внедряют в множестве современных городов и часто используют этот инструмент для решения конкретных проблем в городской среде. Например, одно из направлений проектов в рамках Культурного форума мировых городов, стало направление расширения вовлечения городского населения в культурную жизнь города – культурная экспрессия, которая даёт возможность самовыражения индивидам и социальным группам и подпитывает их энергией. Например, Лос-анджелесская кампания «Искусство для всех» предлагает высококачественное и последовательное образование в области искусства для 1,6 млн учеников и студентов из всего округа Лос-Анджелес, а токийский проект «Ночь искусств в квартале Роппонги» снимает препятствия для участия в культурной жизни широких масс.¹⁶ Также в рамках задачи создания культурного пространства в современном городе активно проявлена *проблема осмысленного и ответственного городского дизайна*, одним из первых ее поднял в своей революционной работе «Дизайн для реального мира» Виктора Папанек, известного практик архитектуры и дизайна XX века. Ее появление на рубеже 1960-1970 годов было воспринято как взрыв, потрясший основы тогдашних теорий функционализма с его идеями унифицированной элегантности форм. «Выражая свою неудовлетворенность современным дизайном, Папанек выступал за новую философию дизайна, убеждал в необходимости целостного понимания его задач и связей с реальной жизнью большинства людей... Известная фраза автора: «все люди –

¹⁶ Transformational Cultural Projects Report Translated by the MISCP «World Cities Culture Forum», 2015 «Доклад о проектах преобразования города средствами культуры» перевод с англ./Московский институт социально-культурных программ (МИСКП) – 2015г.

дизайнеры», воспринимается вехой-символом в развитии теории дизайна, превратившись в манифест переосмысления одномерности глобального дизайна». ¹⁷ Можно выделить основную проблему, которую автор поднимает в своей работе – это то, что отсутствие каких-либо моральных, социальных и культурных ограничений провоцирует дизайн и искусство на постоянную гонку за новизной и желанием дизайнера удивить аудиторию, что становится главной целью, подменяя социальную миссию дизайнера и снижая ответственность дизайнера перед обществом. ¹⁸ «Поэтому дизайн-образование должно воспитывать в будущем специалисте социальную ответственность перед обществом и мотивировать на формирование желания у студентов дизайнеров выявить истинные

подлинные потребности человека и использование своих профессиональных навыков и знаний на удовлетворение подлинных общественных и человеческих нужд». ¹⁹ В результате проведенного анализа в данной статье были выделены тенденции формирования культурного пространства современного города такие, как: унификация, стандартизация современных городов; создание новых морфотипов архитектурного пространства современных городов; формирование нового социокультурного пространства в современном городе; использование потенциала дизайна в формировании культурного пространства городской среды.

¹⁷ Папенек В. Дизайн для реального мира/ Пер. с английского. – М.: Издатель Д.Аронов, 2012. – С. 20-75

¹⁸ Там же. С.75

¹⁹ Шилехина М.С. Осмысление роли дизайнера в развитии производственной практики современного общества // Культурное наследие России. 2015. № 1. С. 30-36

Список литературы

1. Монастырская М. Е. Современные тенденции философского осмысления феномена глобализации в урбанистическом контексте // Социология города. – 2016. – № 2.
2. Визгалов, Д.В. В42 Брендинг города / Денис Визгалов. [Предисл. Л.В. Смирнягина]. - Москва : Фонд «Институт экономики города», 2011. - 160 с.
3. Шилехина М.С. Осмысление роли дизайнера в развитии производственной практики современного общества // Культурное наследие России. 2015. № 1. С. 30-36
4. Якишин С.В. Культурно-коммуникационное пространство современного города: идентификация личности: автореф. дис. канд. филос. наук. – Нижний Новгород: Нижегородский гос. арх.строит. ун-т, 2015. – 5 с.
5. Папенек В. Дизайн для реального мира/ Пер. с английского. – М.: Издатель Д.Аронов, 2012. – С. 20-75
6. Проект «Культура повседневности». Настоящее и будущее города. Опрос экспертов [Электронный ресурс]. URL: <https://snob.ru/selected/entry/104070> (дата обращения 10.05.2016).
7. Трубина, Елена Германовна : Город в теории : опыты осмысливания пространства: М.: Новое литературное обозрение, 2011:520 с.: ил.
8. Лэндри Ч. Креативный город / пер. с англ. - М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2014. - 400 с.
9. Transformational Cultural Projects Report Translated by the MISCP «World Cities Culture Forum», 2015 «Доклад о проектах преобразования города средствами культуры» перевод с англ./ Московский институт социально-культурных программ (МИСКП) – 2015г.

MODERN TENDENCIES OF CULTURAL SPACE IN THE CITY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Shilekhina Marina Sergeevna,

Assistant professor in «Design and Engineering Graphics»

Togliatti State University (TSU),

st. Belarus , 14, Togliatti, Russia, 445667

Graduate student, Moscow State Institute of Culture (MGIK),

141406, Moscow region, Khimki,

Library Street 7,

marinashilekhina@gmail.com

Abstract

This article identifies and analyzes the trends that influence the formation of the contemporary cultural space of the city. These trends are distinguished by the author based on the analysis of research and publications of modern scientists, expert opinions on the state of modern urban environment. The analysis of data trends indicated by some of the problems that adversely affect the process of forming the cultural space of the modern city and the opportunities that may have or have already had a positive impact on the development of the modern city.

Keywords

Cultural space of the city; urban environment; trends in the modern urban environment; urban design.

УДК 71.4
ББК 82.3

ТРАДИЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ. ХРИСТИАНСКИЙ И НАРОДНЫЙ ГОДОВЫЕ КРУГИ

Джичоная Магда Алексеевна

кандидат культурологии, доцент,

Институт славянской культуры «Российский государственный университет
им. А.Н. Косыгина»,
magdalena-27@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрено соотношение народных языческих календарных обрядов и церковных праздников. Народные обряды делятся на два цикла: календарные и семейно-бытовые. Народные обряды – это строго определенное действие, сочетание действия и слов.

Ключевые слова

Фольклор этноса, региональная народная культура, фольклор как форма культуры, языческие и христианские традиции, встреча Нового года. Магическое, ритуальное и бытовое значение обрядов.

Фольклор есть локальная художественная культура. Чтобы она функционировала и развивалась, нужно, чтобы она была составной частью коллектива, ограниченного в пространственном плане. Чтобы видеть коллективный характер творческого процесса в фольклоре, нужно иметь в виду, прежде всего, его региональную характеристику. Фольклор этноса следует рассматривать как «систему локальных традиций». К этому надо добавить, что региональность теснейшим образом связана с цикличностью функционирования фольклора, которая в значительной степени зависит от того, к какому хозяйственно-культурному типу принадлежит этнический коллектив. Обусловленность фольклорной культуры, ее содержания, структуры, функций региональными и локальными факторами социоэтнического порядка не-

сомненна. Но при этом необходимо учитывать и собственную специфику фольклорной культуры как феномена: она жизнеспособна лишь как составная часть всей традиционной этнической культуры и сама немало воздействует на нее.

Фольклор, как и другие формы культуры, удерживает в одновременности исторически разноэтапные элементы. Таким путем и создается традиция. Сохраняясь, фольклорное наследие непрерывно модифицируется, приспособляясь к меняющейся действительности. Обе тенденции ярко заметны, когда один и тот же слово-образ, поэтическая формула или напев усваиваются несколькими жанрами. В этом случае средства народной поэзии или музыки оказываются доступны синхронному наблюдению в своих различных состояниях – ведь старшие жанры продолжают жить рядом с более моло-

дыми разновидностями устной культуры. Раннее наследие, хотя и поддерживает свою жизнь в позднее возникших формах фольклора, но все же постепнно сходит на нет, доходя до нас в виде смутных отголосков своего времени.

Существует много способов, чтобы показать различия язычества и христианства в понимании смысла человеческой жизни. Рассмотрим соотношение двух систем путем выявления смысла годового круга, содержащего полностью народных языческих календарных обрядов и церковных праздников.

До принятия Христианства культура Руси была языческой. В то время сформировались как семейно-бытовые, так и образующие годовой круг календарные обряды. С принятием христианства на Русь приходят новые, христианские традиции. Начинается смена культур. Древние языческие обряды, во всяком случае, самые свирепые и варварские, например, человеческие жертвоприношения (см. «Повесть временных лет»), были запрещены властью, идолы ниспровергнуты, а некоторые обряды были преобразованы под влиянием православия. Например, песни-колядки стали прославлять Рождество Христово вместо древней Коляды. В некоторых случаях получилось так, что новое христианское содержание наполнило уже практически готовую языческую форму, одухотворило непосредственное поклонение природе, преобразило антропоморфные пантеистические представления глубиной символического содержания. В итоге христианская традиция практически полностью сменила языческую.

Однако процесс осложнялся проблемой двоеверия. Не сразу уходит старая вера, и не вдруг уступает она место новому мировоззрению, долго сохраняется она в структурах мысли и формах быта. В народном сознании языческие традиции и суеверия оказались очень живучи, поэтому в крестьянской среде, наряду с христианскими, сохранились и древние обряды. Это соединение христианских и языческих верований и обрядов в народе создает то уникальное мировоззрение, при котором «крестившись во Христа, веруют в то же время в Перуна, Волоса и др. языческих богов». Именно это явление -

соединение христианских и языческих верований, - называемое двоеверием, является одной из ярких особенностей и одной из основных проблем русского фольклора. Указания на двоеверие содержатся в древнерусских литературных памятниках («Поучения» Феодосия Печерского и Серапиона Владимирского, «Слово христоролюбца» и др.). Двоеверием называют людей, которые, уже приняв христианство, «ходили молиться под овины, к священным (в язычестве) древам, болотам, колодезям; ели удавленнику и мертвечину, призывали волхвов и т.д.» О существовании на Руси двоеверия свидетельствуют также «Слово о полку Игореве», многие народные песни, например, упоминающие о «Дид-Ладо», существовавшие до недавнего времени праздники Ивана Купала и другие. Даже в конце XVIII в. еще были распространены празднования в честь Ярилы, например, в Воронеже, где их обличал Св. Тихон Задонский.

Двоеверие существовало и в других странах. В частности, в IV веке в Восточной Римской Империи. Так, Св. Василий Великий и Астерий Амасийский укоряли современных христиан за празднование календ и за то, что их праздники на могилах умерших родственников были подобны языческим «луперкалиям». В русском фольклоре достаточно много жанров, в которых одновременно присутствуют языческие и христианские мотивы и образы.

Все обряды устанавливаются той или иной традицией и имеют для участников и исполнителей «магическое, юридическо-бытовое и ритуально-игровое, эстетическое значение».

Основа христианских обрядов - вера в Единого Бога-Творца мира. Одна из основных особенностей христианства в том, что оно не является отвлеченно-умозрительным философским учением, связано с церковью. Церковь - мистическое Тело Христово. Поэтому все христианские обряды совершаются в церкви (богослужение, таинства, молебны) или членами церкви. Отличие христианского обряда от магического в том, что христианский обряд требует веры и сознательного свободного участия. Только тогда человек может получить помощь от Бога.

Основа языческих обрядов — языческая вера, для которой характерны такие признаки, как политеизм (многобожие), анимизм (вера в существование духов), пантеизм (обожествление природы), антропоморфизм (представление, что все силы природы обладают человеческими качествами, такими, как разум, воля, чувства), магизм (вера в то, что человек с помощью различных заклинаний и других действий может влиять на окружающий мир). Магические обряды основаны на языческих, суеверных представлениях о природе. При помощи магических обрядов люди думали обезопасить себя от враждебных сверхъестественных сил или добиться своих целей (благополучия). Юридическо-бытовые обряды были призваны фиксировать заключения соглашений между отдельными людьми, семьями, селениями. Ритуально-игровые обряды предназначались для развлечения, удовлетворения эстетических потребностей человека. В таких обрядах, как свадьба, похороны переплетались элементы всех разновидностей обрядов, создавались сложные обрядовые комплексы.

Народные обряды — это строго определенные действия (печенье жаворонков, завивание венков из березы, прыгание через костер, обыспание жениха и невесты зерном и т.д.), назначение которых — достижение определенной цели (хороший урожай, благополучие, счастливая семейная жизнь). Народный обряд состоит из действий и слов. Словесная сторона обряда состоит из специальных песен, заговоров. Произведения фольклора, которые возникли и исполнялись во время совершения обрядов, получили название обрядовой поэзии. Они сопровождали обряд, являлись его составной частью и никогда не исполнялись отдельно от обряда.

Народные обряды делятся на два цикла: календарные и семейно-бытовые. Семейно-бытовые обусловлены рождением человека, вступлением в брак, проводами в армию и смертью. Календарные обряды составляют годовой круг и приурочены к временам астрономического года (зиме, весне, лету, осени), а также к зимнему и летнему солнцевороту, связаны с хозяйствен-

ной деятельностью крестьян. Совершались они строго в определенные дни.

Сущность и взаимообусловленность календарных обрядов различные ученые объясняли по-разному. И. Сахаров, Е. Аничков подразделяли обряды на четыре цикла (весенние, летние, осенние, зимние) в зависимости от времени года. Ф. Буслаев, А. Афанасьев положили в основу классификации миф о смерти и воскресении солнца (зимой оно умирает, летом воскресает). В. Чичеров обосновывал обусловленность календарных обрядов трудовой деятельностью крестьян и разделял обряды, способствующие подготовке и увеличению урожая, и обряды, благоприятствовавшие уборке урожая. Классификацию В. Чичерова поддержали В.Я. Пропп, В.К. Соколова, В.П. Аникин.

Несомненно, каждая группа ученых отметила одну из существенных и неотъемлемых сторон календарной обрядности. Действительно, все обряды разделяются на четыре цикла, миф об умирающем и воскресающем солнце является основным, а главной целью, без сомнения, — увеличение урожая.

Зимние новогодние обряды (языческие) были связаны с мифом о умирающем и воскресающем солнце, и главным днем обрядовых действий был день зимнего солнцеворота. Чтобы помочь солнцу, которое находилось в «трудном положении», жгли костры, что должно было послужить возрождению солнца. Как известно, до IV века Рождество праздновалось разными церквями в разное время. И только в IV веке было принято общецерковное решение праздновать Рождество 25 декабря. Это было связано также и с тем, чтобы Рождество вытеснило народный праздник Нового года, соединенный с поклонением солнцу. Природное явление — возрождающееся солнце — соединяется с историческим событием Рождества Иисуса Христа. Но дело здесь не только в «административном» решении Церкви. Суть вопроса глубже. Дело в том, что в Евангелиях изначально пришествие в мир Спасителя описывается, как пришествие Света во тьму: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во

тьме светит, и тьма не объяла его... Был Свет истинный. Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1, 1-9). Евангелие утверждает учение о Боге как о свете, действующем в этом мире, через Который мир спасается, просвещается и преобразуется. «Вы — свет мира», (Мф. 5, 14) —, говорит Христос своим ученикам. Через этот свет, нетварный по своей сущности, как учил, в частности, Григорий

Палама, подвижник входит в общение с Непостижимым Богом. Исполняясь этим светом, он приобщается божественной жизни, преобразуется в новую тварь. В христианском миропонимании человек не может стать богом по природе, но может стать богом по благодати. И обожение человека есть конечная цель всякого духовного делания.

Список литературы

1. Захаров В.М. Поэтика русского танца, в 5-ти тт. М., 2010.
2. Ивлева Л. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.
3. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М., 1989.
4. Мифы народов мира. В 2-т. М., 1980.
5. Михеева Л.Н. Русские народные праздники. М., 2007.

THE TRADITION OF REGIONAL FOLK CULTURE. CHRISTIAN ANNUAL CIRCLES

Djichonaya Magda Alexseevna

PhD in Culturology, associate Professor,
Institute of Slavic culture, «Russian state University named after A. N. Kosygin»,
magdalena-27@mail.ru

Abstract

The article considers relations between the people of the pagan calendar rituals and religious holidays. Folk rituals are divided into two cycles: calendar and family and household. Folk rituals is a certain action, combination of action and words.

Keywords

The folklore of ethnic, regional folk culture and folklore as a form of culture, pagan and Christian traditions, the New year. Magic, ritual and household the value of rituals.

УДК 008.001.14
ББК 71.4

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГОРОДА СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. ТОЛЬЯТТИ)

Скрипачёва Ирина Александровна
доктор культурологии, профессор, ректор
МБОУВО «Тольяттинская консерватория»,
ул. Победы, д. 46, г. Тольятти, Россия, 445022.
e-mail: skripka1958@yandex.ru

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы существующей городской культурной среды г. Тольятти, ее функционирование как реальной культурной целостности. Представлены материалы, анализирующие влияние строительных и планировочных структур современного промышленного города на эстетический образ города и качество жизни, предпочтения горожан.

Ключевые слова

Город, городская среда, технический прогресс, образ жизни, культурный код, эстетика восприятия, состояние культуры.

Современное общество сталкивается с глубокими изменениями, происходящими в разных областях жизни больших городов, на которые активно влияет целый ряд факторов. В связи с этим понятия: «город» и «городская среда» могут быть трактованы как исторически сложившийся способ существования социальной общности людей, со специфической формой ее самоорганизации и регулирования процессов коллективной жизнедеятельности. Проблемы формирования композиции, эстетического осмысления городской среды стали особо актуальными в последние годы в связи с ростом городов, увеличением темпов строительства и плотности городской застройки. Таким образом, обеспечение композиционной и визуальной целостности городов становится актуальной проблемой современной теории и практики градостроительства.

Эстетический аспект восприятия городской среды может быть приравнен к своего рода особой деятельности, выражающейся в целенаправленном и целостном восприятии города, как архитектурного произведения, как эстетической ценности, сопровождающейся эстетическим переживанием. Эстетическое восприятие имеет открытый характер, включающий жизненный опыт субъекта, его эстетический вкус и ценностные ориентации. Избирательность и глубина такого восприятия обусловлены состоянием культуры общества и общекультурным потенциалом самой личности.

Эстетике свойственно нести особые знания, влияя на эстетическое сознание человека, переживать прекрасное и трагическое, вводить людей в мир красоты; она решает задачи гармонического всестороннего развития личности, ей принадлежит заслуга открытия многообра-

зия гармонических отношений человека с миром. Гармония при этом выступает неотъемлемой характеристикой эстетического идеала общественного развития. «Нет красоты ни в чем без гармонии», - говорил Платон, формулируя принципы эстетики.

«Польза, прочность и красота» - классическая формула, выдвинутая Витрувием, которая лежит в основе многих теоретических работ по архитектуре, актуальная до сих пор. Архитектура как искусство появляется там, где возникает нечто такое, чего нет ни в конструкции, ни в строительном материале, ни в самом здании. Важно, чтобы утилитарная польза превратилась в духовную. Именно это делает архитектуру искусством.

Человеку свойственно стремление к лучшему. Благоустроенность и красота города создают особую привлекательность, наполняя его новыми смыслами и значениями, не только для гостей, но и для самих жителей города.

Изучению городской среды посвящено много исследований, в частности, исследование американского ученого К. Линча, который приходит к выводу, что восприятие образа городской среды есть результат двустороннего процесса между зрителем и его окружением. В 70-х и 80-х годах XX в. особое значение стали придавать комплексному восприятию и выявлению средовых методов организации городского пространства.

В конце 20-х годов XX в., в условиях начавшегося массового индустриального строительства городов и поселков городского типа, архитекторов отстранили от обсуждения проблем и программ эстетики

Эстетика внешнего вида городов претерпела значительные изменения уже в период расширения возможностей индустриального строительства в 60-е-70-е годы XX в. Характерное для этого времени типовое проектирование вытеснило архитектуру как искусство и трансформировало ее в сугубо технологическую деятельность. В крупных городах значительные территории стали застраиваться не просто типовыми зданиями, но типовыми микрорайонами. Одинаковые, жестко распланированные,

они вытеснили слободские поселения, кольца огороднических зон, окружающих крупные города. Более того, они активно проникали в исторически сложившиеся части поселений, разрушая привычные их образы и исторические планировки. Конечно, ни о каком эстетическом соотношении старых кварталов и новостроек речь не шла.

Справедливо суждение в исследованиях П.Е. Суворовой о том, что, например, «Тольятти еще в поиске своего культурного кода, который стремится позиционировать себя правопреемником истории Ставрополя-на-Волге и в то же время активно осваивает традиции европейского культурного бытия, способствующие формированию самоощущения горожан как обитателей уникального пространства. Тольятти - «город – вспышка», стремительно выросший за несколько десятилетий, а потому «торопится и не успевает освоить те ценности, которые традиционно манифестируют принадлежность определённого локуса к большому мифологическому пространству».

Период строительства Ставрополя-Тольятти пришелся на время борьбы с «архитектурными излишествами», и потому архитектура его крайне проста: все выстроено по линейке, вписано в прямоугольную сетку, расчерчено на квадраты. Там, где кончается лес (который окружает город и разделяет его районы), начинаются ровные и однообразные кварталы жилых домов и не слишком затейливых общественных зданий.

Пестрая мозаика, которую представляют собой объекты и явления культуры Тольятти не составляет единой, законченной картины. По видимому, она и не может образоваться сама по себе, без специальных целенаправленных усилий, не может обрести необходимую цельность и уравновешенность всех составляющих ее элементов. Это обстоятельство послужило одним из основных мотивов данного научного исследования.

Длительное преобладание плановой, централизованной экономики привело к отчуждению производства от реальных нужд потребителей и нивелировало роль эстетического

фактора в материальной культуре. Такое положение способствовало постепенному вытеснению эстетических эталонов предметной среды, игравших значительную роль в истории русского города, как объектов, символизирующих духовные ценности.

Современный город Тольятти исторически объединен тремя территориально разобщенными районами – Комсомольским, Центральным и Автозаводским, возникновение которых связано с тремя этапами становления производственной базы города.

Одной из характерных проблем формирования культурной среды Тольятти – как и многих других молодых промышленных городов страны – является отставание развития объектов социально-досуговой сферы от темпов роста самого города. По этой причине появилась диспропорция между размерами города и уровнем развития социокультурной инфраструктуры. Это выражается не только в отсутствии ряда организаций и учреждений, необходимых для культурного развития города подобных масштабов, но и в высокой контрастности ресурсного обеспечения учреждений культуры по районам и типам учреждений культуры. К примеру, в Автозаводском районе ведомственная инфраструктура рекреативно-развлекательной и досуговой сфер развита существенно лучше, чем в других двух районах. Это и большее скопление населения (419 тыс. человек), и более высокий уровень развития инфраструктуры, по сравнению с другими районами города, а также уровень благосостояния рабочих и служащих автозавода. Это же касается и посещаемости учреждений культуры. В типологическом плане наиболее обеспеченными оказываются концертно-зрелищные учреждения, а наименее обеспеченными – учреждения музейно-выставочного комплекса.

Вполне очевидно, что проблема эстетики городской среды в итоге ставит задачу создания комфортности архитектурной среды. Особенную актуальность она приобретает в настоящее время – время технических инноваций и многочисленных архитектурных достижений. Их успешная реализация всегда находилась в

прямой связи с творческой личностью архитектора, дизайнера, с их идеологией и пониманием всех современных достижений в области градостроительства и дизайна архитектурной среды. Об этом свидетельствует исследование, проведенное Владычиной Е.Г., под романтическим названием «Город мечты и реальный город». В нем рассмотрены проблемы создания полноценной городской среды для человека, приближение этой среды к людям. По мнению автора, эту сложную задачу должен был решать дизайнер. Но, к сожалению, в течение двух десятилетий развития Тольятти рядом с архитектором его не было, хотя вполне очевидно, что «дизайнер должен работать не после, а вместе с архитектором».

В дополнение к сказанному может быть приведено содержание беседы с главным художником, дизайнером Н.Н. Александровым, который рассказал о том, что дизайнеры из группы главного художника города в свое время создали концепцию дизайн-проекта городского пространства применительно именно к Тольятти, городу без длительной истории и традиций. Предполагалось, по такому примеру будет осуществляться в будущем строительство новых городов, подобных Тольятти. По его словам, к данному эксперименту был применен комплексный подход, где принимали участие люди разных профессий — дизайнеры, архитекторы, социологи, историки, благодаря чему проект включил в себя не просто отдельные кусочки или элементы среды, но предусматривал комплексное решение как культурологических, эстетических, так и социальных аспектов. Эта программа, названная «Дом-250», была призвана компенсировать градостроительные недостатки и придать широкую сферу деятельности новой организации, целью которой являлось всестороннее развитие личности, включающее восемь направлений: эстетическое, педагогическое, экологическое, научное, спортивное, медицинское и т. д., интегрировать, координировать всю работу был призван дизайн. Но, к сожалению, это так и осталось блестящей концептуальной идеей для «города мечты». Изолированность между районами, различная исто-

рия возникновения и развития их не только привели к образованию огромных, ничем не заполненных пространств, но сократили и без того скудные возможности для культурного развития и досуга.

Интересно, что мнения патриотов родного города и потенциальных мигрантов практически не различаются при выделении критериев урбанистической престижности. Представители обеих групп чаще всего выделяют уровень жизни горожан, развитую производственную сферу, чистоту, благоустройство. Примерно в два раза реже представители подрастающего поколения отмечают критерии городской среды, связанные с развитием духовной культуры. Следовательно, мнения молодежи разделяются на основании представлений об уровне реализации критериев престижности в условиях конкретной городской среды. Молодежь, которая остается в Тольятти, считает, что данные показатели получили воплощение в родном городе, а потенциальные мигранты, вероятно, придерживаются противоположного мнения и поэтому стремятся в другие регионы. Таким образом, на сегодняшний день условия жизни в Тольятти соответствуют потребностям примерно половины молодежи, вступающей во взрослую жизнь, материальные и духовные запросы которой сравнительно невысоки.

Для сравнения приведем данные исследования Финансового университета при правительстве РФ, опубликовавшего рейтинг российских городов по качеству жизни за 2015 г. В предыдущем исследовании Тольятти обрел славу «самого бедного города России». В этом году все еще хуже — теперь Тольятти – просто один из самых плохих крупнейших российских городов. В предыдущем исследовании университета участвовали города России с населением более 500 тыс. человек (в Тольятти более 700 тыс.), всего их было 37 городов. В этом году принцип сохранился, но в рейтинг включили ещё и Грозный (284 тыс. человек), который сходу вошёл в пятёрку, несмотря на низкие показатели по критериям: «доходы населения», «качество медицинского обслуживания» и «образование».

Для того, чтобы определить лучший в России город по качеству жизни, составители рейтинга использовали три подхода. Первый учитывает доходы населения, качество медицины и доступ к хорошему образованию. Вторым состоит из таких критериев, как качество жилья, работа служб ЖКХ, состояние дорог и уровень благоустройства. Третий подход изучает миграционные процессы: авторы рейтинга справедливо решили, что население «голосует ногами», то есть люди переезжают туда, где больше возможностей. Проще говоря, этот показатель позволяет узнать, хотят люди жить в конкретном городе или нет. Рассмотрим Тольятти по первому подходу: доступность образования (второй с конца), качество медицины (четвертый с конца), доходы населения расположились в середине списка, а Москва и Петербург держат марку лучших городов. Второй подход явно обнадеживает своими данными, хотя Тольятти расположился во второй части рейтинга, существенно ниже середины. Итоговый рейтинг качества жизни определил Тольятти пятым с конца. Это еще раз доказывает крайне негативную ситуацию в городе, которая требует незамедлительных действий.

В условиях сложившихся мировых тенденций, с одной стороны, Тольятти имеет возможность ставить амбициозные стратегические цели развития на основе использования вновь открывающихся возможностей, с другой – находится в процессе решения острых экономических и социальных проблем.

По итогам Всероссийского мониторинга досуговых предпочтений населения в муниципальных образованиях, учреждения культуры позиционируются как центры информации, общения и социальных инициатив. На основании репрезентативной выборки, 87 % опрошенных считают муниципальные учреждения культуры основным источником культурной деятельности и организации досуга.

Стоит отметить еще и тот факт, что молодежь в значительной степени ориентирована на «центры», в связи с чем возрастает ее мобильность и готовность осваивать новую территориальную, профессиональную и культурную

среду такого «центра». И это особенно важно в условиях наступившего экономического кризиса. Но способность к адаптации развивает-ся в ущерб культурной преемственности, спо-собность к усвоению «отраслевых» знаний – в ущерб усвоению долговременных социокуль-турных норм и ценностей, умение ориентиро-ваться в производственно-экономической среде – в ущерб культурной интеграции.

Взрослое самостоятельное население Тольят-ти также не является в достаточной степени ин-тегрированным в культурно-досуговую среду. Большая часть времени и сил взрослого насе-ления посвящена производству – той самой си-стеме, которая автономна по отношению к тер-ритории проживания. Таким образом, житель территории не выступает строителем своей среды: и профессиональная, и досуговая этика предполагают особую мобильность личности, ее устремленность к специализированной ин-формации и деятельности вне территориально-го происхождения.

Что касается представителей третьей груп-пы – пенсионеров, то в рамках системы жизне-устройства им принадлежит особое место. Эта

категория горожан активно посещает различ-ные мероприятия, больше других озабочена экономическим, культурным качеством мест-ной среды.

Обобщая сказанное, следует еще раз под-черкнуть, что крупный город сегодня – это весьма сложное пространственное и культур-ное образование, которое нельзя представить как единое целое, поскольку оно слишком ве-лико и неоднородно. Важно также понять, что в активную практическую деятельность по фор-мированию, благоустройству, поддержанию вы-сокого эстетического качества жизненной сре-ды с необходимостью должны включиться – и как можно шире – сами горожане.

Совершенствование духовной жизни го-рода – немыслимо без наличия в сознании лю-дей неких духовных ориентиров, влияющих на мотивацию их деятельности, на выбор ими тех или иных жизненных позиций. В жизни чело-века необходимо присутствие идеалов, которые должны динамично воплощаться в его образе жизни: в поведении, мировоззрении, в процессе взаимодействия с другими людьми в различных сферах общественной практики.

SOCIAL REALITY OF TOWN THROUGH THE PRISM OF CULTURAL PROCESSES (ON AN EXAMPLE OF TOLIATTI)

Skripacheva Irina Aleksandrovna,

DSc in Culturology, professor, chancellor MBOU In «Toglyatti conservatory»,
street of Victory, д. 46, Toglyatti, Russia, 445022,
e-mail: skripka1958@yandex.ru

Abstract

In the article the modern comprehension of municipal cultural environment and consideration of her functioning are offered as to the real cultural integrity. Materials analysing a plan structure of modern industrial city on the different stages of municipal development, influence of her, are presented on character and quality of life of townspeople, where term “quality” appears as a complex of technological and consumer properties of elements of municipal environment, including their aesthetic level.

Keywords

City, municipal environment, technical progress, way of life, cultural code, aesthetics of perception, state of culture.

Список литературы

1. Борисовский Г. Б. Красота и польза в архитектуре / Институт истории искусств. М., 1975. С.29.
2. Владычина Е.Г. Город мечты и реальный город/ Техническая эстетика. 1987. № 11. С. 6-9.
3. Карпенко А.Г., Потокина Т. М. Эстетика искусства как одна из составляющих архитектуры // Проблемы образования в современной России и на постсоветском пространстве: Сб. ст. XVI Международной науч.-практ. конф. Пенза, 2010. С.45.
4. Методические рекомендации по реализации вопросов местного самоуправления в сфере культуры городов и сельских поселений, муниципальных районов. М., 2006.
5. Орлова Э.А. Современная городская культура и человек. М., 2002. С.183.
6. Скрипачева И.А. Город как культурная система. Тольятти, 2009. С.156.
7. Суворова П.Е. Ставрополь–Тольятти: сотворение мифа и формирование социокультурной среды / П. Е. Суворова // Наука – промышленности и сервису: Сб. статей 4-й Междун. науч.-практ. конф.; Поволжский гос. ун-т сервиса. Тольятти, 2010. С. 400–404.
8. Цветкова И.В. Престиж города в глазах молодых тольяттинцев / Социс. 2010. №3. С.106–111
9. Размещено на <http://www.allbest.ru/> дата обращения 24.01.2016

УДК 371.383
ББК 77.2

РАЗВИТИЕ ФОРМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 20 ВЕКА

Кондратенко Наталья Владимировна,
заведующая учебной частью филиала СамГУПС в г. Пензе,
ул. Володарского, д. 98/5, г. Пенза, Россия, 440000,
nvkond@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрен вопрос об особенностях развития региональных форм художественной самодеятельности в период сформировавшейся потребности населения в самовыражении через непрофессиональное творчество. Анализируется массовый характер художественной самодеятельности, ее культурно-историческая преемственность, обеспечивающая устойчивость социокультурных технологий деятельности в учреждениях культуры.

Ключевые слова

Формы художественной самодеятельности, кружковая работа, народное творчество.

Одной из институциональных форм организации культурной жизни общества являются учреждения культуры, в частности, клубы. Исследование технологий деятельности этих учреждений в разные исторические периоды позволяет обобщить культурно-исторический опыт их работы с целью синтезировать традиции и новации в развитии сферы досуга, с одной стороны, а с другой – продемонстрировать связь этих форм с запросами повседневной жизни людей, потребностями общественного развития. Изучение региональных аспектов функционирования учреждений культуры дает представление об особенностях их развития на конкретных этапах истории. Их изучение важно и в целях противодействия духовно-нравственной деградации современного российского населения. Академик Жуков В.И. в одной из своих

работ подчеркивает: «Необходимо проведение государством последовательной политики духовного обновления общества, совершенствование человеческой индивидуальности на основе многовековой культуры России при сохранении культурной преемственности всех периодов развития общества.¹ Формирование подобной политики также должно основываться на прошлом опыте, изучении динамики разных форм творческого развития личности, в том числе и в формах художественной самодеятельности. Развитие творческих сил населения будет способствовать формированию конструктивных основ культурной политики Российской Федерации в целом и ее регионов.

¹ Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. Т. 1. Россия на рубеже тысячелетий: социология экономики и политики (1985 – 2005). – М.: Издательство РГСУ, 2007. С. 530.

После Великой Отечественной войны в Пензенской области, как и по всей стране, требовалось возрождение культурно-просветительных форм работы с населением. Во время войны территория области находилась в тылу, ее население составляли люди, вносящие непосильный вклад в развитие материально-технической базы фронта и тыла. Сверхурочные работы, нерегулярный отдых ослабляли развитие культурно-просветительной работы. Тем не менее, эта работа велась и среди сельских жителей, и среди рабочих городских промышленных предприятий. По окончании войны, в первые послевоенные годы, основным видом учреждений культуры в городе Пензе и в области оставался клуб как центр культурно-просветительной и культурно-досуговой работы среди населения. Это были сельские клубы и избы-читальни, профсоюзные клубы и красные уголки. К их деятельности предъявлялись требования повышать культурный уровень широких слоев населения, сочетая различные формы и методы воспитательной работы с организацией культурного отдыха, удовлетворения потребностей в общении, образовании, развлечениях, реализации творческих возможностей.

Одним из приоритетных направлений клубной работы продолжало оставаться развитие народного творчества и художественной самодеятельности. В рамках этого направления организуются драматические, музыкальные, хоровые и танцевальные кружки, устраиваются выставки самодеятельных народных художников, резчиков и вышивальщиц, проводятся вечера художественной самодеятельности и праздники народного творчества.

Художественная самодеятельность позволяла реализовать сущность культурно-просветительной работы, носящей массовый характер и охватывающей разные слои населения, вовлекать людей в политическую, производственную и культурную жизнь. Одновременно участие в художественной самодеятельности способствовало развитию творческой инициативы и совершенствованию исполнительских навыков кружковцев.

Наиболее распространенной формой пока за результатов творчества был вечер-концерт. Для его проведения привлекались все кружки, ансамбли и коллективы, работающие в клубе, при этом использовались различные формы и жанры самодеятельного искусства. Вечер-концерт традиционно начинался с вступительного слова или специального доклада. Затем, обычно, следовало выступление самодеятельного духового, струнного или джаз-оркестра. В каждом отделении концерта были обязательны: художественное чтение, вокальные, музыкальные и хореографические номера, а завершался концерт, чаще всего, скетчем, короткой пьесой шутивого содержания или одноактной пьесой.

Выездные концерты художественной самодеятельности осуществлялись агитационными бригадами. Работа агитбригады являлась составной частью общей работы сельского клуба, избы-читальни, профсоюзного клуба или красного уголка. Агитбригады составлялись из наиболее активных и, преимущественно, молодых участников художественной самодеятельности: певцов-солистов, танцоров, чтецов, рассказчиков, баянистов, балалаечников, частушечников, небольших вокальных ансамблей и танцевальных групп в зависимости от возможности клуба. Состав агитбригады обычно не превышал 6-10 человек из-за необходимости частых переездов.

Выезжая в колхозы, выступая в цехах и красных уголках предприятий со специально подготовленными программами, этот боевой отряд художественной самодеятельности проводил агитацию средствами искусства. Темы выступлений были разнообразны, и, как правило, были приурочены к важным событиям трудовой жизни коллективов. Для работников колхозов и совхозов темами выступлений были - весенний сев, уборка урожая, избирательная кампания. Для обслуживания промышленных предприятий – выполнение производственных планов, улучшение качества выпускаемой продукции, трудовая дисциплина, борьба с недостатками в работе коллектива, экономия средств и др. Программа культурно-агитационной бригады обычно включала в себя, кроме

художественной части, и политико-просветительскую работу, представляющую собой проведение беседы или чтение лекции. Номера художественной части отбирались по принципу возможности их исполнения на небольших площадках, на открытом воздухе, на народном гулянии и т.п. Это были одноактная пьеса, скетч, миниатюра, рассказ, стихотворение, песня, сольные или дуэтные вокальные, музыкальные и танцевальные номера.

По содержанию все номера должны были быть агитационными, доводящими в художественной форме до сознания зрителей определенную идею. К репертуару агитбригад выдвигалось требование использовать лучшие произведения советских поэтов, писателей и композиторов, а также одноактные пьесы, сценки и миниатюры советских драматургов.

Архивные материалы сохранили описание одного из таких мероприятий – это работа агитбригады клуба фабрики «Маяк революции», организованная для оказания шефской помощи селу и культурного обслуживания колхозников во время уборки урожая 1950 года. Автомашина с членами агитбригады была оформлена лозунгами, посвященными уборке урожая, портретами И.В. Сталина и Л.П. Берии, цветами, на боковых бортах – выполненные на фанере фотомонтажи-выставки о работе академиков И.В. Мичурина и Т.Д. Лысенко. Поездка агитбригады длилась три дня, за которые она посетила 10 колхозов, где давала свои концерты. До начала концертов рядом с импровизированной сценой оборудовался стол, здесь колхозникам выдавались журналы, газеты и настольные игры. Созданию праздничной атмосферы содействовало исполнение аккордеонистом музыкальных произведений, предваряющих начало мероприятия.²

Зачастую уровень мастерства непрофессиональных исполнителей подвергался критике со стороны компетентных зрителей. Однако при этом не следует забывать о том, что аудитория, перед которой выступали участники агитбригад, как правило, не имела профессионального образования, отличалась невзыскательностью

2 ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 24.

к художественному уровню исполнительства. Главное, чтобы было доступно, наглядно и весело. Таким образом, с задачей пропаганды и агитации кружковцы успешно справлялись. Актуальным в работе коллективов художественной самодеятельности, как и в деятельности агитбригад было не только проведение концертов ради отдыха трудящихся, но и использование их как средства искоренения недостатков в работе. Например, агитбригада «Велосипед» велосипедного завода в резкой сатирической форме вскрывала недостатки в производственной жизни завода – брак в производстве, косность при внедрении новой техники, волокиту с рационализаторскими предложениями и другое.

Во второй половине 1940-х годов строгого учета кружков художественной самодеятельности в Пензенской области не велось. Однако работниками Пензенского областного Дома народного творчества с помощью переписки с районами и выездов в районы было подсчитано, что в 1946 году в области работали 374 драматических, 193 хоровых, 38 музыкальных и 20 танцевальных коллективов. В самом городе Пензе функционировали 47 драматических, 12 хоровых, 17 музыкальных и 13 танцевальных коллективов. Однако в статистических материалах не упоминаются кружки изобразительного искусства, собирателей фольклора. Следует иметь в виду, что фольклор в этот период не рассматривался самими жителями села и малых городов, как нечто далекое и утраченное. Возраст старшего поколения, многодетные семьи хранили в своей среде множество песен, пословиц и поговорок, сказок. Само художественное творчество рассматривалось как повседневное занятие множества умельцев, среди которых были и руководители самодеятельных кружков. Они руководствовались принципом: научи тому, что умеешь делать сам. Поэтому из участников кружков набирались и руководители творческих коллективов.³

Кружки художественной самодеятельности привлекались к участию в различных массовых политических и производственных кампаниях. Так, в 1946 году в период подготовки к выборам

3 ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 28.

в Верховный Совет СССР для обслуживания избирателей города Пензы была оборудована агитмашина, предоставленная в распоряжение общегородской молодежной культбригады, состоящей из 42 человек. Концертные бригады создавались и для обслуживания колхозников во время весенней посевной кампании. Они выезжали на полевые станы и давали концерты для тружеников села. Обязательным было выступление агитбригад во время общегородского празднования Дня Победы, которые давали концерты в центральных парках и на площадях города.

Если в городах области в послевоенные годы существовали профессиональные театры, то сельские жители были лишены возможности регулярно посещать театры. Чтобы приблизить театральное искусство к жителям села, составляющим большую часть населения Пензенской области, в районных домах культуры особое внимание стали уделять развитию театральной самодеятельности, которая должна была восполнить отсутствие этого вида профессионального искусства на селе. Драматические кружки сельских клубов и изб-читален готовили одноактные пьесы, которые было проще поставить неподготовленным профессионально самодеятельным артистам. Периодически организовывался конкурсный вечер одноактных пьес, на котором выступали лучшие драматические кружки сельских клубов и изб-читален.

Стимулом развития театральной самодеятельности в Пензенской области стало участие ее коллективов в 1947 году во Всероссийском смотре сельской художественной самодеятельности, который проводился в ознаменование 30-летия Советской власти. Задачами этого смотра стали развитие художественной самодеятельности на селе, широкое вовлечение в самодеятельные коллективы колхозников, сельской интеллигенции, рабочих и служащих МТС и совхозов, членов их семей, организация новых коллективов, выявление наиболее способных участников и лучших коллективов художественной самодеятельности, показ их достижений широкой общественности. По районам области в смотре приняли участие 507 коллек-

тивов из 21 района, в которых участвовало более пяти тысяч человек.

Подготовка к участию во Всероссийском смотре стала стимулом для создания новых самодеятельных коллективов. Было вновь организовано более ста самодеятельных коллективов общей численностью около тысячи человек. Это были драматические, хоровые и танцевальные коллективы, вокальные ансамбли, ансамбли песни и пляски, оркестры народных инструментов, духовые оркестры и инструментальные ансамбли. В смотре также приняли участие более 400 человек индивидуальных исполнителей на различных инструментах, чтецы, рассказчики, сказители, частушечники, певцы, танцоры, исполнители эстрадных жанров, художники, мастера художественных ремесел.⁴ Всего в смотре художественной самодеятельности на областном этапе приняли участие более 700 человек.⁵

В этом же году Пензенская область приняла участие во Всесоюзном смотре самодеятельного театрального искусства, в котором приняло участие множество самодеятельных театральных коллективов рабочих и служащих. Смотра предполагал многоуровневую организацию: сначала это фабрично-заводские смотры, затем – городские, областные и республиканские.⁶

Среди кружковой работы особенно активно развивалась музыкальная самодеятельность. В отчете о деятельности Пензенского областного Дома народного творчества за 1948 год приводятся такие сведения о коллективах музыкальной самодеятельности. В области 474 музыкальных и вокальных кружка, из них 404 кружка сельской музыкальной и хоровой самодеятельности. Среди музыкальных самодеятельных коллективов были оркестры щипковых народных инструментов, духовые оркестры, джаз-оркестры, инструментальные ансамбли, кружки баянистов, аккордеонистов, дуэты, трио и квартеты всех жанров, хоровые кружки народной песни, а также вокальные ансамбли, ансамбли песни и пляски. Охват населения кружками му-

4 ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 93.

5 ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 94.

6 ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 60; Д. 19. – Л. 16.

зыкальной самодеятельности составлял около шести с половиной тысяч человек.⁷

Отсутствие профессиональных музыкантов в сельских клубах потребовало от областного Дома народного творчества организации для художественных руководителей музыкальных кружков специальных учебных занятий. Чаще всего это были лекции-концерты на определенную тему, например: «Ознакомление с лучшими произведениями русской классической музыки, рекомендуемыми к исполнению в музыкальной самодеятельности». Лекция иллюстрировалась исполнением произведений композиторов, о творчестве которых говорил лектор – профессиональный музыкант.

Следует отметить, что если самодеятельных духовых оркестров в области насчитывалось десять, и все они были сосредоточены в городе Пензе, то из всего количества хоровых кружков (320 в области) большая часть функционировала на базе сельских клубов, избчитален и районных домов культуры (271 хоровой коллектив).⁸

Дальнейшему развитию хоровой самодеятельности способствовала организация в 1949 году объединенных сельских хоровых коллективов. В каждом районе области был организован объединенный хор на основе хоровых коллективов сельских культпросветучреждений, для чего каждый из последних обязывался создать хоровой кружок. Для объединенных хоровых коллективов утверждался общий репертуар, состоящий из старинных песен, а также современных, отражающих жизнь района, из припевок и танцев. Все участники объединенного хора были одеты в русские народные костюмы. Почти при каждом хоре работала танцевальная группа, которая сопровождала хороводные песни и выступала отдельно.

Объединенные хоры стали основой для организации новой формы проведения смотра художественной самодеятельности в области. Между районами организовывалось соревнование за право участия хоровых коллективов на Областном празднике песни, который с 1953

года проводился ежегодно осенью после уборки урожая.

Обязательным было включение в репертуар сельских хоровых коллективов, наряду с народными песнями, песен советских композиторов В.И. Мурадели, А.В. Александрова, С.С. Туликова, А.А. Бабаджаняна и других. Исполнялись также арии из опер «Садко» Н.А. Римского-Корсакова, «Русалка» А.С. Даргомыжского, «Пиковая дама» П.И. Чайковского, «Иван Су-санин» М.И. Глинки и др.

Расширению театральной самодеятельности области способствовал открытый в 1955 году в Пензе театр народного творчества. На сцене театра выступали 18 лучших самодеятельных коллективов области. Особенностью их работы стали постановки многоактных пьес и рост профессионализма режиссеров и исполнителей.

Уникальной формой проявления социально-творческой позиции советских людей и всего образа жизни этой эпохи была шефская деятельность. Шефство было безвозмездной широко распространенной формой интеллектуальной, физической, образовательной помощи города жителям села, воинским подразделениям, детским домам, заводам и фабрикам. В рамках шефской помощи городские профессиональные художественные коллективы оказывали творческую помощь самодеятельным коллективам, выезжая в сельскую местность с концертами и консультативной помощью художественной самодеятельности села. То же делали и самодеятельные коллективы, выезжая в подшефные колхозы и совхозы.

С 50-х годов в стране в целом и в Пензенской области также стали активнее развиваться кружки изобразительного (живопись, скульптура, графика), декоративно-прикладного искусства. В 1956 г. был открыт Всесоюзный заочный университет изобразительного искусства, обучение в котором осуществлялось бесплатно по следующей схеме. Всякий желающий получить образование в сфере изобразительного творчества присылал по почте свои работы или привозил их лично, а художник-профессионал давал заключение и составлял рекомендации по

овладению навыком изобразительной, пластической техники. Поскольку в советское время почтовые отправления были недороги, состоять в переписке с мастерами-профессионалами мог любой житель Пензенской области.

Результаты деятельности самодеятельных художников, создававших свои студии и кружки, стали демонстрироваться на городских смотрах работ самодеятельных художников из числа рабочих и служащих. Смотры освещались через городскую печать и радио. В клубах, домах культуры и красных уголках предприятий, в учебных заведениях создавались кружки изобразительного и декоративно-прикладного искусства. На занятиях этих кружков читались лекции на разные темы: по вопросам литературы, истории и теории изобразительного искусства, то есть велась учебно-воспитательная работа. В период проведения смотров организовывались выставки работ самодеятельных художников.

Работы, представляемые на смотр, отличались разнообразием. Здесь можно было увидеть: живописные, графические, скульптурные произведения, произведения декоративно-оформительского и народного прикладного искусства. Тематика произведений изобразительного искусства: картин, плакатов, портретов, рисунков (акварель, карандаш, уголь), гравюр, скульптуры из мрамора, гипса, дерева, пластилина, резьбы по дереву, кости, пластмассе, чеканки по металлу могла быть самой разнообразной. На выставках стали появляться также гончарные изделия, керамика, изделия из папье-маше, кружевоплетение, ковроткачество, художественная вышивка, аппликация, выпиливание, выжигание и др.

В 1960-е годы наблюдалось быстрое повышение образовательного и культурного уровня населения области. Если в 1913 году в Пензенской губернии число неграмотного взрослого населения достигало 80 %, а 52 % детей школьного возраста оставалось вне школы, то к концу 1960-х в школах обучалось 300 тысяч учащихся, в высших и средних учебных заведениях занималось 42 тысячи студентов.⁹ Значительно воз-

росла прослойка городской и сельской интеллигенции, это были выходцы из среды рабочих и колхозников, которые закончили высшие и средние специальные учебные заведения. Рост кружковой работы свидетельствовал о значительном уровне духовного развития, возросших интеллектуальных потребностях населения Пензенской области. Предметом особого внимания учреждений культуры было вовлечение в художественную самодеятельность подростков. Художественные кружки и студии пополнялись молодежью, которая приходила на производство после окончания средней школы. Общая тенденция омоложения коллективов художественной самодеятельности повлекла развитие новых самодеятельных жанров: кинолюбительство, фотолюбительство, создавались театры чтеца, агиттеатры, студии современных балльных танцев и цирковые коллективы. Особенно молодежь привлекала хореографическая самодеятельность.¹⁰

Наиболее крупными в этот период были Всероссийский смотр сельской художественной самодеятельности, проходивший с 1963 по 1965 годы, и Всесоюзный фестиваль самодеятельного искусства, посвященный 50-летию Октябрьской революции, который проходил в 1966-1967 годах. Особенностью этих смотров стало привлечение к участию в них большой массы молодежи. На областных этапах смотра выступало 90 % молодежи от общего числа участников, за счет молодежи также происходило значительное обновление коллективов.

1960-е годы были отмечены также введением в практику проведения смотров зональных показов сельской художественной самодеятельности. Лучшие коллективы показывали свои концертные программы в крупнейших административных и культурных центрах региона, в которых принимали участие и пензенские самодеятельные артисты.¹¹

С 1968 году повсеместно в области стали создаваться автоклубы, предназначенные для проведения массово-политической и культурно-просветительской работы в населенных пунк-

¹⁰ ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 79.

¹¹ ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 8.

⁷ ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 61.

⁸ ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 63.

⁹ ГАПО. – Ф. р-2357. – Оп. 1. – Д. 428. – Л. 19-20.

ктах, не имеющих стационарных клубных учреждений, на фермах, в полеводческих и тракторных бригадах колхозов и отделениях совхозов. Деятельность автоклубов напрямую способствовала расширению аудитории агитационно-художественных бригад за счет проведения концертных выступлений в отдаленных и малых селах и деревнях области.

В парках культуры и отдыха городов и районных центров Пензенской области новой формой обслуживания стали недели отдыха рабочих и служащих конкретных предприятий, учреждений и организаций, где коллективы художественной самодеятельности предприятий, клубов и домов культуры проводили концерты. Кроме того, каждое воскресенье для детей и подростков в парке давались спектакли и концерты художественной самодеятельности.

В 1970-е годы происходит дальнейшее расширение сети учреждений культуры Пензенской области, вместе с этим растет число кружков художественной самодеятельности. К 1980-му году в области действовали народные и академические хоры, ансамбли песни и танца, оркестры (духовые и народных инструментов, симфонические и эстрадные, инструментальные и вокально-инструментальные ансамбли), кружки народного и бального танца, драматические коллективы, агитационно-художественные бригады, кружки кинолюбителей, фотолюбителей, изобразительного и декоративно-прикладного искусства. Возрастной состав этих кружков был обширен – от детей до людей старшего поколения.

Новой формой развития художественной самодеятельности в области стала организованная в 1974 году Пензенская областная народная филармония. В Положении о работе народной филармонии написано: «Основной задачей народной филармонии является систематический показ творческих отчетов коллективов сельских районов области и промышленных предприятий городов Пенза, Кузнецк, Сердобск, Каменка. Творческие отчеты проводятся как тематические концерты...».¹²

Работа Пензенской областной народной филармонии и организация Дней культуры нашли свое продолжение и в следующем десятилетии.

С 1986 года к художественной самодеятельности добавилось проведение спортивных мероприятий. Смотры народной филармонии стали проходить под названием «День культуры и спорта».

Наряду с этим все более широкие масштабы принимали мероприятия новых форм организации отдыха, не связанные с художественной самодеятельностью – танцевальные вечера, дискотеки, спортивные мероприятия.

В области в 80-е годы велась работа по выявлению и организации семейных художественных ансамблей, что было новым словом в организации художественной самодеятельности. Часто творческие смотры художественной самодеятельности проводились в форме вечера отдыха трудовых династий и семейных ансамблей.

Таким образом, развитие художественной самодеятельности Пензенской области во второй половине 20 века представляло собой региональное проявление общероссийской динамики художественно-культурной, культурно-просветительной работы. В рассматриваемый период художественная самодеятельность области приобрела массовый характер, выразившийся в значительном расширении охвата населения этим видом непрофессионального творчества. Культурно-историческая преемственность отразилась в появлении новых, оригинальных форм организации художественной самодеятельности на основе накопленного опыта, что обеспечивало устойчивость развития социокультурных технологий деятельности в учреждениях культуры.

Список литературы

1. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 24.
2. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 28.
3. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 93.
4. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 94.
5. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 60.
6. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 16.
7. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 61.
8. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 63.
9. ГАПО. – Ф. р-2357. – Оп. 1. – Д. 428. – Л. 19-20.
10. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 79.
11. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 65. – Л. 8.
12. ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 18.
13. Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. Т. 1. Россия на рубеже тысячелетий: социология экономики и политики (1985 – 2005). – М.: Издательство РГСУ, 2007. – 556 с.

DEVELOPMENT FORMS OF AMATEUR TALENT GROUPS IN PENZA REGION IN THE SECOND PART OF 20 CENTURY

Kondratenko Natalia Vladimirovna,

Deputy Director of Studies Institute branch of SamGUPS in Penza,
Volodarskogo st. 98/5, Penza, Russia, 440000,
nvkond@mail.ru

Abstract

The question about particular features of the development regional forms of amateur talent groups in the period formed needs of population in self-expression through unprofessional creation (work) is examined in the article. The massive nature of amateur talent groups, its cultural and historical continuity providing stability of sociocultural technologies of activity in institutes of culture are analyzed.

Keywords

Forms of amateur talent groups, section work, folk art.

¹² ГАПО. – Ф. р-2584. – Оп. 1. – Д. 105. – Л. 18.

**ПУБЛИКАЦИЯ
В НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННОМ ЖУРНАЛЕ
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»**

Основные рубрики: «Методы и методология исследования культурных процессов»; «Искусство, образование, наука»; «Духовное наследие и культура»; «Культура регионов»; «Культура повседневности»; «Этнокультуры в прошлом и настоящем»; «Имена и события прошлого»; «Культурное наследие мира» и др.

С 1 декабря 2015 г. журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук.

Требования к статьям, присылаемым в журнал «Культурное наследие России»

- К рассмотрению принимаются не опубликованные ранее статьи общим объемом до 10–12 страниц (не более 0,5 п.л. — 20 000 знаков).
- Публикация безгонорарная, автору высылается электронная версия журнала.
- Авторы несут ответственность за содержание статей и за сам факт публикации. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
- Автор представляет рукопись по электронной почте: **knaros@yandex.ru**.
- Формат текстовых файлов — **DOC, DOCX**.
- Все элементы статьи выполняются шрифтом Times New Roman, размер (кегель) — 14 пт (основной текст), 12 пт (сноски); расстояние между строк (межстрочный интервал) — 1,5; абзацный отступ — 1 см., шрифт — обычный; выравнивание — по ширине (кроме указанного особо).
- Формат страницы — А4. Поля — 2 см.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии

с изложенными ниже требованиями и включать все перечисленные пункты:

1. Тип статьи (*выбрать из списка на следующей странице*).
2. УДК (*определить самостоятельно в соответствии с темой статьи*).
3. ББК (*определить самостоятельно в соответствии с темой статьи*).
4. Название статьи — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
5. ФИО автора полностью — выравнивание по правому краю.
6. Сведения об авторе: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
7. Аннотация на русском языке (5–8 строк).
8. Ключевые слова на русском языке (8–10).
9. Основной текст: шрифт — Times New Roman, кегель — 14 пт., междустрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см.; выравнивание текста по ширине. **Сноски — постраничные (внизу страницы)**.
10. Список использованной литературы.
11. Название статьи на английском языке — выравнивание по центру, жирный шрифт, прописные буквы.
12. ФИО автора полностью на английском языке — выравнивание по правому краю.
13. Сведения об авторе на английском языке: ученая степень, звание; почетные звания; должность и место работы; контактный телефон; адрес электронной почты — выравнивание по правому краю.
14. Аннотация на английском языке (5–8 строк).
15. Ключевые слова на английском языке (8–10).

Иллюстрации представляются отдельными файлами. Формат файлов — TIFF, JPG, JPEG.

Редакция может не разделять мнения авторов и не несёт ответственности за недостоверность публикуемых данных.

Редакция журнала не несёт ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

**ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ЖУРНАЛА
«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ РОССИИ»**

RAR
УДК 008.001.14
ББК 63.3

СУБЪЕКТ, ЛИЧНОСТЬ, ДУХ И ДУХОВНОЕ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

Иванов Иван Иванович,
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных наук,
Академия переподготовки работников искусства, культуры и туризма,
ул. 5-я Магистральная, д. 5, г. Москва, Россия, 123007,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Аннотация

Постмодернизм изменяет существующее в науке понятие личности. С позиций постмодернизма личность — это мозаика множественных идентичностей, социальных ролей, масок, которые человек волен выбирать и изобретать по своему желанию.

Ключевые слова

Субъект, личность, индивид, дух, духовное, фрагментация.

Как замечает М. Мамардашвили, мировые религии «отличаются от этнических религий прежде всего тем, что они обращены к личности и предполагают наличие в самом человеке начала и корня, который задан в нём как некоторый внутренний образ, или голос. И достаточно слышать этот голос и следовать ему, оказавшись один на один с миром, не цепляясь ни за какой внешний авторитет, никакую внешнюю опеку, пользуясь лишь этим личностным источником, чтобы идти, и тогда в пути Бог поможет. Он поможет только идущему»¹.

.....
Когда цитируют слова Фуко о том, что «человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке»², то обычно это высказывание трактуют буквально...

¹ Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. С. 199.
-
8. Мамардашвили М. К. Философия и религия // Человек. 1997. № 4. С. 81.
-
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С. 404.

SUBJECT, PERSONALITY, SPIRIT AND SPIRITUALITY IN THE POSTMODERN ERA

Ivanov Ivan Ivanovich,
DSc in Philosophy,
Professor of the Department of Humanities,
Academy of Retraining Arts, Culture and Tourism,
5-ia Magistralnaia Str. 5, 123007 Moscow, Russia,
e-mail: ivanov@yandex.ru

Abstract

Postmodernism modifies an existing concept in the science of personality. From the standpoint of postmodern identity — a mosaic of multiple identities, social roles, masks that man is free to choose and invent as you wish.

Keywords

Subject, person, individual, spirit, spiritual, schizoid fragmentation.

Тип статьи:

RAR – научная статья;	SCO - краткое сообщение;	COR- переписка;
EDI - редакционная заметка;	REV- обзорная статья;	PER – персоналии;
BRV- рецензия;	ABS- аннотация;	MIS – разное;
CNF – материалы конференции;	REP- научный отчет;	UNK – неопределен.